

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Тайны Порога

GA 147

**ПРИ ПОСТАНОВКЕ
ДРАМ МИСТЕРИИ
„СТРАЖ ПОРОГА”
И
„ПРОБУЖДЕНИЕ ДУШИ”**

Die Geheimnisse der Schwelle

**Цикл лекции прочитаний в Мюнхен
с 24 по 31. 08. 1913 г.**

СОДЕРЖАНИЕ

СТР.

1. лекция 1, 24 августа 1913 г.....	3
ПРОБУЖДЕНИЕ ДУШИ. СТУПЕНИ ОБРАТНОГО ВОСПОМИНАНИЯ. НАСТРОЕНИЕ ОЖИДАНИЯ.	
2. лекция 2, 25 августа 1913 г.....	19
НАБЛЮДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ МЕЖДУ ЧУВСТВЕННЫМ И СВЕРХЧУВСТВЕННЫМ МИРОМ. СУЩНОСТЬ И ДЕЙ СТВИЯ ЛЮЦИФЕРА И АРИМАНА. КАК ВОЗНИКАЕТ ЗЛО?	
3. лекция 3, 26 августа 1913 г.....	33
ПЕРЕЖИВАНИЯ ДУШИ В ЭЛЕМЕНТАРНОМ МИРЕ.	
4. лекция 4, 27 августа 1913 г.....	47

ПОДЪЕМ ДУШИ В СОБСТВЕННО ДУХОВНЫЙ МИР. ЧТЕНИЕ
КОСМИЧЕСКОГО ПИСЬМА В ОБЛАСТИ ДУХА, МИРОВОЕ СЛОВО.

5. лекция 5, 28 августа 1913 г.....60
ГОСПОДСТВО ТРОИСТВЕННОСТИ В МИРОВЫХ ЯВЛЕНИЯ. СКАЗОЧНОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ ГОСПОЖИ БЕНЕДИКТА. МЫСЛЬ, СЛОВО, ПИСЬМО.

6. лекция 6, 29 августа 1913 г.....73
ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПОНЯТИЙ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО ХОДА
КУЛЬТУРЫ. ВСТРЕЧА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ В ДУХОВНОМ МИРЕ С
ДРУГИМИ Я. РАЗГОВОР В ДУХЕ МЫСЛЕ-ЖИЗНЕСУЩНОСТЕЙ.

7. лекция 7, 30 августа 1913 г.....85
РАЗВИТИЕ ИОАННА ТОМАЗИУСА. ДВОЙНИК. ДУХ ИОАННА
МЛАДШЕГО. ДРУГАЯ ФИЛИЯ. (ПРОПАСТЬ САМОСТИ).

8. лекция 8, 31 августа 1913 г.....97
ЛЮЦИФЕРИЧЕСКИЕ И АРИМАНИЧЕСКИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ. СТРАЖ ПОРОГА.

Первая лекция

ПРОБУЖДЕНИЕ ДУШИ. СТУПЕНИ ОБРАТНОГО ВОСПОМИНАНИЯ. НАСТРОЕНИЕ ОЖИДАНИЯ.

24 августа 1913 г.

Мои дорогие друзья!

Вам известно, что в этот раз нам пришлось наши празднества начать с известным недочетом. К моему великому сожалению у нас не было возможности уже в этом году поставить предполагаемую «Охранительницу Душ», нашего уважаемого Эдуарда Шюре: самые разнообразные причины вынудили нас отложить эту постановку. Это, в известном смысле, достойно сожаления по той причине, что именно в наши дни, именно в наше время было бы важно показать нашей душе смысл и значение именно этого произведения нашего уважаемого Эдуарда Шюре. В этом произведении дано здешнее физическое выражение течениям и натискам развития человечества, которые могут многое выяснить в подчас потрясающих событиях нашего времени, проходящих перед нашими душами без того, чтобы было возможно вникнуть в более глубокие основы этих событий с помощью духовного понимания, которое, скажем, в настоящее время возможно развить на физическом плане, главным образом в Западной Европе.

Более глубокому размышлению, действительно бросается в глаза, как самое значительное, так сказать, сотрясает души народов европейского Востока. Как многое происходит того, что становится объяснимым только тогда, когда можно принять в расчет то, что совершается в жизни народов в смысле течений под поверхностью физически-чувственного мира. В известном смысле поразительно как мало, в сущности, западноевропейское рассудочное мышление думает о том, чтобы понять сердцем и душой более глубокие основы этих потрясающих событий! И потому могло бы казаться, что, так сказать, непосредственные впечатления нашего времени кармически повелевают поставить перед душевным взором драму, которая

выносит на поверхность противоположности в народных душах.

Имело бы особенное значение, не только в эстетическом отношении, но и в смысле понимания многого, происходящего в наше время, вызвать перед душевным взором ту противоположность, которая могла бы явиться перед нами в «Охранительнице душ» Эдуарда Шюре: противоположность между тем, что как след, как импульс осталось в Западной Европе от древней кельтской народной души и что выступает перед нами в некоторых лицах этой драмы и тем собственно романо-французским элементом, который, опять-таки, встал бы перед нашей душой в другой части действующих лиц драмы. И, кроме того, важно было бы увидеть, как в человеческую жизнь начинают проникать, выражаясь внешне в чувственной жизни, прилив и отлив воли, происходящий в области оккультного. Ибо ведь в этой драме выражено, как вследствие известных событий распространяется неправда в чувственном мире, так что отношения, существующие между действующими лицами выражают эту неправду, и выражено, как из глубин душевной жизни, в данном случае из того, что изживается в тайнах крови до известной степени изливается затем истина в логике отношения чувственного мира. Все это встало бы в этой драме перед нашим духовным взором. И в наше время важно дать таким вещам воздействовать на душу, в такое время, когда на наших глазах, в самой Европе нашей разыгрываются события, в которые, действительно, проникают силы народных Душ, действующие под поверхностью и не могущие быть понятыми, если не обратить душевного взора на эти народные Души. То, что совершается во внешней жизни, есть в сущности говоря, ни что иное как то, что, как бы кармически проникая в эту внешнюю жизнь, охватило народные Души на нашем европейском Востоке и Юго-Востоке много столетий тому назад! Можно было бы сказать: незаметно для внешнего мира совершаются теперь кармические явления, находящиеся в связи с тем, что на физическом плане выражается лишь симптоматически, в сущности, выражается на физическом плане четырьмя словами. То, что получает теперь свое кармическое выражение, подготовлялось в то время, когда в европейские народные Души проникло то знаменитое и породившее так много споров *«filioque»*, разделяя и расщепляя их на Восток и Запад. В сущности говоря, какое дело нашей современной душе, с ее пониманием, до того, из чего некогда разделились Восток и Запад Европы? Исходит ли то, что обозначается как Святой Дух только от Отца, как утверждает Восток, или же и от Сына как говорит Запад? Это имеет свое основание, почему Запад прибавил в то время *«filioque»* к нисхождению Святого Духа от Отца: ибо все силы, развившиеся на европейском Западе и давшие импульсы культуры Европы, связаны с этим. Нас не касаются здесь все богословские споры различных вероисповеданий, возникшие по поводу этого символа, но для нас важно, что душевная жизнь некогда выразилась в том, что единое вероисповедание расколосось на два, из которых одно говорит, что Дух исходит от Отца и Сына, в то время как другое верит, что Дух исходит только от Отца. В этом выражается то, что оказывает действие вплоть до наших времен, что живет и бьется в глубинах и что можно понять лишь в том случае, если несколько вникнуть в таинственное господства оккультных причин в народных душах. Когда меч Каролингов утвердил от Запада до Востока, ибо это сделал меч Каролингов, а не папская церковь, когда он утвердил вероисповедание Духа, исходящего от Отца и Сына, тогда в европейскую культуру была заложена основа того, что в наше время прорывается наружу в могучих, потрясающих потоках. Таким образом если бы углубиться в эту драму, основой которой являются эти народ-ные Души, то можно было бы пролить луч света на события настоящего времени.

В вопросе отмены этого представления решающее значение имело то обстоятельство, которое с другой стороны, очень отраднo, что число желающих присутствовать на наших представлениях было так велико, что если бы мы захотели провести нашу первоначальную программу, мы были

бы вынуждены лишить многих наших друзей возможности присутствовать на представлениях «Стража Порога» и «Пробуждения Душ» (как гласит теперь название последней драмы). Не будь этого обстоятельства, мы может быть все-таки могли бы провести нашу первоначальную программу. Все было подготовлено уже настолько, что, например, все декорации совершенно закончены, и также и все костюмы. И, как я уже сказал, если бы не упомянутое обстоятельство, мы могли бы надеяться поставить и эту третью драму. Но тогда мы вынуждены были бы исключить многих из наших друзей из участия в празднествах этого года. И, конечно, справедливее отложить постановку одной из драм, чем отнять у наших друзей возможность присутствовать на представлениях, которые будут даны.

То, что дало бы нам представление этой драмы, связано и с тем, что мы в этой драме имеет перед собой произведение уважаемого нами Эдуарда Шюре. И когда мы называем это имя, мы должны понять, что оно принадлежит тому человеку, который в своих «Великих Посвященных» и других своих трудах является первым вестником эзотерического направления Запада, направления, которому мы хотим посвятить свои силы. Мы должны думать все снова и снова о том, что внес Эдуард Шюре для современности, а также и для будущего развития человечества, создав этим целую эпоху. Поэтому я могу не только из глубины моего сердца, но также и от имени всех собравшихся здесь друзей выразить удовлетворение по поводу того, что и во время настоящих представлений и нашего мюнхенского цикла Эдуард Шюре снова находится среди нас. Он присутствует на утреннем цикле, но так как у нас кроме того будут празднества, на которых мы будем все вместе, то все друзья будут иметь возможность видеть лично человека, со своей гениальностью и глубоким пониманием эзотерических отношений снова ставшему по глубочайшему побуждению на нашу сторону, в настоящее время, когда мы были вовлечены, как всем известно, в борьбу, которая была нам навязана и которой мы, право, не искали. И глубокая связь с Эдуардом Шюре опять-таки сказалась в том, что он стал на нашу сторону своим открытым письмом, проливающим свет на то, где в наших стремлениях истина и где враги истины ибо так должны мы это назвать. Письмо это, которое неоднократно было напечатано в наших «*Mitteilungen*», вы найдете также в прекрасной книге нашего уважаемого друга Евгения Леви, которую с завтрашнего дня можно будет получить у стола с книгами.

Это в высшей степени характерно, мои дорогие друзья, что хотя с другой стороны после продолжительного времени решили до известной степени взять обратно лишенное основание обвинение в иезуитизме, но хотелось бы сказать так, что при этом замечается внутреннее сопротивление и желание скрыть это признание, характерно то, что при этом не преминули опять-таки соединить это отступление с поруганием того, что Эдуард Шюре из глубокого стремления к истине изложил в этом открытом письме. И во время и без того не легкой мюнхенской постановки были друг с другом связаны затруднения, возникшие вследствие навязанной нам борьбы, которой мы здесь больше касаться не будем, которая стоила нам столько трудов и мыслей, и которая в сущности, действительно, была излишней и останется излишней и в дальнейшем.

Но наши друзья должны также несколько обратить внимание на то, что было сделано для выяснения истины. Кроме книг которые были уже упомянуты, я упомяну прекрасную книгу нашего друга Леви, которая появится также и на немецком языке; я упомяну брошюру д-ра Унгера, г-жи Вольфрам, Вальтера, которые, кроме других, можно будет получить среди наших книг, книги, написать которые нашим друзьям было действительно трудно, так как в сущности у каждого из них есть более важные дела, нежели такая ненужная, противоречащая истине борьба. Но для наших друзей необходимо, чтобы эти брошюры были не только написаны, но и прочитаны. Ибо когда-нибудь возникнет необходимость для наших друзей,

серьезно стремящихся к истине, действительно познакомиться со всем тем, что произошло, как бы это знание ни было безотраднo в известном отношении. Именно с этой стороны, в последнее время, встретила наша работа в Мюнхене много трудных препятствий.

И если я говорю об этой работе, как я это опять бы хотел сделать и в нынешнем году, то необходимо упомянуть, что тем лицам, которые, так сказать, за кулисами должны были выполнить трудную и утомительную работу для мюнхенской постановки, эта работа не была облегчена отпадением одной драмы. Вследствие этого необходимо было все изменить и, таким образом, работа не только не уменьшилась, но даже умножилась и усложнилась. Таким образом не следует думать, что сложные подготовительные работы были хоть сколько-нибудь облегчены отменой одной драмы. Наоборот, эта работа, которую главным образом должны были выполнить г-жа Стинде, графиня Калькрейт и их помощники, была значительно умножена. Также и в этом году мне хотелось бы указать на то, с какой самоотдачей и самопожертвованием большая часть наших друзей опять посвятила себя осуществлению наших мюнхенских празднеств. Они могут быть осуществлены только благодаря тому, что в большей части наших друзей живет такая готовность к жертве. Уже в июне должны мы начинать приготовления, и так было в этом году. Наши уважаемые художники Линде, Хааз и Фолькерт опять должны были посвятить себя продолжительной работе и, как уже упоминалось, эти работы были совершенно закончены. А вместе с ними работало очень много людей, которые так сказать за кулисами или даже до того, что кулисы были закончены, в полной тиши отдавались этой работе. И это действительно прекрасно и всегда будет прекрасно, как эта готовность к жертве проявляется в этой области. Только для примера укажу на то, что один из наших друзей, которому были поручены две большие роли, одна в «Страже Порога» и в «Пробуждении Душ», а другая в пьесе Шюре что этот нага друг даже не знал будет ли он в состоянии выдержать такое количество репетиций, какое было бы необходимо для трех пьес, и все же с готовностью принял на себя эти обязанности. Все это вещи, показывающие насколько способность к самоотдаче и готовность к жертве постепенно выросли в нашем антропософическом обществе среди значительного круга людей. Друзья, которые, как уже было сказано, частью должны были очень рано начать свои работы, упомянутые художники, также г-жа фон Экартштейн, на обязанности которой лежало составление костюмов, они уже с июня должны были всецело посвятить себя работе. Участвующие в представлениях заняты весь день, так что они в течение всего дня едва ли могут заняться чем-либо иным. Они известны, посвятившие себя этой работе разрешат мне не называть отдельных имен, так как иначе я был бы вынужден составить длинный, длинный список. Они простят мне, если я только в общем выражу, как и в этом году опять, по отношению ко всем участвовавшим в работе, сердце мое исполняется благодарностью а также, наверное, и сердца всех, кто имел возможность насладиться тем, что было приготовлено нашими друзьями в этих мюнхенских празднествах.

Хотя количество противников со всех сторон даже и возрастает, все же оказывается, что наша работа, наши стремления распространяются; и уже большое количество наших друзей интересовалось тем, что так сказать развилось, как новая отрасль, из наших стремлений: выразительный жест, выразительное движение, выполнение в благороднейшем смысле то, что всегда называли искусством танца. Часть наших друзей имела достаточно возможности и еще будет ее иметь – познакомиться с тем, что здесь выявилось, как эвритмия. Во время одного из наших собраний мы будем иметь случай ознакомить наших друзей с этой отраслью нашей деятельности. Это, мои дорогие друзья, и есть в главных чертах то, что так сказать, как субъективное я хотел предпослать этому циклу лекций.

Если вы вспомните о происходившем на сцене в последние дни, то вы увидите, что оно являет многое, что может быть связано с рассмотрением этого цикла лекций. Я смею сказать, что я после разных запросов каждый год делал попытку, не только пером, но также разрабатывая до известной степени, я все снова откладывал эту работу на том основании, которое я также отчасти отметил в предварительных замечаниях к «Пробуждению Душ». Мне неприятно задним числом рассудочно комментировать то, что по истине вытекает не из теоретического, не из рассудочного; то, что в образах стоит перед нами подобно вдохновению из духовного мира и о чем рассудочно я также мог бы говорить не иначе, чем может говорить другой, когда он вникает в данный предмет. Есть известная потребность дать самим вещам говорить за себя, вещам, явленным подобным образом и так сказать не приурочивать их к неустойчивому образу представления, который не может быть ничем иным как рассудочным мышлением и построением теорий. Тем не менее, может быть можно дать некоторые разъяснения в этом цикле лекций; и сегодня я хотел бы прежде всего направить ваше внимание на то, что было вам представлено в IX, X и XIII картинах «Пробуждение Душ». Именно в этих картинах мы имеем перед собой нечто, что можно было бы назвать простыми, образными впечатлениями, в то время, как, может быть, многие могли ожидать, что после действия, относящихся к области духа и к египетскому посвящению, перед душевным взором будет выведено нечто более бурное, трагическое, нечто можно было бы сказать – более громогласное, а не протекающее в тиши души. И, тем не менее, все, что в IX, X и XIII картинах было бы изображено иначе, должно было бы показаться неверным оккультному взгляду. Перед нами развития душ... Здесь необходимо тотчас же сказать, что хотя теоретические рассуждения, которые даются также и нами для развития души до высших миров, как однако это душевное развитие должно быть для каждой души различно, в зависимости от ее особенных свойств, характера, темперамента и иных условий. Поэтому можно также приобрести более глубокое понимание оккультного развития души только в том случае, если рассматривать его в его разнообразии, в том, как оно иначе протекает для Марии, иначе для Иоганнеса Томазиуса и иначе для других действующих лиц нашей драмы. Девятая картина посвящена прежде всего тому душевному моменту в Марии, когда в душу входит сознание того, что эта дуга так сказать в своих глубинах пережила еще не вполне сознательно в предшествующем деваханическом периоде, и что она прошла в отдаленном прошлом, в том периоде, к которому относится египетское посвящение. В том, что в этот раз было представлено в области Духа мы имеем дело с переживанием души между той смертью, которая наступала после средневековой инкарнации, и рождением в то время, в котором происходят «Врата посвящения», «Испытание души», «Пробуждение дуга» и «Страж Порога». Все они, за исключением эпизода в «Испытании Души», составляющего содержание духовного обзора Капезиусом своей прошлой жизни, происходят в настоящем; в том настоящем, которое примыкает к духовному прошлому, деваханически протекающему между смертью соответствующих лиц после средневекового воплощения, составляющего содержание данного эпизода – и настоящей жизнью, то, что переживают души во время своего деваханического периода различно в зависимости от того, прошли ли души на земле через ту или иную подготовку. Это является значительным душевным переживанием, когда душа в деваханический период сознанием проходит через то, что названо мировой полночью. Души, не подготовленные к этому, переживают эту «мировую полночь» так, что как бы спят в то время, которое можно обозначить как период Сатурна Девахана. Все следующие друг за другом периоды, через которые проходят души между смертью и новым рождением, можно в связи с отдельными планетами обозначить, как период Солнца, Марса, Меркурия и т.д. многие

души просыпают так сказать эту мировую полночь. Души, приготовленные к этому, *бодрствуют* в этот период из духовной жизни в ту мировую полночь. Это еще не обуславливает того, что такие души, которые, благодаря своей соответственной подготовке сознательно переживают, т.е. переживают в бодрствовании между смертью и новым рождением «мировую полночь», что они также вносят в земную жизнь сознание об этом переживании когда он вступает в физическое бытие. Для Марии, для Иоганнеса Томазиуса это протекает таким образом, что они соответственно подготовленными переживали «мировую полночь» во время своего духовного периода между смертью и новым рождением, но так, что с начала этой земной жизни и в течение долгого времени ее расстилается известного рода душевное омрачение над переживанием во время «мировой полночи», так что это последнее всплывает в более поздний период настоящей земной жизни. Но оно возникает только тогда, когда наступает известный внутренний покой и отрешенность души. Значительны и глубоки события, совершающиеся с душой, когда она в бодрствовании переживает мировую полночь. Спокойным внутренним переживанием, просветленным внутренним переживанием, должно быть земное воспоминание о «мировой полночи», ибо действие этого переживания «мировой полночи» таково, что то, что обыкновенно бывает только субъективно, что обыкновенно действует внутри, как душевные силы, встает перед душой, как нечто сущностное. Так перед Марией оно встает так, как это представлено в IX картине «Пробуждение Душ», в образах Астрид и Луны, так что эти последние становятся живыми существами. А для Иоганнеса Томазиуса другая Филия становится живым существом духовного мира, для Капезия Филия как живое существо духовного мира, каким она представлена в XIII картине. Души должны были научиться так чувствовать, так переживать себя, чтобы то, что прежде жило в них только как абстрактные силы встало бы перед ними словно духовно осязаемым. И то, что духовно осязаемо, как истинное самопознание встает перед душой, должно наступить при полном душевном покое, как спокойный результат медитации; это-то и необходимо для того, чтобы такие события могли быть пережиты в истинном, в подлинном смысле этого слова для действительного усиления, укрепления души. Если хотеть пережить воспоминание о «мировой полночи» или о таком событии, какое представлено в сцене египетского посвящения, в бурном трагизме, а не в просветленной медитации, то этого нельзя было бы пережить вовсе. Тогда духовное событие, разыгрывающееся в душе, затемняющее встало бы перед душой, так что впечатления ускользнули бы от наблюдения души. Душа, которая пережила «мировую полночь», на которую произвели глубокое впечатление, какие представлены в VII и VIII картинах «Пробуждения Душ», может только вспоминать то, через что она прошла, когда душа в полном и просветленном покое ощущает приближение мысли о том, что было прежде пережито в Духовном или в прежней земной жизни так, как это выражено в словах, стоящих в начале IX картины:

*«Звезда души там на духовном берегу,
Она плывет-плывет во свете духа.
Неся мой дух и в приближении
Растет и свет и также тишина.
О, ты, звезда, в моем духовном круге
Что ты несешь очам моей души?»*

Ощутить истинно в оккультном смысле наступление воспоминания о мировой полночи и о переживании предыдущей инкарнации можно только тогда, когда душа находится в этом *спокойном, состоянии*, так что воспоминание не с бурным трагизмом приближается к душе. Тот, кто это переживает, кто проходит через мировую полночь, переживает нечто, во

всяком случае, значительное для душевного переживания человека. Тогда переживаешь то, что нельзя выразить иначе, чем в словах: в ту мировую полночь переживаются вещи, которые скрыты глубоко, глубоко под поверхностью не только чувственного мира, но также и под поверхностью тех миров, в которые вводит первоначальное ясновидение. От чувственного мира, а также иногда от ясновидящего взора, уже проникшего сквозь некоторые слои за чувственным миром, ускользает то, что мы об этом еще будем говорить можно назвать необходимостями в мировом вершении; те необходимости, что коренятся в основах вещей и в которых коренятся также и глубочайшие основы человеческой души, но которые ускользают от чувственного, а также и от первоначально ясновидящего взора, и лишь тогда раскрываются этому последнему, когда переживается нечто подобное тому, что образно представлено образом Сатурна. И можно сказать, что такому ясновидящему взору, который впервые должен возникнуть во время между смертью и новым рождением, действительно кажется, что поле зрения души пронизывают молнии, которые в своем ужасном сиянии освещают мировые необходимости, но которые в то же время так ослепительно яркие, что от яркого сияния угасают познающие взоры и из угасающих познающих взоров образуются формообразы, которые потом вплетают в движение мира, как бы формы, из которых возникают судьбы духовных Существ. Лишь тогда можно прозреть в глубинах необходимости основы судеб человека и иных мировых Существ, когда глядишь такими познающими взорами, которые умирают в познании от сверкающих молний и преобразуются как бы в умершие формы, которые затем продолжают жить импульсами судеб жизни. И все то, что находит в себе истинное самопознание не то самопознание, о котором так много болтают в теософических кругах а то действительно серьезное самопознание, которое дается в течение оккультной жизни все, что душа видит в самой себе, со всем несовершенством, которое душа себе приписывает, это слышится в мировую полночь, как бы вплетенным в раскаты мирового грома, гремящего в глубинах бытия.

Это такие переживания, которые с великим трагизмом и святой серьезностью, как пробуждение совершаются лицом к лицу с мировой полночью между смертью и новым рождением. Если душа созрела к тому, чтобы внести познание об этом в физический чувственный мир, то это должно произойти в той просветленности медитативного настроения, которая указана словами Марии в начале IX-ой картины. Но тогда эта душа должна была ранее пережить то, что она ощутила в своей жизни духа: как будто нечто от нее самой, нечто, что внутренне принадлежит к ней самой, что не всегда только жило в том, что называют своим «Я». приблизилось к ней из мировых далей. Настроение, в котором приближается нечто, как бы часто от собственного «Я» в мире духа, но приближается как бы из далей, мы постарались передать в словах, которые Мария говорит в области духа:

И пламя близится, оно с моим мышленьем От берегов моих, что в жировой душе; И жаркий близок бой: мое мышление Оно воюет с мыслью Люцифера! В другой душе в борьбе мое мышление, Несется жаркий свет из хлада темноты, Как молнии горит горячий свет души, Душевный свет, в ледяных равнинах мира. Воспоминание о том, что переживаешь и что выражается в подобных словах, может быть передано в указанных словах Марии в начале IX картины. А то, что душа должна пережить, чтобы иметь такое воспоминание о «мировой полночи», тоже должно совершиться в земной жизни, а именно так, чтобы человеческая душа прошла через переживания, заставившие ее пережить настроение внутреннего трагизма, внутренней серьезности, внутреннего ужаса, которые могут быть выражены только в таких словах, какие вложены в уста Марии, в конце IV картины. Здесь нужно уметь почувствовать, как наше собственное «Я» отделяется от того, что обыкновенно называют внутренней жизнью; как мышление, с которым чувствуешь себя интимно связанным в жизни, вырывается из

внутреннего, как оно уходит в далекие, далекие дали из поля зрения, и нужно уметь найти в себе как живое настоящее души то, что выражено в таких словах, которые внешнему чувственному пониманию и связанному с физическим мозгом рассудку, конечно, кажутся абсолютной бессмыслицей, и набором противоречий. Нужно раньше пережить это настроение ухода собственного «Я», собственного мышления из внутреннего бытия, если хочешь в совершенном покое пережить воспоминание о «мировой полночи». Для того, чтобы могло наступить нечто подобное тому, что стремится выявиться в IX картине, воспоминанию в земной жизни должно предшествовать переживание «мировой полночи» в духовной жизни. Но для того, чтобы это было возможно, должно опять-таки предшествовать душевное настроение, выраженное в конце IV картины. Пламена действительно летят, но они входят в земное сознание, они приближаются к покою в медитации не ранее, чем они улетели, не ранее, чем это душевное настроение стало истиной:

*И пламена летят, летят с моим мышленьем:
На берегу моем, что в мировой душе.
Жестокий бой, в борьбе мое мышление
У волн Ничто с холодным светом Духа.
Оно колеблется; холодный свет, и рвется
Горячая из мысли темнота.
Но что растет из сумрачной жары?
То в алом пламени стремится «Я» во свет:
Во хладный свет льдяных равнин вселенной.*

В такой зависимости находятся события, и находясь в такой зависимости, они укрепляют внутренние душевные способности таким образом, что бывшее раньше только абстрактной душевной силой встает духовно-телесно перед душой, так что оно одновременно есть особое существо и в то же время находится внутри, подобно тому, как Астрид и Луна являются перед Марией. И тогда эти существа, которые суть истинные существа, и которые в то же время переживаются как душевные силы, предстают так, что они могут явиться вместе со Стражем Порога и Бенедиктом, как это было представлено в IX картине. Но самое существенное заключается в том, что можно ощутить настроение этой картины и тогда, когда пробуждение, воспоминание о мировой полночи и прошлое Египта совершенно иначе, индивидуально протекает у Иоганнеса Томазиуса, так что становится телесной та внутренняя душевная сила, которой соответствует другая Филия. Для такой души, какая живет в Иоганнесе Томазиусе и которая именно так настроена, имеют значение слова другой Филии: «Дух заколдованный собственной сущности», («*Verzaubertes Weben des eigenen Wesen*»), а также и все то, что связано с этим в ходе мистерий. И вследствие этого, что это так, Дух молодости Иоганнеса, Бенедикт к Люцифер появляются именно таким образом, как они изображены в конце IX картины. Мои дорогие друзья, важно, чтобы в связи именно с этой картиной был направлен душевный взгляд на то, как Люцифер приближается к Иоганнесу Томазиусу, как произносятся те же слова, что были произнесены в конце III картины «Стража Порога»; как из этих слов явствует, что через все миры и жизнь человечества проходит борьба Люцифера, но также проходит и настроение, звучащее нам из слов Бенедикта навстречу словам Люцифера. Постарайтесь почувствовать то, что лежит в этих словах, произносимых Люцифером, как в конце III картины «Стража Порога», так и в конце X картины «Пробуждение Душ»: «Я буду бороться», «И, борясь, богам служить». И особенно примите здесь во внимание нечто иное. Примите во внимание то, что те же самые слова произносятся в этих двух местах, но что они могут быть сказаны, означая в этих двух местах нечто совершенно

различное. И иной смысл, присущий им в конце X-ой картины «Пробуждения Душ», обуславливается тем, что слова Марии были прежде измененными словами других слов, которые произносятся в «Страже Порога»; что в душе Марии живет то, что было сказано прежде:

*Мария, так, как ты увидеть хочешь,
Нет в тех мирах, где истина сияет.
Святой обет мой излучает силу,
Все, что постигнешь ты, она обережет.
Теперь она говорит:
«Меня найдешь в равнинах чистых света».
Она уже не говорит:
<В холодных ледяных равнинах>, а
меня найдешь в равнинах чистых света.
Где красота, даруя жизнь, творит;
Меня ищи на дне миров, где души
Хотят божественные чувства обрести
Через любовь, что в мире духу зрима.
(«Пробуждение Душ» X к.)*

Здесь слова обращены иначе, чем в I картине «Стража Порога», Вследствие этого то, что является, как разговор между Люцифером и Бенедиктом: «Я буду бороться», «И, борясь, богам служить» означают в конце IX картины «Пробуждения душ» нечто совершенно иное, нежели в конце III картины «Стража Порога». Этим проливается свет на нечто, что как ариманическое влияние господствует именно во всем рассудочном мышлении, во всей рассудочной культуре настоящего.

Для людей внешней рассудочной культуры современности труднее всего понять, что одни и те же слова в различных сопоставлениях выражают различное. Наша современная культура такова, что люди думают, что когда у них есть слова, то из этих слов, поскольку они запечатлены на физическом плане, всегда должно следовать одно и то же. Это и есть именно та область, в которой Ариман сильнее всего господствует над современным человеком, где он мешает ему постигнуть, что слова оживают во всей глубокой сущности лишь тогда, когда их прозревают в той связи, в которой они находятся. Ничто, поднимающееся над физическим планом, не может быть понято, если не принять во внимание этого оккультного факта. Особенно важно для нашего времени, что такой оккультный факт может влиять на души, на сердце, в противовес внешней рассудочной культуре, охватившей всех людей.

И далее, мои милые друзья, среди многого, что выявлено в этих мистериях, заметьте то, как своеобразный облик Аримана именно в «Пробуждении Душ» сначала тихо подкрадывается, так сказать, как бы пробирается среди людей, приобретая все более и более значение к концу «Пробуждения Душ». (Данные, касающиеся возникновения Люцифера, Аримана и многого другого, я тоже попытаюсь изложить в отдельной книге, которая поступит в продажу во время этого цикла лекций и будет называться «Порог духовного мира». Так как я считаю особенно необходимым, чтобы в это время для наших друзей выяснились некоторые области, то я постараюсь окончить эту книгу к середине недели. Не так легко уяснить себе образы, подобные Люциферу и Ариману, и, может быть, особенно важно для многих именно в «Пробуждении Душ» обратить некоторое внимание на то, что тот, кто отчасти знаком с ариманическим в мире, может думать другое, что может быть думает и другой, из бессознательного ариманического импульса, но думает в ином настроении. Может быть, мои милые друзья, среди вас есть много душ, которые могут почувствовать все отношения, выливающиеся в те слова, которые произносит Ариман, пока он,

так сказать, еще пробирается среди людей:

*Не позволяй ему себя запутать:
Он верно стережет порог,
Хотя сейчас и надевает он
То платье, что ты сам из прошлой жуты
Для духа своего создал.
Конечно, как художник, ты не должен
Его изображать в дурном сценическом вкусе,
Позднее это лучше ты сумеешь!
Душе же служит и карикатура!
Не требуется много напряженья,*

*Чтобы указать, что есть еще сейчас.
Но примечай, как страж твой говорит.
Так элегичен тон, так силен пафос!
Не позволяй тогда раскроет он
Откуда черпает он много до сих пор!*

Я могу себе представить, что с той или иной эстетической точки зрения многие найдут достойной порицания всю манеру этих мистерий. Мои милые друзья, и эти возражения среди многих других возражений против теософии утрачивают значение для того, кто в состоянии перенестись в состояние Аримана. Сверхумные современники, разделяющие теософию, целиком принадлежат к тем, о которых поэт говорит: «Люди не замечают черта даже, когда он уже держит из за ворот». Но этих противников теософии можно отчасти судить на основании тех слов, которые говорит Ариман, когда он крадучись обходит всех.

Но затем он представляет перед нами в своем более глубоком образе, там, где смерть Страдера мало по малу вплетается в действие, представленное в мистерии, вплетается так, что в силах, исходящих на этой смерти, душевный взор должен искать источник всего, что вообще происходит в «Пробуждении Душ», И все снова и снова необходимо повторять, что это пробуждение совершается различным образом. У Марии оно происходит, благодаря тому, что вследствие особых условий перед душой Марии встают те душевные силы, которые находят свое осязаемо-духовное выражение в Луне и Астрид. У Иоганнеса Томазиуса оно происходит, благодаря тому, что в нем становится переживанием «Дух заколдованный собственной сущности», таким образом, как это духовно-осязаемо, если можно употребить такое бессмысленное выражение, предстает перед ним в другой Филии; и опять-таки иным образом у Капезия, благодаря Филии. Но еще и в совершенно иных формах может затеплиться пробуждение в душах. Так в XI картине мы видим, как оно зарождается в душе Страдера. Здесь мы не имеем, как уже было сказано, духовно-осязаемых душевных сил Луны, Филлии, Астрид и другой Филии. Мы имеем здесь еще имагинативные образы, излучаемые духовными событиями в физическое сознание. Та ступень пробуждения души, которая может таким образом проявиться в Страдере, она может быть представлена только путем изображения такого имагинативного познания, как образ корабля в XI картине.

И еще в иной форме может постепенно подготавливаться пробуждение души. Это опять так и намечено, и теперь после того, как Ариман был в своем более глубоком значении выведен в XII картине, это намечено в XIII картине в разговоре между Гилариусом и Романусом. Здесь необходимо обратить душевный взор на то, что произошло в душе Гилариуса, начиная с событий в «Страже Порога», до таковых в «Пробуждении Душ» и что

выражается в словах Гилариуса:

*Спасибо, друг, за это слово миста!
Если слышал я часто, но впервые
Я чувствую, что сокровенно в нем.
Пути вселенной неисповедимы.
Мой милый друг, мне подобает ждать.
Пока мне дух укажет направленье.
Отмеренное зренью моему.
(XIII к.)*

Что за слова говорит Романус? Он говорит слова, которые все снова и снова доносилось до Гилариуса с того места, где стоит в храме Романус, слова, которые Романус часто произносил, стоя на этом месте, но которые до этого переживания проходили перед душевным взором Гилариуса без того более глубокого понимания, которое можно назвать пониманием жизни. Уже это является частичным пробуждение души, когда человек доходит до понимания того, что он воспринял в форме мысли, когда он это хорошо понял и даже, может быть, сумеет об этом читать лекции, и когда это все-таки не стало для него *живым пониманием жизни*. Можно воспринять в себя все, что говорит теософия, что содержится в книгах и лекциях, можно сообщать это другим, может быть, даже с большой для этих, последних, пользой, и можно все-таки придти к следующему: так понимать слова Романуса, как понимает их Гилариус, можно лишь после известного переживания, которого нужно спокойно ожидать до известной степени пробуждения души.

О, если бы большинство наших друзей умело бы отдаваться этому настроению ожидания чего то, чьи провозвестия, быть может, лишь видимы ясными, а в сущности еще непонятными содержатся в теориях и изложениях, тогда в этих душах также могло бы найти место нечто от того, что выражено в III картине в словах Страдера. Там, где Страдер стоит между Феликсом Бальде и Капезиусом, где он особенным образом стоит между ними; где он стоит так, что ему дословно известно все, что они говорят, но не смотря на то, что он сам мог бы повторить себе это, он не может этого понять. Он знает, может даже считать это мудростью, но он замечает теперь, что есть нечто, что можно выразить в словах: Капезиус, и Феликс Бальде, оба... Во фразах явных темный смысл таят.

Наши чересчур умные современники могут еще допустить, чтобы тому или иному человеку случилось скрыть смысл, ясный смысл в неясных словах. Но какой-нибудь из наших умных современников с трудом допустит, чтобы в ясных словах мог скрываться неясный смысл. И все-таки тот факт, что в ясных словах может скрываться неясный смысл, составляет высшее человеческой природы. Мои дорогие друзья, многие науки, многие философии ясны. Но было бы очень важно для мирового развития человечества, если бы явились философы, которые признали бы, что хотя во всех системах философии люди всегда давали нечто ясное, так, что можно сказать: все эти вещи ясны.., но что, однако, в ясных словах может быть скрыт неясный смысл. Если бы многие, которые мнят себя чрезвычайно умными, которые, в известных границах, с правом считают мудростью то, что они знают, если бы они могли так отнестись к миру, как Страдер относится к отцу Феликсу, и Капезиусу, и сказать:

*Я раньше понимал сужденья ваши,
Я мудрость видел в них; но вот ни слова
Теперь понять в речах я не могу.
Капезиус и Феликс Бальде, оба...
Во фразах ясных темный смысл таят.*

(«Пробуждение Душ», III к.)

И вот, мои дорогие друзья, представьте себе философа современности или прошлого, который создал бы общепонятную в своем роде, ясную философию и который так отнесся бы к этой своей философии, все-таки являющейся в известном смысле результатом человеческого мышления, что он сказал бы «часто мне казалось понятным то, что я писал, тогда я это считал мудростью. Теперь же я не понимаю ни одного слова в этих речах. Эти речи скрывают неясный смысл в ясных словах»... Неправда ли, трудно представить себе философа с современности или недавнего прошлого, делающего такое признание, также и одного из чересчур умных людей нашей материалистической, или выражаясь благородней, нашей монистической эпохи? И, тем не менее, это было бы благословением для нашей современной культуры, если бы люди могли так отнестись к мысли и иным проявлениям культуры, как здесь Страдер относится к отцу Феликсу и Капезиусу; если бы эти люди становились все многочисленнее и многочисленнее, и если бы теософия, действительно могла способствовать этому самопознанию!

Вторая лекция

НАБЛЮДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ МЕЖДУ ЧУВСТВЕННЫМ И СВЕРХЧУВСТВЕННЫМ МИРОМ. СУЩНОСТЬ И ДЕЙСТВИЯ ЛЮЦИФЕРА И АРИМАНА. КАК ВОЗНИКАЕТ ЗЛО?

25 августа 1913 г.

Мои дорогие друзья теософы!

Вы видели, что переживания душ, представленные в «Пробуждении Душ», протекают в области, лежащей на границе между чувственным миром и сверхчувственными, духовными мирами. Для науки о духе имеет особое значение охватить душевным взором эту область; ибо вполне естественно, что все то, что человеческая душа может пережить в духовном, сверхчувственном мире, является вначале как бы неизвестной страной для всех способностей, для всего душевного переживания человека в чувственно-физическом мире. Когда же человек вживается в духовный мир с помощью различных методов, с которыми мы познакомились, т.е. когда душа научается переживать в духовном мире, наблюдать, познавать вне физического тела, то для такой жизни, для такого чувствования в духовном мире необходимо, чтобы душа развила совершенно особенные способности, особенные силы. Когда душа в земном бытии стремится к ясновидящему сознанию, то естественно, что ставшая ясновидящей душа или стремящаяся стать ясновидящей душа может пребывать в духовном мире вне своего тела и может снова вернуться в физическое тело это она должна сделать будучи земным человеком, т.е. снова может жить так, как должен нормально жить человек в чувственном мире, как существо с внешними чувствами, как земной человек.

Итак можно сказать: душа, ставшая ясновидящей, должна уметь закономерно двигаться в духовном мире и должна уметь все снова и снова переходить границу в физический, чувственный мир и уметь если можно так тривиально выразиться вести себя там правильно и целесообразно. Вследствие того, что способности души должны быть иным для духовного мира и иными, когда эта душа используется физическими чувствами и всем остальным физическим телом, то душа, если она может стать ясновидящей, должна в известной мере развить в себе подвижность, чтобы с помощью

необходимых для этого способностей чувствовать и переживать себя в духовном мире, чтобы затем, когда она опять переступает границу, снова уметь переживать чувственный мир, с помощью соответствующих способностей. Усвоить себе эту подвижность, эту способность к превращению отнюдь не так легко; но для правильной оценки отличия духовного мира от физически-чувственного необходимо направить душевный взор на эту, пограничную между двумя мирами, область, обратить тщательно внимание на порог, через который должна переступить душа, если она хочет из физически-чувственного мира проникнуть в духовный мир. Ибо мы многообразно увидим в ходе этого цикла лекций, что для души вредно вносить привычки одного мира в другой, когда она должна переступить порог в том или другом направлении.

Особенно затрудняется, так сказать, поведение при переходе через порог тем, что в нашем мировом порядке имеются те существа, которые играют известную роль в описанных переживаниях в «Пробуждении Душ» и в других драмах, те существа, которые мы можем обозначить, как люциферические и ариманические существа. Ибо для того, чтобы установить правильное отношение к переходу из одного мира в другой, необходимо уметь правильно относиться к этим двум видам существ к люциферическим и ариманическим. Удобнее всего было бы сказать и это удобное средство избирают себе, по крайней мере теоретически, многие души: «Да, Ариман, очевидно, опасен, и если он оказывает влияние на мир и на человеческие поступки, то проще всего будет искоренить из человеческой души импульсы, исходящие от Аримана». Это кажется удобнее всего, но по отношению к духовному миру это так же разумно, как если бы кто-нибудь захотел установить равновесие на весах тем, что для установления равновесия снял бы груз с той чашки, которая опустилась. Эти существа, которые мы обозначаем как ариманические и люциферические, имеются в мире, у них есть задача в мировом порядке и их нельзя искоренить. И дело вовсе не в покорении, а в том, что подобно грузам на двух чашках весов, ариманические и люциферические силы, при своем воздействии на человека и на другие существа, должны находиться в равновесии. Правильное воздействие известного рода сил или существ вызывается не тем, что его уничтожают, а тем, что становятся к нам в правильное отношение. И будет неправильным пониманием этих люциферических и ариманических существ, если просто сказать: «Это вредные, злые существа». То, что эти существа известным образом восстают против обычного мирового порядка, который был уже предначертан прежде, чем они вошли в этот мировой порядок, происходит не от того, что эти существа должны во что бы то ни стало проявлять вредную деятельность, но от того, что эти существа, как и другие, которые мы познаем, как правомерные существа в высших мирах, что они имеют определенную область действия в целом мирового порядка, и возмущение и противодействие против мирового порядка заключается в том, что они преступают эту область; что силы, которые они должны были бы проявлять в правомерной области, они проявляют и вне этой области. Рассмотрим с этой точки зрения Аримана или ариманических существ.

Можно прекрасно охарактеризовать Аримана, если сказать: Ариман является в самом мирском смысле *господином смерти*, владыкой всех сил, которые должны вызывать в физически-чувственном мире то, что необходимо должно быть в этом физически-чувственном мире, как смерть, как уничтожение существ. Смерть в чувственном мире принадлежит к необходимыми явлениями, ибо существа заполнили бы чувственный мир, если бы в чувственном мире не существовало бы уничтожения и смерти. Закономерным и соответственным образом управлять смертью из духовного мира эта задача выпала на долю Аримана. Он господин регулирования смерти. Царство, принадлежащее ему во всеобъемлющем смысле слова это минеральное царство. Минеральный мир всегда смерть. Смерть, так сказать,

разлита по всему минеральному миру. Но наш земной мир таков, что минеральная закономерность разлита также и во всех других царствах природы.

Растения, животные, люди, поскольку они принадлежат царствам природы, все они проникнуты минеральным, принимают в себя минеральные вещества, а вместе с тем и минеральные силы и закономерности и подлежат законам этого минерального царства, поскольку это последнее принадлежит к сущности Земли. Таким образом и то, что относится к правомерной смерти, также простирается в эти высшие царства правомерного господства Аримана. В том, что окружает нас, как внешняя природа, Ариман является правомерным господином смерти и поскольку он им является, его следует признать не злой, а вполне обоснованной в мировом порядке силой. Только в том случае будет у нас правильное отношение к чувственному миру, если мы проявим соответственный интерес к этому чувственному миру, если этот интерес к чувственному миру будет таким, что мы будем видеть как возникают вещи этого чувственного мира и не будем жаждать их настолько, чтобы требовать вечного бытия для чувственных форм, но будем в состоянии обойтись без них, когда для них наступит естественная смерть. Уметь соответственным образом радоваться вещам чувственного мира, но не быть к ним настолько привязанным, чтобы это противоречило законам уничтожения и смерти это есть правильное отношение человека к чувственному миру. И для того, чтобы все это могло быть так, для того, чтобы у человека было правильное отношение к чувственному миру, к рождению и смерти, *для этого он (чувственный мир) пронизан ариманическими силами, для этого в нем живут ариманические импульсы.*

Но Ариман может переступить свою область, он может прежде всего так переступить ее, что он подкрадывается к человеческому мышлению. Человек, не видящий духовного мира и не понимающий его, не поверит, что Ариман совершенно реальным образом подкрадывается к человеческому мышлению. Подкрадывается! Поскольку это человеческое мышление живет в чувственном мире, оно связано с мозгом, который подвластен уничтожению в силу всеобщего мирового порядка. И Ариман должен регулировать этот ход человеческого мозга, следуя закону уничтожения. Когда же он преступает свою область у него является тенденция, намерение отделить мышление от его смертного инструмента мозга, сделать его самостоятельным, оторвать физическое мышление, мышление, направленное на чувственный физический мир, от физического мозга, в чей поток уничтожения это мышление должно бы излиться, когда человек проходит через врата смерти. Ариман, когда он впускает человека, как физическое существо, в поток смерти имеет тенденцию отделить мышление от этого потока смерти, уничтожения. И он делает это в течение всей человеческой жизни, он впивается в это мышление своими когтями и воздействует на человека таким образом, что мышление стремится избежать уничтожения. Вследствие того, что Ариман проявляет таким образом свое воздействие в человеческом мышлении, связанные же с чувственным миром люди, конечно, ощущают лишь действие духовных существ, то они, которых Ариман держит таким образом в руках, чувствуют стремление вырвать мышление из его включенности в великий миропорядок. И это создает материалистическое настроение; вследствие этого люди применяют мышление лишь к чувственному миру. Наиболее одержимы Ариманом те люди, которые не хотят верить в духовный мир, ибо это Ариман соблазняет их мышление оставаться в чувственном мире.

Для душевного настроения человека это имеет лишь то следствие, что если человек не сделался практическим оккультистом, он делается грубым материалистом и не захочет ничего знать о духовном мире. На это его просто соблазняет Ариман, которого он только не замечает. Для Аримана же дело обстоит так, что если ему удастся вырвать это мышление из его основ,

связанных с мозгом в качестве физического мышления, то Ариман этим мышлением порождает в физическом мире тени и схемы, и они пронизывают тогда физический мир. Ими Ариман все время хочет основать свое особое ариманическое царство.

Когда человеческое мышление *хочет* войти в течение, в которое входит человек, проходя врата смерти, Ариман всегда стоит на страже, чтобы насколько это возможно, вырвать и удержать это мышление и заселить физический мир тенями и схемами, образованными из физического мышления, оторванного от своей родной почвы. Рассматриваемые оккультно, эти тела и схемы носят в физическом мире, нарушая миропорядок; это продукты, которые создает Ариман так, как это было выше описано. Мои дорогие друзья, у нас имеется верное настроение по отношению к Ариману, если мы ценим его таким образом, что будем иметь правильное отношение к чувственному миру, когда он пошлет в нашу душу свои закономерные импульсы. Но мы должны быть на страже, чтобы он не соблазнил нас так, как это было указано. Удобнее, конечно, средство, избираемое теми людьми, которые говорят: «Вырвем тогда все ариманические импульсы из нашей души!» Но этим люди ничего не вырывают, а только заставляют опуститься другую чашку весов. И тот, кому, действительно, удалось бы путем ложных теорий искоренить из души ариманические импульсы, тот бы подпал люциферическим импульсам.

Это сказывается в особенности тогда, когда люди из известной боязни правильного отношения к ариманическим силам презирают чувственный мир, искореняют в себе радость и правильное отношение к чувственному миру, и, чтобы не быть привязанными к чувственному миру, убивают в себе всякий интерес к чувственному миру. Тогда рождается ложный аскетизм, и этот ложный аскетизм дает сильнейший повод к действию, опять-таки, неверных люциферических импульсов. И даже можно было бы написать историю аскетизма, представив его, как непрерывный соблазн со стороны Люцифера. Предаваясь ложному аскетизму, человек подпадает соблазнам со стороны Люцифера, ибо он, вместо того, чтобы привести весы в равновесие, вместо того, чтобы отнестись к этим силам, как к полярным, совершенно искореняет одну сторону. Итак, Ариман может быть вполне оправдан при правильной оценке человеком физически-чувственного мира. Минеральное царство есть, так сказать, царство, искони принадлежащее Ариману, царство, на которое непрестанно проливается смерть. В высших царствах Ариман является управителем смерти, поскольку он закономерно действует в ходе событий и существ. То, что мы, как сверхчувственное, можем проследить более во внешнем мире, мы с известным основанием обозначаем, как духовное, то же, что действует в человеке более душевно, что действует в человеке более внутренне, мы обозначаем как душевное. Ариман есть более духовное, Люцифер же более душевное существо. Ариман есть, так сказать, господин того, что протекает во внешней природе; Люцифер проникает своими импульсами во внутреннее человека.

Но опять-таки существует правомерная, совершенно отвечающая смыслу всеобщего миропорядка, задача Люцифера. Это задача Люцифера заключается в том, чтобы в известном отношении вырвать человека и вообще все душевное в мире из жизни для нее самой и из растворения в чувственно-физическом. Представьте себе, что если бы в мире совершенно не существовало люциферической силы, то человек предавался бы мечтаниям о том, что вливается в него, как восприятие, из внешнего мира, о том, что приходит из внешнего мира через рассудок. Это было бы некоторого рода дремотой человеческого и душевного бытия в этом чувственном мире. Есть импульсы, которые, правда, не хотят оторвать эти души от чувственного мира поскольку они временно связаны с этим чувственным миром; но которые хотят поднять души так, чтобы эти души могли переживать и чувствовать и радоваться иначе, чем это может им доставить только этот

чувственный мир. Нам достаточно только подумать о том, чего искало человечество в художественном развитии. Всюду, где человек создает что-нибудь в своей жизни представления чувств и души, что не грубо связано с чувственным миром, но поднимается над ним, там Люцифер является той силой, которая отрывает его от чувственного мира. Большая часть того, что живет в художественном развитии человечества, как возникающее, освобождающее, есть дар Люцифера. Еще нечто другое можем мы обозначить как дар Люцифера. Благодаря тому, что существуют люциферические силы, человек имеет возможность не оставаться привязанным своим мышлением к простому, как бы портретному отображению физически-чувственного мира; он может в свободном мышлении подняться над этим последним. Это делает он, например, в философствовании. С этой точки зрения всякое философствование есть дар Люцифера. И можно было бы написать историю философского развития человечества поскольку оно не является чистым позитивизмом, т.е. не придерживается внешне-материального, и можно было бы сказать: история развития философии есть непрерывное доказательство вдохновений Люцифера; ибо всякое поднимающееся над чувственным миром творчество обязано своим бытием правомерным силам деятельности Люцифера.

Но опять-таки Люцифер может преступить свою область, и на том, что эти существа преступают свою область, всегда бывает основано возмущение против миропорядка. Он преступает ее и у него всегда тенденция преступить ее, заражая душевно-чувствуемое. В то время, как Ариман имеет больше дела с мышлением, Люцифер имеет больше дела с чувствованием, с жизнью эффектов, страстей, влечений и вожделений. Все душевно-чувствуемое в физическом мире, есть то, господином чего является Люцифер. И у него есть тенденция высвободить, выделить это душевно-чувствуемое из физически-чувственного мира, одухотворить его, и на особом можно было бы сказать изолированном острове устроить люциферическое царство, из всего того, что он может уловить, захватить из душевно-чувствуемого в чувственном мире. В то время, как Ариман стремится задержать мышление в физически-чувственном мире и внедряет его в чувственный мир, так что элементарному ясновидению оно является в виде мелькающих то там, то здесь теней и схем, Люцифер делает другое: он берет душевно-чувствуемое в физически-чувственном мире, вырывает его оттуда и помещает его в особое люциферическое царство, которое в противоположность общему миропорядку, он устраивает, как изолированное царство, подобное его собственной природе.

О том, как Люцифер подходит к человеку, в особенности можно составить себе представление, если обратить душевный взор на одно явление в человеческой жизни, о котором мы еще также будем подробнее говорить, на то явление в человеческой жизни, которое обозначают как любовь в самом широком смысле, и которое, в сущности, является основой нравственной (в подлинном смысле этого слова) жизни в человеческом миропорядке. Об этой любви в самом, широком смысле надо сказать следующее: когда эта любовь проявляется в физически-чувственном мире и действует в человеческой жизни, то эта любовь абсолютно ограждена от всякого неправомерного люциферического воздействия, если проявляется так, что человек любит какое-нибудь существо ради этого существа. Неправда ли, когда мы в физически-чувственном мире встречаем какое-нибудь существо, другого человека или существо из других царств природы, то оно является пред нами с определенными качествами. Если у нас есть для них восприимчивость и впечатлительность, то эти качества вызывают в нас любовь, тогда мы непременно полюбим эти существа. Самое существо побуждает нас любить его. Такая любовь, где причина любви лежит не в любящем существе, есть тот вид, та форма любви в чувственном мире, которая абсолютно свободна от всякого люциферического влияния. Но если

вы будете рассматривать человеческую жизнь, то вы увидите вскоре, что в этой человеческой жизни существует и другой вид любви, та любовь, когда человек любит, потому что он сам обладает известными качествами, которые чувствуют себя восхищенными, удовлетворенными и обрадованными оттого, что можно любить то или иное существо. Тогда человек любит ради самого себя, любит от того, что он устроен так или иначе, и это его особое устройство испытывает удовлетворение от того, что человек любит другое существо. Видите, эта любовь, которую можно было бы назвать эгоистической любовью, тоже должна существовать. Она не должна отсутствовать в человечестве. Ибо все, что мы можем любить в духовном мире, духовные факты, все то, что через любовь может жить в нас, как тоска, как стремление ввысь в духовный мир, как желание постичь существа духовного мира, познать духовный мир, все это тоже, конечно, проистекает из *чувственной* любви к духовному миру; но эта любовь к духовному должна, не только: смеет, но должна необходимо происходить ради нас самих. Мы существа, имеющие корни в духовном мире. Это наш долг сделать себя возможно совершенными. Ради нас самих должны мы любить духовный мир, чтобы внести в наше собственное существо возможно больше сил из духовного мира. В духовной любви это личное, этот индивидуальный элемент, можно было бы сказать этот эгоистический элемент любви вполне уместен, ибо он отрывает человека от чувственного мира, ведет его ввысь в духовный мир, побуждает его выполнить необходимый долг и делаться все совершеннее и совершеннее.

Но у Люцифера есть тенденция смешивать оба эти мира, и всюду в человеческой любви, где в физически-чувственном мире человек любит с оттенком эгоизма, ради самого себя, это происходит оттого, что Люцифер хочет чувственную любовь сделать подобной духовной. Тогда он может вырвать ее из чувственного мира и ввести в особое царство. Так что люциферически импульсам подвержена всякая любовь, которая может быть названа эгоистической, которая любит не ради любимого, а ради любящего существа. Если как следует принять во внимание то, что только что было сказано, то можно убедиться, что особенно в настоящее время, материалистическая культура дает много поводов отметить эти люциферические соблазны в любовной жизни. Ибо большая часть нашей современной научной, в особенности медицинской литературы и медицинского воззрения проникнута этим люциферическим пониманием любви; если хотеть говорить точнее, здесь следовало бы затронуть отчасти несколько щекотливые вопросы. Но значительная часть нашей медицинской науки просто культивирует люциферический элемент любви. Когда мужчинам ибо предпочитают мужчины когда мужчинам все снова и снова повторяют, что они должны культивировать известную область любви, так как это необходимо для их здоровья, т. е. необходимо ради них самих и многие советы даются в таком направлении, что мужчинам рекомендуются известные переживания любви, которые происходят не ради любимого существа, а потому что имеется ввиду: это необходимо для жизни мужчин, когда мы встречаемся с подобными рассуждениями, то как бы они не прикрывались научностью, они являются ни чем иным, как вдохновением люциферического элемента в мире. И значительная часть науки просто проникнута люциферическими воззрениями, и Люцифер находит лучших рекрутов для своего царства среди тех людей которые принимают такие советы, которые могут верить, *что для процветания их собственной личности, необходимо культивировать известные формы любовной жизни.* Необходимо знать подобные вещи, ибо нужно все снова и снова подчеркивать то, что я уже сказал вчера: черта, как в люциферической, так и в ариманической форме, люди никогда не замечают, даже тогда, когда он уже держит их в руках. То, что Люцифер сидит за плечами тех, кто в качестве материалистических ученых дает подобные советы, этого люди не

замечают. Они отрицают его, ибо они отрицают все духовные миры.

Таким образом, мы видим, как с одной стороны от Люцифера зависит великое и возвышенное, то, что содействует развитию человечества, и что поднимает его. Человечество должно уметь Удерживать в известных границах импульсы, проходящие от Люцифера, ибо всюду, где Люцифер является как покровитель прекрасного, как покровитель художественных импульсов, там из люциферической деятельности возникает великое, возвышенное, могущественное в человечестве. Но есть и теневая сторона люциферической деятельности. Люцифер всюду стремится вырвать душевно чувствуемое из чувственного мира, сделать его самостоятельным, пронизать его эгоизмом и самостью. Тогда в душевно-чувствуемом выступает элемент своеволия, и тому подобные моменты, так что человек в свободном творчестве создает себе всевозможные мысли так сказать по собственной воле. Сколько людей философствует, так сказать, на свой страх, не заботясь о том, отвечает ли их философствование всеобщему необходимому ходу миропорядка! В мире, действительно, очень распространены философствующие чудаки. Они влюбляются в свои мнения. Они не уравнивают люциферического элемента ариманическим, который всегда должен спрашивать, совместимо ли в законами физического мира то, что путем мышления вырабатывается в физически-чувственном мире. И так по миру шатаются эти люди со своими мнениями, которые суть ничто иное, как фантастика, несовместимая со всеобщим миропорядком. Вся фантастика, вся путаница своевольных мнений, все оригинальные мнения, весь ложный фантастический идеализм вытекает из теневой стороны люциферических импульсов; особенно же выступает перед нами люциферический и ариманический элемент в своем значении для границы или порога между чувственным и сверхчувственным, если обратить взгляд на ясновидящее сознание.

Когда человеческая душа произвела над собою то, что делает ее способной созерцать в духовном мире, заглянуть в духовный мир, она сама должна взять на себя в особенности ту задачу, которая обыкновенно выполняется подсознательными регуляторами душевной жизни. О том, чтобы человек из обычной жизни не слишком вносил привычки и закономерность одного царства в другое, заботится общий порядок природы; ибо этот общий порядок был бы совершенно нарушен, если бы эти миры перемешались. Мы только что подчеркнули, что для духовного мира любовь должна развиваться так, что человек должен прежде всего развиваться в смысле проникновения своего «Я» силой внутренней, что человек должен развивать в себе стремление к совершенствованию. Когда он развивает любовь к духовному миру, он должен иметь ввиду самого себя. Если он переносит в чувственное тот же самый вид побуждений, который в душевном мире может его привести к самому возвышенному, то эти побуждения могут привести к самому отвратительному. Есть люди, которые во внешнем физическом переживании, в том, что они весь день делают, не особенно интересуются духовным миром. В наше время так говорят такие люди встречаются нередко. Но с природой нельзя вести политики страуса.

Не правда ли, эта политика страуса заключается в том, что эта птица сует голову в песок и думает при этом, что то, чего не видит она, не существует вовсе. Материалистически настроенные люди думают, что духовный мир не существует, так как они его не видят. Они настоящие страусы! Но в их собственной душе, в глубинах их собственной души не отсутствует стремление к духовному, вследствие того, что люди его отрицают и заглушают себя в этом. Оно существует; в каждой человеческой душе есть живое влечение, живая любовь к духовному миру, даже в материалистической душе! Только люди делают себя душевно-бессильными по отношению к этому стремлению. Но есть закон, на основании которого то, что, с одной стороны, оттесняется заглушением, проявляется с другой

стороны, и следствием этого бывает то, что в чувственные влечения врывается эгоистическое влечение. Тот вид любви, который уместен только в духовном мире, врывается из этого мира в чувстве влечения, страсти, вожделения и т. п. и тогда эти чувственные влечения возвращаются.

Извращенности чувственных влечений, все отвратительные ненормальности чувственных влечений суть обратное тому, чем были бы высокие добродетели в духовном мире, если бы эти силы, которые изливаются затем в физический мир, применить в духовном мире. Следует призадуматься над тем, что то, что в чувственном мире проявляется в отвратительных, достойных отвращения влечениях, если бы это применить в духовном мире, создало бы самое в нем возвышенное. Это в высшей степени значительно.

Таким образом, вы видите уже в этой области, как возвышенное превращается в отвратительное, если соответственным образом не соблюдать и не принимать во внимание границы между физически-чувственным и сверхчувственным миром. Ясновидящее сознание должно развиваться так, чтобы ясновидящая душа могла жить в сверхчувственных мирах сообразно с законами этих сверхчувственных миров; чтобы она, опять-таки, была в состоянии вернуться к жизни в теле, не давая ввести себя в заблуждение в нормально-физически-чувственном мире законами сверхчувственных миров. Предположим, что какая-нибудь душа не может этого сделать, тогда может наступить следующее. Мы еще увидим, что при переходе границы, отделяющей один мир от другого, душа особенно научается правильно держать себя, благодаря встрече со Стражем Порога; но предположим, что какая-нибудь душа конечно, и это может случиться путем каких-то соотношений стала ясновидящей, но не провела правильным образом встречу со Стражем Порога. Такая душа сможет ясновидяще заглянуть в сверхчувственные миры, сможет также иметь восприятия, но с ней может случиться, что она потом вернется в физически-чувственный мир, побывав, в сущности, неправомерным образом в духовном мире, она в нем полакомилась. Есть много таких лакомок духовного мира, и можно поистине сказать, что лакомиться в духовном мире гораздо опаснее, чем в физически-чувственном... Итак в духовном мире можно полакомиться. Тогда очень часто случается, что в чувственный мир переносится то, что там пережито. Но тогда оно сгущается, тогда оно стягивается. Так что такой ясновидящий, не руководящийся в своем поведении законами общего миропорядка, возвращается в физически-чувственный мир и приносит с собой сгущенные образы и впечатления сверхчувственных миров, и думает и созерцает не только в физически-чувственном мире, но живя в своем физическом теле, имеет перед собой отголоски духовного мира в образах, которые имеют вид совершенно такой же, как и чувственные, но только они не соответствуют реальностям и являются иллюзиями, галлюцинациями, мечтами.

В духовном мире, тот, кто умеет правильно видеть, никогда не смешает действительность с фантастикой. В духовном мире философия Шопенгауэра, поскольку он делает ошибку, сама опровергает себя. Она опровергает себя и в чувственном мире в смысле своей главной ошибки, что все наше окружение есть наше представление. Если придерживаться этого положения, то оно опровергается в том случае, когда сама жизнь заставляет отличить горячее железо в 900 градусов, которое есть действительное восприятие, от представляемого железа в 900 градусов, которое совсем не жжет. Если живешь в действительном мире с соответствующими способностями, *жизнь сама показывает разницу*, она показывает разницу между реальностью и фантастикой. Также опровергается жизнью и кантовское положение, с которым Кант подошел к так называемым доказательствам Бога, что сто мыслимых талеров имеют такую же ценность, как сто действительных талеров. Конечно сто мыслимых талеров содержат столько же пфеннингов, как и сто действительных, но между теми и

другими все-таки есть разница, которая очень сильно проявляется в жизни. И я посоветовал бы каждому, кто признает это положение правильным, те сто талеров, которые он должен, уплатить мыслимыми талерами; тогда он заметил разницу. Подобно тому, как это обстоит для физически-чувственного мира, если действительно стоять в нем и принимать во внимание его законы, обстоит это и в сверхчувственных мирах. Если только лакомятся, то не предохранены от смешивания безумия с действительностью. Тогда образы сгущаются, и то, что должно быть только образом, принимается за реальность. И то, что таким образом несут в себе, как лакомство из духовного мира, и является добычей, которой может овладеть Ариман. От того, что он берет из обычного человеческого мышления, он получает только воздушные тени, но он получает выражаясь тривиально весьма плотные тени и схемы, когда, из человеческих телесных индивидуальностей он вымогает, на сколько он только может, ложные призрачные образы, возникшие вследствие лакомства в духовном мире. Таким образом, физически-чувственный мир пронизывается на ариманический лад духовными тенями и схемами, которые в очень плохом смысле противодействуют общему миропорядку.

Таким образом мы видим, как ариманический принцип, когда он преступает свою границу, противодействует общему миропорядку, может оказывать особенно сильное влияние, как этот ариманический принцип может стать злом, в особенности из-за искажения своей правомерной деятельности. Нет абсолютного зла. Всякое зло возникает вследствие того, что нечто, как-либо являющееся добром, иным образом применяется в мире. Подобным же образом и люциферический принцип, могущий дать повод к столь возвышенному и великолепному, может именно для души, сделавшейся ясновидящей, стать опасным, очень опасным. Мы теперь рассмотрели тот случай, когда душа лакомится в духовном мире, т.е. воспринимает в нем, и возвратившись в физически-чувственный мир, не говорит себе: теперь ты не должна пользоваться той жизнью представлений, которая соответствует духовному миру... Тогда она в физически-чувственном мире, подвергается ариманическому влиянию. Но может произойти обратное, человеческая душа может внести в духовный мир то, что должно принадлежать только к физически-чувственному миру, а этим является тот вид ощущений, чувств и аффектов, которые душа до известной степени необходимо должна развивать в физически-чувственном мире. Все страсти и т.п., которые душа вырабатывает в себе в физическом чувственном мире, не должно вносить в духовный мир, дабы это в значительной степени не подпало нападкам и соблазнам со стороны Люцифера.

Это есть часть того, что я старался представить в IX картине «Пробуждения Душ» в душевном состоянии Марии. Было бы совершенно неверно, если бы кто-нибудь стал в этом месте требовать чего-то хаотического, драматически-хаотического и беспокойного, как это бывает во внешней физической драме. Если бы душа Марии была такова, что она в тот момент могла бы пережить возбуждающие страсти, возбуждающие влечения и аффекты, при восприятии воспоминаний из деваханического мира и египетской эпохи, то волны страсти бросали бы душу Марии во все стороны. Такая душа, которая не умеет с внутренним спокойствием, с абсолютной ровностью, в пребывании выше всего внешнего, драматического, воспринимать импульсы духовного мира, такая душа, мои дорогие друзья-теософы, претерпевает в духовном мире такую судьбу, которую я могу охарактеризовать только следующим образом: представьте себе, что какое-нибудь существо сделано из резины и что оно носится назад и вперед в пространстве, которое со всех сторон закрыто, летит к одной стене, но там его сейчас же опять отбрасывают, и так оно носится назад и вперед и находится таким образом в хаотическом движении на волнах жизни страстей. Это действительно наступает для души, которая вносит в духовный

мир манеру ощущений, чувств и аффектов физически-чувственного мира. Но затем наступает еще нечто другое. Неприятно, когда бросает назад и вперед, как резину в мировой темнице. Поэтому душа, в данном случае, как ясновидящая душа, ведет преимущественно политику страусов; она заглушает в себе сознание о том, что ее бросает во все стороны, она обманывает сознание, как будто ничего не замечает. И она думает, что ее не бросает назад и вперед. Тогда как сознание затемнено, тем легче подойти Люциферу. Он заманивает душу и ведет ее в свое изолированное царство. Душа может тогда получить духовные впечатления, но это чисто люциферические впечатления, ибо они воспринимаются на острове в его царстве.

Так как самопознание тогда очень трудно, и так как душе бывает в высшей степени трудно уяснить себе некоторые качества, и так как, кроме того, люди имеют стремление как можно скорее войти в духовный мир, то нет ничего удивительного, что люди говорят себе: «Я уже зрел, я умею владеть моими страстями». Это, конечно, легче сказать, чем сделать. Есть свойства, с овладением которых дело обстоит в особенности очень плохо. Тщеславие, честолюбие и т.п. вещи, они так крепко сидят в человеке, что признаться себе: «Ты тщеславен и честолюбив, ты властолюбив» не так легко, и большей частью обманывают себя, когда стараются уяснить себе именно эти вещи. Но это самые дурные эффекты. Если внести их в духовный мир, то легче всего можно стать добычей Люцифера. И затем, вследствие того, что когда человек замечает, что его бросает во все стороны, он не хочет сказать себе это происходит от тщеславия, от честолюбия, на него находит душевное помрачение. И тогда Люцифер уводит человека в свое царство. И тогда, конечно, можно иметь впечатления, но они не согласуются с тем миропорядком, который уже был предначертан до того, как началось воздействие Люцифера, и эти духовные впечатления чисто люциферического характера. Можно получать самые странные впечатления и принимать их за абсолютно верные истины. Можно рассказывать людям о всевозможных воплощениях тех или иных существ и это могут быть чисто люциферические вдохновения и т.п. вещи.

Для того, чтобы осуществить правильные условия при пробуждении Марии, Мария должна была в тот момент, когда на нее с такой силой должен был обрушиться духовный мир, быть представлена именно так, что в сущности человеку, ну, скажем, какому-нибудь ретивому критику нашего времени, это показалось бы совершенным абсурдом. Ибо такой ретивый критик мог бы сказать: вот разыгралась эта египетская сцена, а затем Мария сидит так, как будто она вернулась с завтрака, и переживает это так, что во всем этом нет никакой драматической жизни. И, тем не менее, на этой ступени развития все другое было бы неверно. Единственно верно то спокойствие на этой ступени развития, когда проникают лучи света духовного. Таким образом, мы видим, что это зависит от душевного настроения, которое должно покончить со всеми аффектами и страстями, имеющими значение только для физически-чувственного мира, если душа должна верным образом преступить порог духовного мира и не хочет переживать в духовном мире необходимых последствий оставшегося чувственного образца ощущений.

Ариман есть более духовное существо. Та неправомерная деятельность, та неправомерная творческая деятельность, которую он развивает, вливается во всеобщий чувственный мир. Люцифер есть более душевное существо. То, что из душевного элемента чувств он хочет извлечь из чувственного мира, он хочет запечатлеть в своем особом люциферическом царстве, причем он хочет обеспечить каждому человеку, согласно с эгоизмом, заложенным в его сущности, так сказать наибольшую возможность произвольной независимости. Из этого видно, что при суждении о таких существах, как Ариман и Люцифер, вопрос не в том, чтобы просто обозначить их как добрых

или злых существ, но в том, чтобы понять, где находится, так сказать, правомерная деятельность и в подлинном смысле царство этих существ, и где начинается их неправомерная деятельность, где они преступают свои границы. Ибо тем, что они преступают свою границу, они соблазняют человека к неправильному переступанию границы в другой мир, со способностями и законами из физически-чувственного мира. Переживания при переходе в ту и другую сторону границы между физически-чувственным и сверхчувственным миром, в особенности, представлены в картинах «Пробуждения Душ». Сегодня я хотел положить начало, описав нечто из того, что должно быть принято во внимание в области, лежащей на границе между чувственным и сверхчувственным миром. Завтра мы продолжим это рассмотрение.

Третья лекция

ПЕРЕЖИВАНИЯ ДУШИ В ЭЛЕМЕНТАРНОМ МИРЕ.

26 августа 1913 г.

Мои дорогие друзья-теософы!

Когда говорят о духовных мирах таким образом, как говорится в этом цикле лекций, то необходимо принять во внимание, что ясновидческое сознание, до которого может развиться человеческая душа, постольку ничего не меняет в природе и существе человека, поскольку в человеческой природе уже прежде жило все то, что входит в это сознание.

Познавая какое-нибудь явление, его не создают, но научаются воспринимать лишь то, что уже существовало, как факт. Хотя это само собой разумеется, но необходимо это подчеркнуть, ибо следует направить мысль на то, что существо человека лежит в скрытых основах бытия, и что путем ясновидящего познания оно лишь вызывается наружу из этих скрытых основ бытия. А из этого следует, что действительная, истинная сущностная природа человека может стать явной не путем чего-либо иного, а только через ясновидческое сознание. Никакая философия не может помочь узнать, что такое, в сущности, человек, а лишь такое знание, которое опирается на ясновидческое сознание; ибо для наблюдения в чувственном мире и для рассудка, связанного с чувственным миром, существо человека, истинное, подлинное существо человека, находится в скрытых мирах. Когда же это ясновидческое сознание, с точки зрения которого должны быть рассмотрены миры, по ту сторону, так называемого, порога, переступает этот порог, то к нему, дабы оно могло воспринимать и познавать, предъявляются совершенно иные требования, нежели те, что ставятся в чувственном мире. И это и есть самое главное, что человеческая душа известным образом может привыкнуть к тому, что существует не только тот вид созерцания и восприятия, который является верным и здоровым для чувственного мира.

Первый мир, в который вступает душа человека после того, как она переходит через порог, когда становится ясновидящей, я назову элементарным миром. Только тот, кто и в высшие, сверхчувственные миры хочет внести привычки чувственного мира, может требовать, что бы для точек зрения, с которых рассматриваются высшие миры, были бы выбраны одинаковые наименования. Как в конце этого цикла лекций, так и в моей книге «Порог духовного мира», я покажу, как наименования и обозначения, выбранные здесь, как например, обозначения «элементарный мир», относятся к описаниям, которые даны в моей «Теософии» и в моем «Тайноведении» для душевного мира и для духовного мира, дабы нельзя было поверхностным образом искать противоречий там, где их нет в

действительности. Перед душевной жизнью встают совершенно иные требования, когда переступив порог, она вступает в элементарный мир. Если бы человеческая душа захотела вступить в элементарный мир с привычками чувственного мира, то могло бы наступить двоякое: либо в сфере сознания, в поле зрения распространилась бы туманность или полное затемнение, или же наступило бы другое явление: если бы человеческая душа захотела бы вступить в элементарный мир, неподготовленной к обычаям и требованиям этого мира, она опять была бы отброшена в чувственный мир. В том-то и дело, это элементарный мир совершенно иной, чем чувственный мир. В чувственном мире дело обстоит так, что когда вы в этом мире переходите от одного существа к другому, от одного явления к другому, хотя тогда вы и имеете перед собой эти существа, эти явления, и можете их рассматривать, но по отношению к каждому явлению, к каждому существу вы в наблюдении совершенно ясно сохраняете свое замкнутое в себе существо, свое личное бытие. В каждый момент, когда вы подходите к чему-нибудь новому вы знаете: вы тот же самый, каким вы были по отношению к другому явлению, к другому существу, и вы никогда не можете потерять *себя* в этом явлении, в этом существе. Вы стоите перед ними, вы стоите вне их, и вы знаете, что где бы не находились в чувственном мире, вы остаетесь тем же. Это тотчас же изменяется, когда вступаешь в элементарный мир. В элементарном мире необходимо всей внутренней жизнью своей души настолько приспособиться к существу, к явлению, чтобы со своей душевной жизнью самому превратиться в это существо, в это явление. В элементарном мире нельзя ничего сознавать иначе, как если так подходить к существам, чтобы в каждом существе становиться другим, а именно, становиться в высшей степени похожим на само существо и явление.

Этим необходимо обладать для элементарного мира, как особенностью души: способностью превращения собственного существа в чуждые существа. Необходимо обладать возможностью метаморфизирования. Нужно как бы уметь погружаться в существа и становиться ими, и уметь потерять то сознание, которое всегда нужно иметь в чувственном мире, если хочешь оставаться в нем душевно-здоровым, сознание, что ты такой-то или такой-то. В элементарном мире можно познать это только, если известным образом внутренне своей душевной жизнью «становиться» этим существом. Когда, перейдя порог, вступили в элементарный мир, то должны проходить его так, чтобы на каждом шагу самим превращаться и как бы вползать в каждое отдельное явление, в каждое существо. То, что в физическом мире необходимо для здоровья души, а именно самоутверждение при прохождении через чувственный мир в своей наиподлиннейшей сущности это совершенно невозможно в элементарном мире; там это либо привело бы к затемнению горизонта, либо отбросило бы обратно в чувственный мир.

Вы можете легко себе представить, что для того, чтобы использовать эту способность превращения, душе нужно еще нечто иное, чем то, что она уже имеет в чувственном мире. Душа человека слишком слаба для того, чтобы беспрестанно превращаться и приспособляться к каждому существу, если она входит в элементарный мир такой же, какова она в чувственном мире. Поэтому силы этой человеческой души должны быть укреплены, повышены. Поэтому необходима та подготовка, которая описана в моем «Тайноведении», и в книге «Как достигнуть познания высших миров», и которая ведет к тому, что душевная жизнь становится крепче, сильнее.

Тогда душа может погружаться в другие существа, не теряя себя в этом погружении. Когда упоминается нечто подобное, вы в то же время видите насколько необходимо во всей полноте принимать во внимание то, что называют порогом между чувственным миром и сверхчувственными мирами. Было уже сказано, что до тех пор, пока человек является земным человеком, ясновидческое сознание должно постоянно, так сказать, переходить то туда, то сюда, что оно должно наблюдать вне физического тела в духовном мире

по ту сторону порога, и затем опять должно возвращаться в физическое тело и должно здоровым образом пользоваться теми способностями, которые ведут к верному наблюдению физического чувственного мира.

Предположим, что ставшее ясновидческим сознание, когда оно обратно переступает порог в чувственный мир, перенесло бы в чувственный мир ту способность к превращению, которую оно Должно иметь для того, чтобы для него вообще существовал духовный мир. Эта способность к превращению, о которой я говорил, есть особенность человеческого эфирного тела, которое живет, главным образом, в элементарном мире. Итак, предположим, что человек вернулся бы из духовного мира в чувственный, и оставил бы свое эфирное тело также способным к превращению, как оно должно быть у него в элементарном мире. Что бы произошло тогда? Каждый мир имеет свою особую закономерность. Чувственный мир есть мир законченных форм. Души Формы правят в чувственном мире. Элементарный мир, есть мир подвижности, метаморфозы, превращений. Точно так же как сам, если хочешь почувствовать себя в элементарном мире, должен беспрестанно превращаться, так беспрестанно превращаются в элементарном мире все существа. В элементарном мире нет законченных, ограниченных форм.

Там все находится в беспрестанном превращении. И если хотеть изжить себя в элементарном мире, то нужно принять участие в этом превращающемся бытии, как душа вне физического тела. В физически-чувственном мире необходимо дать своему эфирному телу, которое, как эфирное тело, есть существо элементарного мира и обладает способностью к превращению, погрузиться в физическое тело. Через это физическое явление определенной личностью в физически-чувственном мире человек является той или иной определенной личностью. Физическое тело запечатлевает личность; физическое тело и условия физически-чувственного мира, в которые поставлен человек, делают его личностью! В элементарном мире такой личности нет, ибо для личности необходима замкнутость формы. Но здесь выясняется, что то, что ясновидческое сознание познает в человеческой душе, существует всегда. Силами физического тела лишь сдерживается эта подвижность эфирного тела. Как только эфирное тело погружается в физическое тело, его подвижность сдерживается, приравнивается к форме. И эфирное тело, если бы оно не находилось в физическом теле, как в свертке, всегда имело бы стремление к беспрепятственному превращению.

Предположим теперь, что ставшая ясновидящей душа в своем эфирном теле перенесла бы в физически-чувственный мир это стремление к способности превращения. Тогда это эфирное тело, со своей склонностью к подвижности, находится в физическом теле как бы в свободном состоянии; и вследствие этого, благодаря силам своего эфирного тела, человеческая душа вступает в конфликт с требованиями физического мира, который хочет запечатлеть в человеке определенную личность, ибо, желающее свободно двигаться эфирное тело, если оно неправильным образом обратно переступает порог из духовного мира в физически-чувственный мир, каждую минуту хочет быть чем-нибудь другим, чем-нибудь, что может находиться в противоречии с твердым запечатлением физического тела. Выражаясь точнее: можно в своем физическом теле быть скажем банковским чиновником, но, вследствие того, что эфирное тело перенесло в физический мир стремление к освобождению от физического тела, можно вообразить, что ты китайский император. Или приведем другой пример: можно быть скажем, президентом Теософического Общества, и, когда эфирное тело освободится, можно вообразить, что ты стоишь перед управителем земного шара (Direktor des Globus). Итак мы видим, как необходимо самым определенным образом считаться с порогом, который лежит между чувственными и сверхчувственными миром, как необходимо обращать душевный взор на требования каждого мира, и как необходимо

приспособляться к этим требованиям, как душа должна иначе держать себя, в зависимости от того, стоит ли она по ту или по эту сторону порога. Итак, это-то и имеется в виду, когда все снова и снова подчеркивается: когда обратно переступаешь порог, не следует неправомерным образом вносить в чувственный мир приемы сверхчувственных миров. Если я смею выразиться тривиально, то я могу сказать: нужно уметь правильно вести себя в обоих мирах; не следует переносить наблюдения, правильные для одного мира, в другой мир.

Итак, мои дорогие друзья, прежде всего следует иметь в виду, что основной способностью для того, чтобы душа могла изжить, почувствовать себя в элементарном мире, является способность к превращению. Но человеческая душа никогда не могла бы продолжительно жить в этой способности к превращению. Эфирное тело также не может продолжительное время принадлежать элементарному миру в состоянии способности к превращению, как человек не мог бы постоянно бодрствовать в физическом мире. В физическом мире человек, когда он бодрствует, может тоже воспринимать только этот физический мир. Когда же он спит, он его не воспринимает, и все-таки бодрствующее состояние должно у человека сменяться состоянием сна. Нечто подобное необходимо для элементарного мира. Точно так же, как в физическом мире нельзя непрерывно бодрствовать, как жизнь в физическом мире должна, подобно равномерности ударов маятника, протекать между бодрствованием и сном, так нечто подобное бывает необходимо и для жизни эфирного тела в элементарном мире. Должен существовать как бы другой полюс, как бы противодействие способности к превращению, ведущему к восприятию в духовном мире. То, что делает человека способным к превращению в духовном мире, это жизнь представления человека, это способность сделать представление и мышление подвижным, так, чтобы можно было при помощи ставшего подвижным мышления, погрузиться в существа и явления. Для второго состояния, которое можно сравнить со сном в чувственном мире, должна быть развита и укреплена человеческая воля. Итак, для способности к превращению мышление или представление, для второго состояния воля,

Если мы будем иметь в виду, что в чувственно-физическом мире человек есть «Я», то мы придем здесь ко взаимному пониманию. Благодаря тому, что физически-чувственное тело делает все необходимое для этого, человек, поскольку он бодрствует, чувствует себя как «Я». Силы физически-чувственного тела таковы, что, когда человек погружается в это физически-чувственное тело, оно дает ему силы, благодаря которым он может ощущать себя, как «Я». В элементарном мире это не так. Там человек должен, до известной степени сам делать то, что в физически-чувственном мире делает физическое тело.

В элементарном мире нельзя развить самочувствия, если не напрячь своей воли, если не «волить» самого себя. Правда, это требует преодоления человеческого стремления к удобству, стремления, которое укоренилось невероятно глубоко. Это воление самого себя необходимо для элементарного мира; и подобно тому, как в физически-чувственном мире сменяются сон и бодрствование, так в элементарном мире это состояние «превращения в существа» должно сменяться этим укрепленным в волеии самочувствием. Подобно тому, как в физически-чувственном мире человек утомляется дневной работой, как здесь у него, наконец, смыкаются глаза, как его одолевает сон, так для эфирного тела в элементарном мире наступают моменты, в которые оно чувствует: теперь я не могу непрерывно превращаться, я должно теперь исключить все, что существует как другие существа и явления. Я должно теперь изгнать все это из моего поля зрения, и должно отвлечь свой взор от всех других существ и явлений и хотеть себя, свое «Я», хотеть жить в себе всецело и совершенно не интересоваться другими существами и явлениями элементарного мира. Это воление самого

себя, при исключении других существ и явлений, соответствовало бы сну в физическом мире.

Но было бы неправильным представлением думать, что смена между способностью к превращению и укрепленным чувством «Я» существует в элементарном мире таким же образом как бы урегулированная законом природы, как бодрствование и сон, в физически-чувственном мире. Для ясновидческого сознания здесь все произвольно, а ведь только для него оно и восприемаемо; не то, что оно само происходит как бодрствование и сон, но после того, как человек прожил более или менее продолжительное время в превращении, он ощущает в себе снова потребность пережить и развить как бы обратное колебание маятника элементарной жизни. Таким образом способность к превращению и жизнь в себе с укрепленным самочувствием сменяются в элементарном мире гораздо более произвольным образом, чем бодрствование и сон в физически-чувственном мире. Сознание может придти к тому, чтобы как бы благодаря эластичности этого сознания, оба эти состояния были бы, при известных предпосылках одновременны, чтоб человек с одной стороны как бы превращался и тем не менее, удерживал бы известные части своей души и покоился бы в себе. В элементарном мире, можно, в физически-чувственном мире это отнюдь не принесло бы пользы для душевной жизни, в одно и тоже время и бодрствовать и спать. Таким образом мы видим, что и в этом элементарном мире необходимо такое колебание маятника душевной жизни, подобно тому, как в физическом мире необходимы бодрствование и сон.

Далее необходимо принять во внимание, что когда мышление развивается до способности к превращению, т.е. вживается в элементарный мир, то само это мышление такое, какое является здоровым и правильным для физически-чувственного мира, непригодно для элементарного мира. Каково это мышление в физически-чувственном мире? Проследите его, каково оно! Мысли переживают в своей душе. Известно, что внутренне эти мысли постигают, рождают, соединяют и разъединяют. Себя чувствуют внутренне, в душе, господином этих мыслей. Эти мысли ведут себя как бы пассивно, позволяют, чтобы их соединяли и разъединяли, чтобы их рождали и снова разрушали. Эта жизнь мышления, эта жизнь мысли в элементарном мире, должна развиваться одной ступенью дальше. В элементарном мире человек не может находиться перед такими пассивными мыслями как в физически-чувственном мире. Когда действительно ясновидческой душой вливаешься в элементарный мир, то это происходит так. как будто бы мысли не были чем-то таким, над чем мы властвуем, но сами бы становились живыми существами. Представьте себе, мои дорогие друзья, что ваши мысли не были бы такими, что вы могли бы их рождать, соединять и разъединять, но что мысли, каждая мысль начала бы вести свою собственную жизнь, сущностную жизнь в вашем сознании. Вы как бы вводите ваше сознание в нечто такое, где вы вовсе не можете иметь таких мыслей, как в физически-чувственном мире, но где мысли суть живые существа. Я должен здесь привести странный образ; но этот образ может несколько обратить ваше внимание на то, насколько мышление должно стать в элементарном мире иным, чем оно бывает в физически-чувственном мире. Помыслите, что вы всунули свою голову в муравейник, и мышление прекратилось. Зато в вашей голове вместо мыслей были бы муравьи. Мысли становятся таковы, что они сами соединяются и разъединяются, что они ведут свою особенную жизнь, когда вы своей душой погружаетесь в элементарный мир. Поистине, необходима более сильная сила души для того, чтобы находиться своим сознанием перед живыми мысле-существами, чем перед пассивными мыслями физического мира, которые позволяют, чтобы с ними делали что хотят, которые даже допускают, чтобы их не только разумно, но иногда даже очень глупо соединяли и разъединяли. Они очень терпеливы эти мысли физически-чувственного мира; они все переносят от души, что совершенно меняется,

когда, так сказать, вводят свою душу в элементарный мир. Там мысли живут своей самостоятельной жизнью; здесь необходимо соблюсти и утвердить себя не по отношению к пассивным мыслям, но по отношению к активной, подвижной в самой себе жизни мысли. И это, действительно, так, что в физически-чувственном мире можно мыслить что-нибудь очень глупое; от этого обыкновенно не бывает больно. В элементарном же мире может легко случиться, если натворить там мышлением глупости, что то, что там кишит, как самостоятельные существа, сделает человеку очень больно, причинит ему сильную боль.

Таким образом мы видим, как привычки душевной жизни действительно должны стать иными, когда человек переступает порог из физически-чувственного мира в сверхчувственный мир. Если бы человек вернулся в физически-чувственный мир со своими привычками, которые он проявляет по отношению к живым мысле-существам элементарного мира, если бы он с ними преступил назад через порог, и затем не развил бы здорового мышления с пассивными мыслями, а захотел бы продолжать вести себя так, как в элементарном мире, то мысли ускользали бы все время от него, и он гнался бы за мыслями; он стал бы тогда рабом своих мыслей. Когда человек с ясновидческой душой входит в элементарный мир и развивает способность к превращению, то он погружается в смысл внутренней жизни, превращаясь, в зависимости от того, находится ли он перед тем или иным существом.

Что переживает человек, когда он таким образом погружается? Видите ли, когда погружаются таким образом, когда превращаются в то или другое существо, то переживают нечто, что можно было бы назвать симпатиями и антипатиями, которые притекают как бы из душевных глубин и которые являются переживаниями души, ставшей ясновидящей. Превращаясь в то или иное существо, переживаешь совершенно определенные виды симпатий или антипатий. Переходя таким образом от превращения к превращению, беспрестанно переживаешь другие симпатии и антипатии. И, подобно тому, как мы в физически-чувственном мире характеризуем, описываем, познаем и вообще воспринимаем существа и вещи, благодаря тому, что мы их глазами видим в красках, ухом слышим в звуках, так сообразно с этим, если бы мы стали описывать внутри самих духовных миров, то мы бы описывали в определенных симпатиях и антипатиях. Но при этом двойное следует принять во внимание; во-первых, когда говоришь с привычками физически-чувственного мира, то обыкновенно различают только степени симпатии и антипатии, более сильные и более слабые симпатии и антипатии. В элементарном же мире это не так; симпатия и антипатия отличаются там друг от друга не только по степени, но и по качеству, так что существуют различного рода симпатии и антипатии. Подобно тому, как желтая и красная краски суть различные краски, качественно различные, так же качественно различны и многообразные симпатии и антипатии, переживаемые в элементарном мире, и не только тем, что одна сильнее, а другая слабее. Поэтому было бы неправильным описанием, если бы сказать, исходя из привычек физически-чувственного мира: при погружении в одно существо испытываешь большую симпатию, при погружении у другое меньшую. Нет, симпатии различны.

Это первое, что необходимо принять во внимание. Второе заключается в том, что нельзя переносить в элементарный мир того отношения к симпатиям и антипатиям, которое является совершенно естественным для физически-чувственного мира. В физически-чувственном мире нас привлекают симпатии и нас отталкивают антипатии, мы идем к существам, которые нам симпатичны, мы хотим быть с ними; мы избегаем те существа и вещи, которые нам не симпатичны, мы не хотим иметь с ними дела. По отношению к симпатиям и антипатиям элементарного мира, не может быть, чтобы выражаясь грубо, симпатии были человеку симпатичны, а антипатии антипатичны; этого не должно быть в элементарном мире. Это было бы

совершенно то же самое, как если бы в физически-чувственном мире кто-нибудь сказал бы: «Я люблю, скажем, только синюю и зеленую краску, но я не люблю красной и желтой красок. От них я готов бежать, что есть мочи». Когда существо в элементарном мире не симпатично, то это означает, что оно обладает определенным качеством элементарного мира, которое следует обозначить, как антипатичное. И по отношению к этому антипатичному следует держать себя так же, как в чувственном мире по отношению к синему и красному, а не так, что одно симпатичнее, а другое антипатичнее. Точно также, как в физически-чувственном мире относятся с известным спокойствием ко всем краскам, ибо они выражают то, чем являются существа, и только будучи неврастеником, бегут от той или иной краски, или не переносят краску будучи быком; как относятся со спокойствием к краскам в физически-чувственном мире, так же необходимо уметь со спокойствием, с совершенной ровностью наблюдать в элементарном мире симпатии и антипатии, как свойства элементарного мира. Для этого необходимо, чтобы поведение души, то, какое естественно для физически-чувственного мира, чтобы это поведение души, которую привлекают симпатии и отталкивают антипатии, стало совершенно иными. То душевное настроение, то состояние чувства, которое соответствует симпатиям и антипатиям в физически-чувственном мире, должно быть по отношению к элементарному миру сменяться тем, что можно было бы назвать душевным покоем, умиротворенностью духа. С внутренне замкнутой душевной жизнью, с умиротворенной душевной жизнью нужно погружаться в существа и затем, при погружении, в то время, когда в них превращаются, нужно почувствовать, как из собственных душевных глубин поднимаются качества этих существ в виде симпатий и антипатий. Лишь тогда, когда все это доступно, когда душа может так относиться к симпатиям и антипатиям, лишь тогда эта душа способна к тому, чтобы в ее переживаниях перед ней предстали в правильных образах «симпатичное или антипатичное переживание и чувствование» в вещах элементарного мира. Лишь тогда человек в состоянии почувствовать не только то, что есть чувствование в симпатиях и антипатиях, но может, действительно, видеть, как переживание самого себя, превращенного в другое существо, вспыхивает в виде того или иного красочного образа или того или иного звукового образа элементарного мира. Какую роль играют симпатии и антипатии в отношении переживаний души в духовном мире, вы это также можете увидеть, если вы с известным внутренним пониманием проследите главу в моей «Теософии», где говорится о Мире Душ. Тогда вы увидите, что Мир Душ построен из симпатий и антипатий.

Из моего описания вы могли, мои дорогие друзья, увидеть, что то, что человеку известно в физически-чувственном мире, как мышление, есть в сущности только внешнее, вызванное физическим телом, прозрачное отображение того мышления, что покоится в оккультных глубинах, и которое, в сущности, может быть названо живым Существом. Как только мы с нашим эфирным телом находимся в элементарном мире, мысли становятся, я сказал бы, плотнее, живее, самостоятельнее, истинное в своем существе. То, что мы переживаем в физически-чувственном теле, относится к этому более истинному элементу мышления, как теневой образ на стене к предметам, отбрасывающим его. Это есть действительно тень элементарной жизни мысли, которая отбрасывается в физически-чувственный мир, благодаря устройству физического тела. Мы мыслим как бы тенями мыслесуществ, когда мы мыслим в физически-чувственном мире. Сверхчувственное, ясновидческое познание раскрывает перспективу истинной природы мышления. Никакая философия, никакая внешняя наука, как бы остроумны они не были, не могут разузнуть хотя бы нечто правильное об этой истинной природе мышления; только познание, основывающееся на ясновидческом познании, может познать нечто верное. Точно также обстоит

и с волеием. Волеие должно укрепиться, ибо в элементарном мире чувство «Я» не просто дается человеку силами физического тела. Необходимо самому волеить это чувство «Я», необходимо пережить в элементарном мире, что значит быть исполненным в духе содержанием сознания: «я хочу себя», и необходимо пережить, что это есть нечто очень значительное, что в тот момент, когда человек недостаточно силен, чтобы развить, но мысль но действительный волевой акт «я хочу себя», он ощущает, что впадает как бы в обморок. Если человек не может сам удержаться в элементарном мире, то он впадает в этом мире, как бы в обморок. Здесь мы заглядываем в истинную природу воления, которая опять-таки может быть дана не внешней наукой, или внешней философией, а только ясновидческим познанием. То, что мы в физически-чувственном мире называем волей, есть тень той сильной сущности воли, которая развивается так, что она по произволу сохраняет «Я», не опираясь на внешние силы. Все становится произвольнее, можем мы сказать, в этом элементарном мире, если мы вживаемся в этот последний.

Прежде всего оставляя свое физическое тело и, затем, имея в своем эфирном теле окружающий элементарный мир, рождается, благодаря истинной природе эфирного тела, стремление к превращению; является желание погрузиться в существа. Но как в дневном бодрствовании рождается потребность в сне, так взамен этого, в элементарном мире, рождается потребность быть в самом себе, исключить все то, во что можно было бы превратиться. Но затем опять, после того, как некоторое время почувствовали себя в элементарном мире, в себе, после того, как некоторое время развивали то сильное волевое чувство «Я хочу себя», после этого наступает то, что можно назвать страшным ощущением одиночества, покинутости, которое вызывает стремление из этого состояния «воления только самого себя» как бы опять проснуться к способности превращения. Во время физического сна человек отдыхает, и силы заботятся о том, чтобы он проснулся, ничего не сделав для этого. В «волении только самого себя», он должен опять перенестись в состояние способности к превращению, вследствие требований чувства покинутости, т.е. должен хотеть проснуться. Из всего этого вы видите, мои дорогие друзья, насколько различны условия переживания себя, чувствования себя в элементарном мире от условий физически-чувственного мира. И вы можете понять насколько необходимо все снова и снова иметь ввиду, чтобы ясновидческое сознание, которое переходит из одного мира в другой и обратно, действительно подчинялось бы требованиям соответственного мира, и переступая порог, не переносило бы привычек одного мира в другой.

Поэтому укрепление и усиление душевной жизни относится также к часто упоминаемым нами приготовлениям к переживанию сверхчувственных миров.

И прежде всего должны стать крепкими и исполненными силы те переживания, которые можно было бы обозначить как высшие нравственные переживания души, которые выражаются в душевном настроении, твердости характера, внутренней уверенности и покоя. Внутреннее мужество и твердость характера, они должны быть прежде всего выработаны в душе, ибо слабостью характера мы ослабляем всю душевную жизнь и входим в элементарный мир со слабой душевной жизнью. А это нельзя, если мы хотим правильно и истинно переживать в элементарном мире, Поэтому тот, кто действительно серьезно относится к переживаниями в высших мирах, никогда не преминет подчеркнуть, что к тем силам, которые должны укрепить душевную жизнь для того, чтобы она правильно вошла в высшие миры, относится и укрепление нравственных, душевных сил. И это есть одно из самых печальных заблуждений, в какие вводят человечество, говоря чтобы человек развивал ясновидение, не принимая во внимание укрепление нравственной жизни. Необходимо подчеркнуть то, что я охарактеризовал в

книге «Как достигнуть познания высших миров», как образование цветов лотоса, которые у развивающего ясновидящего как бы кристаллизуются в душевном теле человека, необходимо сказать, что это развитие цветов лотоса может также произойти но не должно происходить, если и не принимать во внимание средств для нравственного укрепления.

Эти цветы лотоса должны быть налицо, если человек хочет обладать способностью к превращению; ибо эта последняя состоит в том, что цветы лотоса в движении раскрывают свои листья вне человека, и охватывают духовный мир, привыкают к нему, и то, что человек развивает, как способность к превращению, выражается для ясновидческого зрения в развитие цветов лотоса. То, что он вырабатывает, как укрепленное чувство «Я», т.е. внутренняя твердость, это можно было бы назвать элементарным спинным хребтом, и то и другое необходимо развить соответствующим образом: цветы лотоса, чтобы можно было превращаться, и нечто, соответствующее в физическом мире спинному хребту элементарный спинной хребет, чтобы можно было развить в элементарном мире свое укрепленное «Я». Так же как вчера было упомянато, что то, что будет развито духовным образом, может повести к духовным добродетелям в духовном мире, а то же самое, допущенное к излиянию в чувственный мир, может повести к самым сильным порокам, также обстоит дело и с цветами лотоса, и с элементарным спинным хребтом. Возможно также путем известных приемов пробудить цветы лотоса, а также и элементарный спинной хребет, не стремясь к нравственной твердости; но ни один добросовестный ясновидящий не станет рекомендовать этого, ибо дело не только в том, чтобы достигнуть в высших мирах того или иного, а в том, чтобы все необходимое принять во внимание.

В тот момент, когда человек переступает порог, ведущий в духовный мир, он приближается к существам, о которых мы уже говорили, приближается к люциферическим и ариманическим существам совершенно иначе, чем он встречается с ними в физически-чувственном мире. И как только человек переступает порог т. е. как только у него есть цветы лотоса и спинной хребет, он переживает нечто особенное, а именно он тотчас же видит, как к нему приближаются люциферические силы, которые стремятся схватить листья цветов лотоса. Они протягивают щупальца по направлению ваших цветов лотоса, и необходимо пройти правильное развитие, чтобы применить эти цветы лотоса к постижению духовных явлений и чтобы они не были захвачены люциферическими силами.

Но только тогда возможно, чтобы они не были захвачены люциферическими силами, если подняться в духовный мир с укрепленными нравственными силами. Я уже сказал, что в физически-чувственном мире ариманические силы, подходят к душе человека более извне, люциферические же более изнутри. В духовном мире происходит обратное; там люциферические существа подходят извне и стремятся захватить цветы лотоса, а ариманические силы подходят изнутри и укрепляются в элементарном спинном хребте. И теперь, если человек поднялся в духовный мир, не вооруженный моральностью, люциферические силы заключают удивительный союз с ариманическими. Если человек поднялся с честолюбием, тщеславием, стремлением к власти, гордостью, Ариману и Люциферу удастся заключить союз, я употреблю здесь образ для того, что делают тогда Ариман и Люцифер, но этот образ соответствует действительности. И вы меня поймете, происходит действительно то, на что я указываю этим образом: Ариман и Люцифер заключают союз, и Люцифер вместе с Ариманом прикрепляют цветы лотоса к элементарному спинному хребту. Все листья цветов лотоса связываются с элементарным спинным хребтом, человек оказывается связанным в самом себе, скованным в самом себе своими развившимися цветами лотоса и своим элементарным спинным хребтом. А последствием это имеет то, что развивается такой эгоизм, такая

любовь к заблуждению, какие совершенно немислимы, когда человек пребывает только в физическом мире. Это-то и может произойти,

если ясновидческое сознание не развивается соответственным образом: Ариман и Люцифер заключают союз, благодаря которому листья цветов лотоса прикрепляются к элементарному спинному хребту, и человек оказывается скованным в самом себе собственными элементарными или эфирными способностями. Все это вещи, которые необходимо знать, когда, познавая, пытаются проникнуть в действительный духовный мир.

Четвертая лекция

ПОДЪЕМ ДУШИ В СОБСТВЕННО ДУХОВНЫЙ МИР. ЧТЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО ПИСЬМА В ОБЛАСТИ ДУХА. МИРОВОЕ СЛОВО.

27 августа 1913 г.

Мои дорогие друзья-теософы!

Когда душа, ставшая ясновидящей, развивается все дальше и дальше, то она из мира, названного в эти последние дни элементарным, проникает дальше в собственно духовный мир; и многое из того, на это уже было указано, должно быть еще в большей мере принято во внимание, когда вопрос касается восхождения человеческой души в собственно духовный мир. В элементарном мире многое из явлений и вещей, которые ставшая ясновидящей душа видит вокруг себя в этом элементарном мире, напоминает еще качества, силы и вообще многое из чувственного мира. Когда же душа восходит в духовный мир, то качества, признаки явлений и существ выступают перед ней совершенно иначе, чем это происходит в чувственном мире. И, по отношению к духовному миру, душа должна в гораздо большей мере как бы отвыкнуть от того, чтобы обходиться способностями видения, пригодными для чувственного мира. А для человеческой души это и есть самое тревожное стоять перед миром, к которому она совершенно не привыкла, который вынуждает ее как бы оставить позади себя все, что она до сих пор могла испытывать и наблюдать. И все-таки, если вы в моей «Теософии» или в моем «Тайноведении» или же теперь в пятой и шестой картинах «Пробуждения Душ» обратите внимание на описание собственно духовного мира, то вам бросится в глаза, что эти описания, как те, что выдержаны в более научном характере, так и те, которые более наглядны и сценичны, что они даны в образах, совершенно заимствованных из впечатлений и наблюдений физически-чувственного мира.

Припомните на мгновение, как описано прохождение через так называемый Девахан, или, как я назвал его, через Страну Духов; вы видите: примененные там образы содержат признаки, заимствованные из чувственного видения. Это сразу должно явиться необходимым: когда берется на сценическую постановку область Духа на подмостках, область, которую человеческая душа переживает между смертью и новым рождением, то необходимо явления и все, что происходит, охарактеризовать в образах, заимствованных из физически-чувственного мира. Ибо вы можете легко себе представить, что, например, наши рабочие при театре не знали бы как взяться за то, что было бы принесено из духовного мира в собственном смысле и что не могло бы иметь ничего общего с чувственным миром. Таким образом, когда описываешь духовную область, возникает необходимость выражаться при помощи образов, заимствованных из чувственного наблюдения. Но дело не только в этом. Легко можно было бы

подумать, что так поступать при описании необходимо вследствие того, что то, что применяется, как чувственные образы, только указывает на мир, который в своих признаках не имеет ничего общего с чувственным миром. Можно было бы подумать, что тот, кто хочет описать этот мир, поневоле прибегает к чувственным образам. Но это не так; ибо душа, ставшая ясновидящей, когда она вступает в духовный мир, действительно видит *эту* сцену совершенно в тех образах, которые представлены в обеих картинах. Эти образы не выдуманы, с целью охарактеризовать при помощи их нечто, что на самом деле совершенно иное; но душа, ставшая ясновидящей, действительно и поистине находится среди такой обстановки, которая составляет ее окружающее. Подобно тому, как душа в физически-чувственном мире находится среди какого-нибудь ландшафта, где она окружена скалами, горами, лесами, полями, и подобно тому, как она должна считать их реальностью, действительностью, если она здорова, точно также душа, ставшая ясновидящей, когда она наблюдает вне физического, а также и вне эфирного тела, находится среди такой обстановки, которая состоит из таких образов. Эти образы выбраны не произвольно, но действительно составляют истинное окружение души в данном мире. Так что пятая и шестая картины создались не таким путем, что нечто из незнакомого мира подлежало выражению, и тогда пришлось призадуматься: как это выразить? Но это действительно есть мир, который душа видит вокруг себя и только воспроизводит известным образом.

Однако необходимо, чтобы душа, ставшая ясновидящей, усвоила в области Духа, в Стране Духа правильное отношение к истинной реальности, которая не имеет ничего общего с чувственным миром. Можно составить себе представление об этом отношении к духовному миру, которое должна приобрести душа, если попытаться следующим образом охарактеризовать то, как душа должна понимать это духовный мир. Представьте, что вы открываете книгу! Там вверху вы находите черту, слева снизу, идущую направо вверх, затем опять черту слева вверху, идущую вправо вниз параллельно первой, и еще одну слева внизу, идущую направо вверх параллельно второй; затем следует нечто, что имеет вверху круг, а внизу не совсем замкнутый круг; затем следует нечто, что имеет две вертикальные черты, соединенные вверху и опять две такие же черты.

Неправда ли, вы этого не делаете, когда вы открываете книгу и видите то, что напечатано, но вы читаете слово «wenn». Вы не описываете «w» как штрихи, «e» как круг вверху и не совсем замкнутый круг внизу, а вы читаете. Глядя на форму стоящих перед вами букв, вы устанавливаете отношение не к тому, что напечатано на странице книги, но к тому, на что вам указывает то, что напечатано на странице книги.

Так действительно обстоит дело и с отношением души ко всему миру образов в Области Духа. То, что нужно там делать, есть не только описание того, что там находится, но это можно скорее сравнить с чтением, и те образы, которые мы имеет перед собой, являются посредниками, означают для нас то, что есть реальность духовного мира и перед ним в сущности находится ткань всего этого мира образов. Поэтому мы должны в истинном смысле говорить о чтении космического письма в Области Духа.

Но не следует представлять это себе таким образом, что этому чтению космического письма можно выучиться так же, как чтению в физическом мире. Чтение в физическом мире покоится более или менее, по крайней мере в настоящее время в первые времена человечества это было не так на отношении произвольных знаков к тому, что они означают. Учиться читать так, как учатся читать эти произвольные знаки, нет необходимости по отношению к космическому письму, которое для души, ставшей ясновидящей, является как могучая картина, как выражение Страны Духов. Но, в сущности, нужно только без предвзятости и восприимчивой душой принять то, что здесь является в сочетании образов. Ибо то, что при этом

переживаешь, уже есть чтение. Эти образы, так сказать, сами изливают свой смысл. Поэтому легко может случиться, что известного рода комментариев, интерпретация образов духовного мира в абстрактных представлениях явится скорее препятствием для непосредственного направления души к тому, что стоит за оккультным письмом, чем помощью при этом чтении. В таких вещах, какие изложены в моей книге «Теософия», а также и в картинах «Пробуждения Душ» самое главное заключается в том, что бы без предвзятости дать действовать на себя вещам. Путем более глубоких сил, которые иногда совершенно прозрачно доходят до сознания, человек уже переживает указания на духовный мир. Чтобы получить эти указания на духовный мир, (обратите на это ваш душевный взор, мои дорогие друзья), даже нет необходимости стремиться к ясновидению, но необходимо только так понимать такие картины, чтобы иметь для них открытую, восприимчивую душу, чтобы не подходить к таким вещам с грубым материализмом, говоря: «Все это бессмыслица, этого вовсе не бывает». Восприимчивая душа, которая вникает в ход таких картин, уже научается их читать. Когда душа отдается этим образам, у нее развивается понимание, необходимое для мира Страны Духов. И вследствие того, что то, что я сказал, действительно так и есть, из нашего современного материалистического мировоззрения вытекают многочисленные возражения против духовидения.

С одной стороны такие возражения в сущности очень понятны, но с другой стороны они могут быть очень остроумны и казалось бы, в высшей степени логичны. Такие возражения могут быть сделаны следующим образом, можно сказать, и это действительно возражение, которое не лишено правомерности, можно сказать, если быть, например, Фердинандом Рейнеке, который так чрезмерно хитер, что его таковым считают не только люди, но что он, с полной правомерностью, считается чрезмерно хитрым даже Ариманом, можно сказать: Да, вы, которые описываете нам ясновидческое сознание, которые говорите о духовном мире, вы ведь строите весь этот духовный мир только из материальных чувственных представлений; вы группируете материал чувственных представлений. Как можете вы утверждать, что в то время, когда вы составляете картину действительно только из знакомых чувственных образов, что при помощи этого можно испытать нечто новое, нечто такое, чего нельзя узнать, если не приблизишься к духовному миру?» Это такое возражение, которое должно ослепить очень многих, и которое, с точки зрения современного сознания, можно сделать, можно сказать, с известным кажущимся, но опять-таки полным правом. И, тем не менее, если глубже вникнуть в такие возражения Фердинанда Рейнеке то правильным является следующее: такое возражение было бы подобно другому возражению, которое сделал бы кто-нибудь сказав человеку, только что получившему письмо: «Да, видишь ли, ты получил письмо, я вижу в нем только буквы и слова, которые уже давно знаю; как же ты думаешь узнать из этого письма нечто новое? Ты из него можешь узнать только то, что мы уже давно знаем». И тем не менее, с помощью того, что мы уже давно знаем, мы иногда узнаем нечто такое, что нам и не снилось. Точно также обстоит дело и с инсценировкой таких картин. Которые должны явиться не только в постановке, но которые вокруг раскрываются ясновидческому сознанию. Они, в известном отношении, составлены из воспоминаний чувственного мира; но так как они являются в виде космического письма, они представляют то, чего человек не может узнать ни в чувственном мире, ни также в элементарном мире. Все снова и снова должно быть подчеркнуто, что это отношение к духовному следует сравнить с чтением, а не с непосредственным созерцанием.

Итак, в то время, как земной человек, ставший «ясновидящим», должен таким образом понимать вещи и явления физически-чувственного мира, если он хочет своей здоровой душой относиться к этим вещам, дабы созерцать эти

вещи, и возможно вернее описывать их, отношение к Стране Духов должно стать иным. Как только человек переступил порог в духовный мир, он имеет там дело с тем, что следует сравнить с чтением. Правда, если принять во внимание то, что также из этой Страны Духов должно быть познано для человеческой жизни, то существует еще нечто иное, что может опровергнуть возражения Фердинанда Рейнеке. Не следует легко относиться к таким возражениям; если хотеть правильно понимать духоведение, то необходимо некоторым образом считаться с этими возражениями. Нужно принять в соображение, что люди настоящего часто вовсе не могут не делать таких возражений, ибо вся жизнь представления, привычки мышления людей настоящего именно таковы, что они из страха, из боязни очутиться перед ничто, просто отрицают духовный мир, когда они слышат о духовном мире. Можно составить себе верное понятие об отношении людей настоящего к духовному миру, если обратить внимание на то, что думают о духовном мире те люди, которые в известном смысле доброжелательны по отношению к духовному миру.

Недавно в современной литературе появилась книга, которую следует прочесть и тем, которые уже достигли действительного понимания духовного мира; ибо она написана человеком, который, в сущности, доброжелателен и который очень желал бы достигнуть известного рода познания духовного мира, Морисом Метерлинком. Эта книга переведена и на немецкий язык и называется: «О смерти». Она написана человеком, который в первых главах показывает, что он хотел бы понять эти вещи. И так как мы знаем, что он известным образом человек тонкой духовности, на которого среди прочих оказал влияние Новалис, который известным образом усвоил себе мистическую романтику, который сам дал многое, что очень интересно, теоретически и художественно касающееся отношения человека к сверхчувственному миру, то именно его пример является особенно интересным. В тех главах книги Мориса Метерлинка «О смерти», где он говорит о подлинном отношении человека к духовному миру, эта книга становится особенно глупой и абсурдной. И это интересное явление, что доброжелательный человек, оперирующий с современными привычками мышления, глупеет. Я это говорю не для того, чтобы критиковать, но чтобы объективно охарактеризовать, что такой доброжелательный человек становится глупым, когда он обращает свое внимание на отношение человеческой души к Стране Духов, ибо Морис Метерлинка даже не может себе представить, что существует возможность так усилить и укрепить человеческую душу, что она сможет оставить позади себя все то, что может в нее войти путем чувственного наблюдения и обыкновенного мышления, чувствования и воления на физическом плане и даже еще в элементарном мире. Для таких духов, каким является Морис Метерлинка, просто нет ничего, когда душа оставляет позади себя все то, что составляет чувственное восприятие и связанное с ним мышление, чувствование и воление. Поэтому Морис Метерлинка требует в названной книге доказательств для духовного мира и его фактов. Конечно, есть полное право требовать доказательств для духовного мира. Это совершенно правильно. Но нельзя их требовать так, как Морис Метерлинка. Ему хотелось бы доказательств, которые были бы так же очевидны, как доказательства для физического плана по образу науки. И также ему хотелось бы еще, так как в элементарном мире вещи еще напоминают физический мир, чтобы ему путем опытов, сделанных по образцу физических, доказали, что явления духовного мира существуют. Этого требует он! Но именно этим он показывает, что у него нет ни малейшего понимания истинного духовного мира. Он хочет, чтобы вещи и явления, у которых нет ничего общего с вещами и явлениями физического мира, были доказаны с помощью средств, заимствованных из физического мира. Нашей задачей было бы скорее показать, что такие доказательства, каких требует Морис: Метерлинка,

невозможны для духовного мира. Требование, *подобное* тому, что выставляет Метерлинк, я всегда бываю вынужден! сравнить с одним случаем, имевшем место в области математики.; До недавнего времени различные академии постоянно получали трактаты о так называемой квадратуре круга, т.е. были попытки геометрически доказать, как можно круг превратить в квадрат. Об этом были написаны бесчисленные математические трактаты с бесчисленными доказательствами. Но в настоящее время всякий, кто написал бы еще такой трактат, был бы дилетантом, ибо доказано, что такая квадратура круга геометрическими средствами невыполнима, невозможна. И того, чего Метерлинк требует как доказательства для духовного мира, есть ничто иное как квадратура круга и также неуместна в духовном мире как квадратура круга в области математики. Чего в сущности требует Морис Метерлинк? Если знать, что человек, как только он преступает порог в духовный мир, живет в мире, не имеющим ничего общего с физическим, а также с элементарным миром, то нельзя требовать: «Если ты хочешь что-нибудь мне доказать, то возвращайся, пожалуйста, в физический мир и доказывай мне там вещи иного духовного мира». В вещах духоведения (нужно установить раз навсегда), самыми доброжелательными людьми совершаются бессмыслицы, которые, если их перенести в обыкновенную жизнь, тотчас же обнаруживаются как бессмыслицы. Это то же самое, как если бы кому-нибудь велеть стать на голову и все-таки ходить на ногах. Если кто-нибудь требует этого, то всякий видит, что это бессмыслица; когда это же делают по отношению к доказательствам духовного мира, тогда это остроумно, тогда это является научным требованием, тогда автор замечает это меньше всего, а его приверженцы, в особенности, когда дело касается известного автора, конечно этого тоже не замечают. Вся ошибка подобных требований вытекает из того, что люди, ставящие подобные требования, никогда не уясняли себе отношения человека к духовному миру.

Когда кто-нибудь путем ясновидческого сознания достигает представлений, которые могут быть добыты только из духовного мира, то такие представления, конечно, подвергнутся многим нападкам со стороны Фердинандов Рейнеке. Все представления, которые мы должны достигнуть о так называемом перевоплощении, о повторяющихся земных жизнях, т.е. действительно реальные воспоминания о пережитых земных жизнях, их можно достигнуть тем поведением души, которое необходимо для духовного мира. Их можно получить только из духовного мира. Если кто-нибудь имеет в душе впечатления и представления, указывающие ему на прежние земные жизни, то такие впечатления особенно подвергаются вражде нашего времени, и с самого же начала мы не станем отрицать того, что, разумеется, именно в этой области творится самое ужасное, ибо многие получают то или иное впечатление, и относят его к тем или иным предыдущим воплощениям. Здесь противнику легко будет сказать: «Да, в твою душевную жизнь вливаются представления о переживаниях между рождением и смертью, которых ты только не познаешь, как таковые». Конечно с этим нужно согласиться, в сотнях случаев это может быть и так. Необходимо только помнить, что исследователь духовного должен быть сведущ в таких вещах. Вполне может случиться, что кто-нибудь пережил нечто в детстве, в юности, и что то, что было тогда пережито, снова выступило совершенно измененным в более позднем возрасте. Может случиться, что он этого не узнал и что тогда он счел это за воспоминание о предыдущих земных жизнях. Это может случиться. Мы знаем даже в духоведении, как легко это может произойти. Видите ли, могут образоваться воспоминания не только о том, что мы ясно пережили. Можно иметь переживание, которое так промелькнет, что его мы неясно доводим до нашего сознания в то время, как мы его переживаем, и все-таки оно может позднее выступить как воспоминание и быть тогда ясным. Тогда человек, если он отнесется недостаточно критически, будет клясться, что в душе есть нечто, чего он

никогда не переживал в настоящей жизни. Вследствие этого понятно, что на основании таких впечатлений многими людьми, занимающимися духоведением, не с достаточной серьезностью, поднимается много шума. Именно в учении перевоплощения может это случиться, ибо, кроме того, с эти перевоплощением связано так много человеческого тщеславия, человеческого честолюбия. Для многих людей так желательно чтобы они в прежнем воплощении были Юлием Цезарем ил! Марией Антуанеттой. Я мог бы, например, насчитать 25-26 перевоплощенных Марий Магдалин, которые мне встретились в жизни. На это оказывает влияние так много вещей, дающих повод к шуму, что у духоиспытателя нет повода самому не обратить внимание на шум, возникший в этом направлении. Но по отношению к этому следует подчеркнуть нечто иное.

При истинном ясновидении, когда оно имеет впечатления из прежних земных жизней, эти впечатления выступают таким образом, носят такой характер, что человек, если он, имея ясновидческую душу, имеет в то же время и здоровую душу, что человек может тогда очень ясно узнать и, что является непреложным, что он имеет дело не с чем-то таким, что может вытекать из настоящей жизни между рождением и смертью. Ибо в этих воспоминаниях, в этих действительных, подлинных воспоминаниях правильного ясновидения о прежних земных воплощениях, есть скорее нечто поражающее, неожиданное, так что нельзя было бы думать, что душа выносит их из своих глубин с помощью средств, которые для нее обычно возможны, но когда она пользуется не только тем, что живет в ее сознание, но и тем, что живет в ее подсознательных глубинах. Исследователю духовного необходимо познакомиться с тем, к чему может придти душа через переживания извне. Это будет не только желания и вожеления, которые правда играют большую роль, когда из незнакомых душевных глубин вызываются впечатления в преображенном виде, так что человек не признает их за переживания настоящей жизни; здесь влияет еще многое иное, но потрясающие впечатления из предыдущих земных жизней можно, большей частью, очень легко отличить от таких впечатлений из настоящей жизни. Приведем пример: если кто-нибудь получит истинное впечатление из предыдущей земной жизни, то это произойдет например так, что данный человек переживет внутренне как бы поднимающееся из душевных глубин: в предыдущей земной жизни ты был тем-то и тем-то. И затем окажется, что в тот момент, когда приходит это впечатление, внешне, в физическом мире, человек не знает что делать с этим познанием. Оно может подвинуть его в развитии, но оно обыкновенно является так, что человек говорит себе: «Ты был в предыдущем воплощении наделен этой способностью». Но когда человек получает такое впечатление, он уже так стар, что ничего не может сделать с тем, чем он был в предыдущей жизни. И всегда будут иметься такие условия, которые нам покажут: эти впечатления вовсе не могут вытекать их того, к чему мы бы могли придти, исходя из настоящей жизни; ибо если бы мы исходили из обыкновенного сна, мы бы приписали себе в предыдущем воплощении совершенно иные качества, при подборе предыдущей инкарнации. Какими мы были в предыдущей инкарнации, об этом нам обыкновенно и не снится. Обыкновенно все бывает иначе, чем мы думаем, и если у нас бывает впечатление, что мы имели то или иное отношение к какому-нибудь земному человеку, если это всплывает в истинном ясновидении, как действительное, правильное впечатление из предыдущей земной жизни, то следует опять-таки, конечно, обратить внимание на то, что при неправильном ясновидении так много предыдущих воплощений описывается так, что они относятся к врагам и друзьям, которые непосредственно нас окружают. Это большей частью вздор. Когда получаешь действительное, правильное впечатление, то оказывается, что имеешь отношение к какой-нибудь личности, к которой нельзя подойти в то время, когда получаешь впечатление, так что эти вещи невозможно

применить к непосредственно практической жизни.

И по отношению к таким впечатлениям следует также развить настроение, необходимое для ясновидческого сознания. Конечно, когда у нас бывает впечатление: «У тебя такое-то отношение к данной личности», то, что дано впечатлением, должно изжиться каким-либо образом; благодаря впечатлению, ты должен снова стать в отношение в данной личности». Это может произойти во второй, в третьей земной жизни. Необходимо иметь то настроение спокойного ожидания, которое можно обозначить, как действительное, внутреннее спокойствие, как умиротворенность духа. Это необходимо для правильного суждения о том, что переживаешь в духовном мире.

Когда мы хотим что-нибудь узнать о каком-нибудь человеке в физическом мире, то мы делаем то, что мы считаем необходимым в смысле этого узнавания. Это невозможно, когда переживаешь впечатление, сопровождающееся умиротворенностью, душевным спокойствием, умением ждать. Это есть совершенно правильное описание настроения души по отношению к истинным впечатлениям из духовного мира, когда говорят: «Ни к чему не стремиться, только быть умиротворенно спокойным, с внутренним существом души, полным ожидания». В известном отношении это настроение должно быть пролито на всю душевную жизнь, для того, чтобы к ясновидящей душе могли правильным образом приблизиться указания Страны Духов.

Но Фердинандов Рейнике не всегда можно так легко опровергнуть, не легко даже в том случае, когда в душе появляются впечатления, о которых можно сказать: «Это невозможно, чтобы душа с теми силами и привычками, которые она усвоила себе в настоящей земной жизни, представила себе то, что всплывает теперь из душевных глубин; наоборот, если бы это от нее зависело, она представила бы себе нечто иное. «Даже, когда это можно сказать, что является верным признаком истинных, подлинных впечатлений из духовного мира, может еще придти чрезмерно лукавый Фердинанд Рейнике и сказать следующее: а в науке о духе необходимо стать на такую точку зрения, чтобы по отношению к возражениям людей, стоящих далеко от тайноведения, а также по отношению к возражениям противников, ничего не желающих знать о нем, не говорить: «С внутренней жизнью души, полной ожидания». Это является правильным настроением по отношению к духовному миру, но по отношению к возражениям противников именно последователь духовного ничего не должен ожидать, но должен сам себе сделать все эти возражения, чтобы знать, что могут возразить. И есть возражение, которое в настоящее время возможно, и которое действительно делают в психологической, психопатологической и физиологической литературе и в книгах, иногда мнящих себя учеными и научными; это возражение: «Душевная жизнь человека сложна. В ее глубинах есть многое, что не проникает в верхнее сознание, не только то, что желания и вожеления выносят на поверхность, многое живет внизу в душевных глубинах», так говорят, когда хотят быть чрезмерно лукавыми, но говорят также: «Душевная жизнь, которая сложна, когда она имеет какое-нибудь переживание, переживает втайне нечто вроде сопротивления, как бы род оппозиции против того, что она переживает. Об этой оппозиции которую человек всегда переживает, он ничего не знает; но это может потом проникнуть из нижних сфер душевной жизни в высшие. Так как нельзя отрицать фактов, то в психологической, психопатологической и физиологической литературе часто признают явления, подобные следующим: «Когда одна душа сильно влюблена в другую, то она непременно должна в бессознательных душевных глубинах рядом с сознательной влюбленностью развить страшную антипатию против любимой души». И это таится в душе многих психопатологов, когда они говорят: «Когда кто-нибудь сильно любит, то в глубинах его души живет ненависть. Эта ненависть

только заглушается вожделением любви: но ненависть все-таки имеется». «Когда такие вещи, говорит Фердинанд Рейнеке, поднимаются из глубин души, то это такие впечатления, которые очень легко могут дать повод к ошибке, то они коренятся не в индивидуально пережитом души; и все-таки они могут корениться там, так как душевная жизнь сложна», говорят Фердинанды Рейнеке. Можно только сказать: конечно, последователь Духовного знает это так же хорошо, как современный психолог или психопатолог или физиолог. Если заняться упомянутой литературой, которая трактует именно о душевной жизни, о здоровой и больной, то получаешь впечатление, что Фердинанд Рейнеке, есть реальный, всюду встречающийся, в высшей степени значительный тип нашего времени. Фердинанд Рейнеке не выдумка. Если страницу за страницей просмотреть все книги, которые в настоящее время появляются в таком большом количестве, то это впечатление получаешь всюду, перелистывая страницы: всюду выступает странное лицо Фердинанда Рейнеке, Он всюду встречается в современной науке, но по отношению к этому необходимо все снова и снова подчеркнуть, и я не премину по отношению к этому все снова и снова повторить, по отношению к этому необходимо подчеркнуть, что доказательства того, что какое-нибудь явление есть не фантазия, а действительность, реальность, должно быть дано жизнью. И опять я должен сказать: та часть шопенгауэровской философии, в которой говорится, что мир есть только представление и что нельзя отличить представления от действительного восприятия, может быть опровергнута только жизнью, точно также, как утверждение Канта, направленное на так называемое бытие Бога, что сто возможных талеров содержат столько же пфеннигов, сколько сто действительных талеров, будет опровергнуто всяким, кто захочет заплатить свой долг возможными талерами, а не действительными. Точно также и то, что называют подготовлением, вживанием души в ясновидение, нужно брать в его реальности. Здесь не только теоретизируешь, здесь усваиваешь себе жизнь, с помощью которой в области духа так же ясно отличаешь действительное впечатление предыдущей земной жизни от впечатления, которое не является таковым, как горячее железо, которое прикладываешь к коже, отличаешь от только воображаемого железа. Если это принять во внимание, то нам станет также ясно, что возражения Фердинанда Рейнеке в этой области в сущности ничего не доказывают, ибо они исходят от людей, я даже не говорю, которые ясновидческие не вступали в область духа, но которые даже никогда не доходили до понимания ее. Итак, необходимо иметь в виду, что когда переступаем порог духовного мира, мы вступаем в область мира, которая уже не имеет ничего общего с тем, что могут воспринимать внешние чувства и с тем, что мы, мысля, воля и чувствуя переживаем в физическом мире.

Мы должны приблизиться к особенностям духовного мира еще путем следующего: мы должны сказать себе: то, как и посредством чего мы познаем и наблюдаем в физически-чувственном мире, все это мы должны оставить позади себя. При восприятии элементарного мира я употребил образ с виду очень грубый, образ всовывания головы в муравейник. Так обстоит с сознанием в элементарном мире. Мы имеем там дело не с мыслями, все вынося, которые пассивно уживаются друг с другом, но мы вводим наше сознание в мир, в мир мыслей, если нам хочется так его назвать, который копошится и кишит, и который ведет свою собственную жизнь, Поэтому мы должны в душе сильно противостоять самодвижущимся мыслям. Но в элементарном мире в этом пространстве копошащихся и кишащих мыслей многое еще напоминает физический мир. Когда мы вступаем в духовный мир, то уже ничто более не напоминает физического мира, но здесь мы вживаемся в мир, я здесь употреблю выражение, которое я употребил также в моей книге «Порог духовного мира» в мир живых мысле-существ. Мы в этом духовном мире находим то, от чего в физически-

чувственном мире мы имеем только как бы теневые образы, как бы тени мыслей, когда мы думаем, вещество мысли, из которого состоят существа, в которые мы тогда вживаемся. Подобно тому, как физически-чувственный мир состоит из плоти и крови, так эти существа в духовном мире состоят из вещества мысли; они суть мысли, только мысли, чистые мысли, но живые мысли, с внутренней сущностью, они живые мысле-существа. Поэтому также эти живые мысле-существа, в которые мы вживаемся, не могут совершать действий так, как это делают физическими руками. Те действия, которые совершают существа, то, что создает отношение одного существа к другому, в духовном мире можно сравнить только с тем, что в чувственном мире существует как слабое отображение этого, с воплощением мыслей в разговоре. Мы вживаемся в духовный мир, переживаем живые мысле-существа: и все, что они делают, чем они являются, как они друг на друга действуют, образует разговор Духов. Один Дух говорит с другим и в этой Стране Духов говорят языком мысли. Но этот язык мысли есть не только язык, но в своем целом он является тем, что представляет собою действия духовного мира, тем, что эти существа говорят, они действуют, делают, работают; итак, когда мы престапаем порог духовного мира, мы вживаемся в мир, где мысли суть существа, где существа суть мысли, но как существа, они там гораздо реальнее, чем человек во плоти и крови в чувственном мире. Мы вживаемся в мир, в котором действие заключается в разговоре духов, где слова движутся по всем направлениям, и где, когда нечто произносится оно то же время уже совершается. Поэтому в духовном мире, а также относительно событий в этом мире следует сказать то, что говорится в III картине «Стража Порога»: «Здесь в этом месте слова суть действия, и другие действия должны следовать за ними».

И всякое оккультное восприятие (все то, что посвященные всех времен сделали для человечества), созерцало в известной области то, что означает этот разговор, который есть в то же время действие Духов; и в характерном выражении это было названо «мировым словом».

Видите ли теперь мы находимся с нашими рассматриваниями непосредственно в Стране Духов, созерцаем существа и действия существ; и их взаимная связь есть многоголосое, многоозвучное, многообильное деяниями «Мировое Слово», в которое сам человек своей собственной сущностью души которая сама становится «Мировым Словом» вживается звуча, так что он сам совершает деяния в духовном мире. Выражение «Мировое Слово», проходящее через все времена и народы, вполне выражает истинное состояние в Стране Духов. Понять в наше время то, что подразумевается под «Мировым Словом» можно только приближаясь к особенностям духовного мира таким образом, как мы попытались это сделать в этом рассмотрении. Подобно тому, как в оккультизме различных времен и народов с большим или меньшим пониманием говорили о «Мировом Слове», так нашему времени необходимо, дабы человечество не было бы опустошено материализмом, чтобы стали понятны такие слова, какие произносятся по отношению к Стране Духов: «В этом месте слова суть действия, и другие действия должны следовать за ними». Для нашего времени необходимо, мои дорогие друзья, чтобы души ощутили реальность, представление о реальностях, когда такие слова произносятся на основании познания духовного мира. Необходимо знать, насколько это является точно такой же характеристикой духовного мира, как применение обыкновенных чувственных представлений для характеристики чувственно-физического мира.

До какой степени наше время пойдет с пониманием навстречу таким словам: «Здесь в этом месте слова суть действия и другие действия должны следовать за ними» от этого будет зависеть то понимание, с которым наше время отнесется к духоведению и насколько люди нашего времени будут подготовлены к тому, чтобы предотвратить, чтобы благодаря материализму,

который в другом случае будет господствовать, культура человечества не была бы все более и более приведена к запустению, оскудению и упадку.

Пятая лекция

ГОСПОДСТВО ТРОЙСТВЕННОСТИ В МИРОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ. СКАЗОЧНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ГОСПОЖИ БАЛЬДЕ И НАСТАВЛЕНИЯ ГОСПОДИНА БЕНЕДИКТА. МЫСЛЬ, СЛОВО, ПИСЬМО.

28 августа 1913 г.

Мои дорогие друзья-теософы, я готов сделать все для того, чтобы мы могли хорошо понять друг друга, говоря об условиях духовных областей, к некоторому выводу о которых нам придется придти во время настоящего цикла лекций. И именно по этой причине я хотел бы сегодня вечером в виде эпизода включить в рассмотрение нашего цикла небольшой рассказ, который сможет разъяснить нам многое в тех вопросах, которые мы должны будем рассмотреть, и в тех, которые мы уже рассмотрели.

Одно время профессор Капезиус был душевно очень измучен и истерзан. Это произошло по следующим причинам. Вы видели, в особенности из «Врат Посвящения», что Капезиус был некоторого рода ученый теоретик, историк. Окультное исследование показало мне, что некоторое количество известных историков сделалось таковыми именно благодаря тому, что они находились в каком-либо отношении к египетскому посвящению, в третьем послеатлантическом периоде культуры. Либо такие ученые историки имели прямое отношение к принципу посвящения, либо они тем или иным образом близко стояли к тайнам храма. Вы могли заметить, что Капезиус был таким историком, который опирается не только на внешние труды, но который также пытается проникнуть в те идеи истории, что имеют значение в развитии человечества, в развитии культуры.

Я должен признаться, что в то время, когда я пытался во «Вратах Посвящения», в «Испытании Души» и в «Страже Порога» охарактеризовать Капезию, у меня все время было перед глазами его отношение к египетскому принципу посвящения, которое выявлено теперь яснее в VII и VIII картине «Пробуждение Душ». И следовало бы, в сущности, помнить, что те переживания, которые душа Капезия имела во время своего египетского воплощения, лежат в основе всех позднейших судеб, которые имеют значение для этой души и в настоящее время.

Итак, Капезиус историк, ученый историк. В своей жизни ученого он занимается главным образом историей и всем тем, что привело к развитию становление и сущность народов, культур и отдельных людей в следующих одна за другой эпохах.

Но однажды Капезию попало кое-что из геккелианской литературы. Он познакомился со всем этим мировоззрением, которым он прежде мало занимался, и с связи с этим он прочел различные труды об атомистическом мирозерцании. Это было причиной его измученности, и странное настроение овладело им, когда он в сравнительно позднем возрасте познакомился с этим атомистическим геккелианством. Его рассудок говорил ему: в сущности, нельзя как следует совладать с окружающими явлениями природы, если не изъяснить себе явлений природы таким путем механического мирозерцания, исходя из атомов. Другими словами, Капезиус все более и более приходил к тому, чтобы известным образом убедиться в одностороннем праве атомизма, в механическом воззрении на природу. Он не принадлежал к тем, которые фанатически сразу отвергают

подобные вещи, ибо он должен был доверять также и своему рассудку и тогда многое из этого воззрения показалось ему необходимым для того, чтобы объяснить себе окружающие явления природы.

И все-таки это его мучило, ибо он говорил себе: как пусто, как неудовлетворительно для человеческой души это воззрение на природу. К нему не подходит никакая идея, которую хочешь получить о Духе, о сущности Духа и о душевном.

Таким образом, Капезиус был терзаем сомнениями, и тогда он, я сказал бы почти, инстинктивно, пошел тем путем, которым он так часто ходил, когда ему было тяжело на душе, он пошел в домик Бальде, чтобы там поговорить с добрыми людьми, разговор с которыми часто приносил так много прекрасного и хорошего его душе. Часто освежало Капезия то, что давала ему в своих прекрасных сказочных образах фрау Бальде. И он отправился туда, и так как фрау Бальде была занята в доме, то, когда он пришел туда, он застал там только Феликса Бальде, отца Феликса, которого с течением времени он так полюбил. Он рассказал ему о своих мучениях, сомнениях, в которые он был повергнут, благодаря своему ознакомлению с геккелианством и атомизмом. Он, во-первых, объяснил ему, насколько рассудку кажется необходимым применить нечто подобное к явлениям природы. С другой же стороны, он изложил доброму отцу Феликсу, как пусто и неудовлетворительно такое мирозерцание. Капезиус был очень взволнован, когда он, так сказать, ища духовной помощи, пришел к отцу Феликсу. У отца Феликса иная натура, чем у Капезия: он идет своим определенным путем. Он сразу отклонил геккелианство и атомистическое мирозерцание, разъяснив нашему доброму профессору Капезию, как там обстоит дело. Он сказал ему: «Конечно, атомы должны существовать; есть полное основание говорить об атомах; но необходимо уяснить себе, что эти атомы, для того, чтобы каким-нибудь образом создать мир должны так наслаиваться и прилегать друг к другу, чтобы это наслаивание соответствовало мере и числу, чтобы атом одного вещества по четыре, другого по три, третьего по одному, по два, образовали целое; что таким образом образуются вещества, имеющиеся в мире. Капезию, который исторически был хорошо осведомлен, это показалось пифагорейством. Он почувствовал, что в Феликсе Бальде действовал пифагорейский принцип. Феликс Бальде хотел ему пояснить, что с атомами нельзя ничего предпринять, но что в них господствуют мудрые мера и число, и все сложнее и сложнее становилось то, что объяснял отец Феликс во все более сложных числовых отношениях, по которым мировая мудрость соединяет атомы друг с другом и как духовный принцип проявляется среди атомов. Все сложнее становились фигуры, которые перед Капезием строил отец Феликс. Тогда добрым профессором Капезием овладело странное настроение, такое настроение, которое можно было бы охарактеризовать в следующих словах: он должен был делать такое напряжение, чтобы удержать эту сложность, что, несмотря на то, что его все это в высшей степени интересовало, он должен был подавить некоторую зевоту, и он почти впал в некоторого рода сновидческое состояние.

И вот раньше, чем добрый профессор Капезиус совершенно впал в сновидческое состояние, пришла фрау Бальде, которая сначала должна была еще некоторое время слушать все рассуждение о числах и фигурах. Она терпеливо присела. У нее была странность: когда ей бывало что-нибудь не совсем симпатично, в хорошем смысле несимпатично, и когда ей нужно было отразить благожелательную скуку, то она складывала обе руки в кулаки, и начинала делать кругообразные движения пальцами, и всегда, когда она это делала, она этим совершенно не могла удержаться от зевоты. После того, как она некоторое время так делала, наступила пауза, и тогда она могла снова освежающим рассказом пробудить от сна Капезия. И фрау Бальде рассказала доброму профессору Капезию следующее:

Однажды в очень уединенной местности стоял большой замок. В этом большом замке жило много людей, старых и молодых, от самых юных до самых старых; но все были более или менее в родстве, так что все каким-нибудь образом имели отношение друг к другу.

Эти люди, которые составляли замкнутую общину, были известным образом отделены от остального мира; ибо далеко вокруг не было ни людей, ни человеческих поселений, так что пришло время, когда большому количеству этих людей стало не по себе. И это имело следствием то, что некоторые из этих людей стали как бы визионерами, имели видения, которые по тому, как они появлялись, могли относиться к чему-то реальному. И фрау Фелиция рассказала, что большое количество этих людей имели одинаковое видение. Сначала они имели видение как бы сошедшего с облаков могучего Образа из света; Образ из света, который, когда сошел, то, как бы согревая, погрузился в сердца и души обитателей замка. И действительно почувствовалось, так рассказывала фрау Фелиция, нечто освещающее, что входило как бы с небесных высот через этот образ из света, пришедший сверху.

Но вскоре, так рассказывала она, для всех людей, имевших это видение Образа из света, наступило еще нечто другое. Они увидели всюду вокруг замка как бы выползающими из земли всевозможные коричневато-черные, серо-стальные образы. В то время, как Образ из света сверху был единственным, теперь появилось много, много таких выползающих из земли образов вокруг замка. В то время, когда этот Образ из света входил более в сердца, в души, эти существа их можно было бы назвать элементарными существами словно осаждали крепость.

И таким образом эти люди в замке а их было значительное количество долгое время находились между тем, что шло сверху, и там, что извне осаждало замок. Но однажды оказалось, что и Образ сверху погрузился глубже, и осаждающие более вошли во внутрь. Среди визионеров в замке распространилось жуткое настроение, мы должны принять во внимание, что фрау Бальде рассказывала сказку, и визионерами вместе с остальными обитателями замка овладело некоторого рода сновидческое настроение. Образ, шедший сверху, разделился на отдельные световые облака, но они потемнели, будучи захваченными осаждающими замок. Это имело следствием то, что постепенно население замка было погружено в сон и благодаря этому земная продолжительность жизни обитателей замка была продлена на столетия. И после столетий они снова встретились; но теперь они встретились разъединенными на более мелкие общины и переселенными в самые различные места Земли. Они обитали опять-таки в меньших замках, которые были как бы копиями большого замка, в котором они обитали несколько столетий тому назад. И оказалось, что то, что они пережили в старом замке, жило теперь в их душе, как душевные силы, как душевное достояние, как душевное здоровье. И они могли бодро заниматься в замке всевозможными делами, земледелием, скотоводством и т.д. Они сделались трудоспособными людьми, трудоспособными возделывателями полей, со здоровыми душами, а также со здоровыми телами.

После того, как фрау Фелиция это рассказала, добрый профессор Капезиус, как это всегда с ним случалось, был очень приятно тронут рассказом, но отец Феликс почувствовал необходимость добавить что-нибудь для пояснения этой картины, которую фрау Бальде еще впервые рассказала. И отец Феликс начал тогда: да, образ, пришедший сверху из облаков, это люциферический принцип, а образы, пришедшие извне, как осаждающие, это ариманический принцип и т.д. И отец Феликс становился все сложнее. Сначала фрау Фелиция слушала, затем сложила обе руки в кулаки, покрутила пальцами, а затем когда отец Феликс начал становиться все сложнее, сказала: «Я теперь должна присмотреть в кухне, у нас сегодня картофельные галушки, они могут развариться... » и потихоньку ушла в

кухню. Капезия же объяснения доброго отца Феликса привели в такое настроение, что он больше уже не мог слушать, хотя отца Феликса он очень любил но, то, что этот последний привел еще для пояснения, он действительно уже плохо слышал.

Теперь я должен прибавить, что то, что я теперь рассказал, случилось с Капезием в то время, когда он уже был знаком с Бенедиктом, был, так сказать, его хорошим учеником, и он часто слышал от Венедикта, как обстоит дело люциферическими и ариманическими элементами. Хотя профессор Капезиус был очень умным человеком, он никогда не мог совладать с разъяснениями Бенедикта о люциферическом и ариманическом элементе. Нечто всегда оставалось; он все-таки ничего правильного не мог сделать с объяснениями Бенедикта. Итак, он в этот раз ушел, сохранив в душе рассказ о замке, который умножился, и часто потом задумывался он над этим рассказом о замке, который умножился. И однажды он опять пришел к Бенедикту, и вот Бенедикт мог теперь заметить по профессору Капезию, что нечто произошло в душе Капезия. Капезиус сам заметил: каждый раз, когда он вспоминал рассказ о замке, который умножился, то внутренне своеобразно пробуждалась его душа. Это было так, как будто бы душа укрепилась, благодаря ему. Поэтому он повторял его все снова и снова, как бы медитируя. И теперь он снова пришел к Бенедикту; тот заметил, что эти душевные силы укрепилась. И теперь Бенедикт своеобразным образом объяснил ему следующее... И в то время, как прежде профессор Капезиус, может быть, именно вследствие своей учености, менее понял бы объяснения Бенедикта, теперь у него было совершенно особое понимание; то что запало, благодаря рассказу фрау Фелиции, было подобно семени, оплодотворившему его душевные силы... Бенедикт говорил: рассмотрим три вещи: во-первых, рассмотрим человеческое мышление, человеческое представление, мысль, которую человек вносит в себе, благодаря которой он делает мир понятным для себя в полном своем одиночестве. Иметь мысли, внутренне разбираться в себе в полном одиночестве, это человек может только для себя. Для этого ему не нужно было примыкать к другими людям. Ему это даже лучше всего удастся в том случае если он уединится в своей комнате и замкнутым в себе, тихим мышлением с помощью силы, которой в какой-нибудь момент обладает его мышление, попытается понять мир и его явления. И Бенедикт сказал: да, если таким образом поступать с мыслью, то с отдельным человеком всегда случается так, что чувствующий элемент души воздействует на мысли, на представления. Вследствие этого, для человека всегда наступает искушение, соблазн со стороны люциферического элемента. Совершенно немислимо, чтобы человек умствовал, мудрствовал, философствовал и разбирался в себе, в явлениях мира без того, чтобы из его чувствующей души не было дано толчка на мышление и чтобы благодаря этому в одинокое мышление не проник бы люциферический импульс. Мысль, схваченная отдельным человеком, всегда бывает проникнута, большей частью объята и проникнута люциферическим элементом. В то время, как раньше Капезиус мало понимал, когда Венедикт говорил о люциферическом и ариманическом элементе, теперь для него было само собою разумеющееся понять, что в одинокой мысли, которую мыслит человек, всегда должны жить соблазны люциферического элемента. И он понимал теперь, что участие человека в уединенном мышлении всегда является для Люцифера точкой опоры для того, чтобы вырвать человека из движущегося вперед хода мирового развития и так как в уединенном мышлении человек отделяется от мира увести его на уединенный остров, который Люцифер хочет создать себе от остального миропорядка, чтобы некоторым образом поселить там все, что отъединяется.

Итак, Бенедикт прежде всего обратил внимание Капезия на уединенное личное внутреннее мышление. «А теперь, сказал он, обратим внимание на

нечто иное. Обратим внимание на то, что проявляется в письме. В письме мы имеем удивительный элемент развития человеческой культуры. Если обратить внимание на важнейшее в мысли, то нужно сказать: мысль такая, какой она прежде всего является, живет в отдельном человеке. Она доступна Люциферу, ибо Люцифер хочет вывести душевное из физического мира и ввести в уединение. Но отдельная мысль недоступна Ариману; ибо эта отдельная мысль подчинена совершенно нормальным законам возникновения и уничтожения физического плана. С письмом дело обстоит иначе. То, что есть мысль, не подпадает уничтожению, становится продолжительным». Я уже вам указывал, как Ариман всюду стремится к тому, чтобы вырвать из потока уничтожения то, что живет в человеческом мышлении, удержать это в физически-чувственном мире. Это есть характерный процесс возникновения того, что записывают. Здесь фиксируется, сохраняется для времени человеческая мысль, которая исчезла бы иначе во времени. Именно здесь проникает Ариман в человеческую культуру. Хотя Капезиус не ретроград и не хочет идти заодно с теми, которые, например, хотят упразднить письмо или запретить его в народных школах, однако он согласился с тем, что в то время, когда человек всюду накапливает книги за книгами, в развитие культуры проникают ариманические импульсы.

Таким образом теперь он знал: в уединенной мысли живет люциферический соблазн, а во всем том, что фиксируется писанием или печатанием, живет ариманический элемент! Он знал, что уже во внешнем физическом мире вовсе не может быть человеческого развития без того, чтобы всюду не участвовали ариманическое и люциферическое. И он понял теперь, что именно с идущей вперед культурой, в то время, как письмо приобретает все большее значение (чтобы это познать не нужно быть ясновидящим, достаточно только проследить развитие за несколько столетий) в то время, как письмо приобретает все больше значения, он знал, что и ариманизм должен приобретать все больше значения именно с идущей вперед культурой. Ариман добивается все большего и большего, благодаря тому, что письмо приобретает все больше значения в развитии человечества. И в настоящее время, когда оно имеет такое большое значение, Капезиусу это было ясно, мы положительно обладаем большими ариманическими укрепленными замками. Правда, еще не вошло в обычай, к этому духоведение еще не привело, чтобы в общественной жизни выражались правильно, чтобы студент, когда он идет в библиотеку, говорил: <Я иду теперь зубрить в крепость Аримана>, однако, это все-таки истина. Великие и малые библиотеки, это крепости Аримана, это неукрепленные замки, из которых Ариман самым интенсивным образом посылает свое воздействие на развитие человеческой культуры.

Но Бенедикт объяснил Капезию еще нечто другое. Он сказал ему: «Хорошо, с одной стороны мы имеем мысль в уединенном человеке; с другой стороны, мы имеем письмена, принадлежащие Ариману; но между тем и другим мы имеем среднее состояние. В люциферизме мы имеем нечто единое человек, когда он в мысли хочет уяснить себе мир, стремится к единству, в письме мы имеем нечто атомистическое... Затем Бенедикт показал Капезию то, что Капезиус опять-таки хорошо понял своей, освеженной рассказом фрау Фелиции, душой: между обоими, между уединенной мыслью и письмом, мы имеем слово; слово, в котором нельзя быть одиноким, как со своей мыслью. Через слово мы живем в общности. Думать можно в отдельности, одному. Это имеет значение, когда человек думает один, но если бы он хотел идти один, не надо ни слова. Речь имеет значение в общности. Таким образом, слово добыто из уединенности человеческой личности; развивается же оно в общности. Слово есть воплощенная мысль, но в то же время для физического плана оно является чем-то совершенно иным, нежели мысль. Нет надобности вникать в

ясновидческие результаты (в различных лекциях я указывал на это), но можно уже внешне-исторически, а так как Капезиус был историком, он очень хорошо понимал это, можно уже из внешней истории увидеть, что слово или речь первоначально имели к человечеству совершенно иное отношение, нежели то, какое они приобрели в настоящее время. А именно, если все дальше и дальшае углубляться в историю языков, то мы заметим, что мы действительно однажды должны дойти как это показывает оккультное наблюдение до человеческого пра-языка, обнимающего весь круг земли, только дифференцировавшегося. Уже, если мы обратимся к древнееврейскому, в этом отношении древнееврейский язык особенно странен, то мы заметим в словах нечто иное, нежели в словах западной Европы. Слова еврейства гораздо менее условны, они имеют, так сказать, душу, в них чувствуется их смысл. Они выражают свой необходимый смысл более, чем западноевропейские языки. И чем дальше углубляемся мы в развитие, тем более находим мы такие языки, которые сходны с общим. То, что описывается как вавилонская башня, есть символ того факта, что действительно существовал пра-язык, что он дифференцировался на отдельные языки народов и племен. Вследствие того, что общий пра-язык дифференцировался на отдельные языки народов и племен, слово идет, так сказать, лишь полпути навстречу уединенности мысли. Каждый человек не говорит своим собственным языком тогда язык не имел бы смысла, а только группы людей говорят одним общим языком. Таким образом, слово стало чем-то средним между уединенной мыслью и пра-языком. В пра-языке существовало определенное слово, его понимали через звук, который оно имело в зависимости от того, чем оно было в своем звуковом значении. Не было необходимости условно справляться о значении звуков, но в пра-языке находили душу слова. Это как было сказано дифференцировалось. И все, что вызывает обособленность, действует также на руку Люциферу, так что образовались дифференцированные языки и люди восприняли благодаря этому обособляющий принцип, т.е. вошли в течение, благодаря которому Люциферу легко выделить человека из общего миропорядка, который уже был предопределен до появления Люцифера; т.е. посадить человека на уединенный остров, обособить его от остального, идущего вперед человеческого развития. Таким образом, в элементе языка слово это среднее состояние. Если бы слово осталось тем, чем оно должно было стать, если бы люциферический элемент не получил бы власти над словом, то слово соответствовало свободному от Люцифера и Аримана среднему божественному состоянию, в которой человек может плавно стремиться в соответствии с развивающимся божественно-духовным миропорядком. Таким образом слово, с одной стороны, подверглось люциферическому воздействию, в то время, как мысль, когда она мыслится в одиночестве, почти вся находится во власти люциферического элемента, слово лишь отчасти с одной стороны захвачено люциферическим элементом так, как я это изложил.

С другой стороны, и письмо воздействует на слово, и чем дальше развивается человечество, тем именно больше значения для речи получает письмо. Этим объясняется то обстоятельство, что наречия, не имеющие еще ничего общего с письмом, постепенно исчезают, и как более благородный элемент, часто выступает то, что также и письмо воздействует обратно на речь. Это можно вполне ясно видеть в отдельных местностях. Я опять должен вспомнить то, что я заметил на самом себе и на моих школьных товарищах. В Австрии, где перемешано так много наречий, в школах придавали большое значение тому, чтобы ученики выучились письменному языку, на котором они прежде во всяком случае большей частью не говорили. И это усвоение оказывает совершенно особое воздействие, это усвоение письменного языка. Я могу совершенно беспристрастно говорить об этом, так как я сам долгое время подвергался странному воздействию

этого письменного немецкого языка австрийских школ, и лишь с трудом отучился от него иногда он еще проскальзывает. Странность эта заключается в том, что все краткие гласные произносятся протяжно, а все длинные кратко, в то время, как наречие, т.е. язык, родившийся из слова, произносит верно. Когда, например, имеют в виду Солнце на небе, то наречие говорит: «*Sunn*». Тот же, кто прошел австрийскую школу, говорит: *die Sonne*. Наречие говорит: *der Sun* вместо *Sohn*; австрийский школьный язык говорит вместо этого: *der Sonn*. Таким образом, говорят: *die Sonne* и *der Sonn*. Это, конечно, крайний пример, но он напрашивается или по крайней мере напрашивался.

Отсюда видно, как письмо воздействует, так сказать, обратно на язык. Но оно и вообще посылает свое обратное воздействие. Вызываем перед нашими глазами развитие культуры. Мы увидим как именно с развивающейся культурой язык утрачивает все жизненное, элементарное, органическое, выросшее из земли, как люди все более и более говорят своего рода книжным языком. Здесь ариманическое, всегда имеющееся в письме, воздействует с другой стороны, опять-таки обратно на слово. Тот, кто хочет развиваться сообразно природе, конечно заметит именно на этом примере трех вещей, которые Венедикт выбрал теперь для Капезия, каким безумием было бы желать выключить из развития Аримана и Люцифера; три вещи так показывает Бенедикт подлежат рассмотрению: уединенная мысль, слово, письмо. Кто здраво мыслит, тот теперь не захочет изгнать Люцифера оттуда, где он действует с такой очевидностью даже если он совершенно убедится в той истине, что в основе уединенной мысли должно лежать влияние Люцифера, а в основе письма воздействие Аримана. Ибо это значило бы: воспретить уединенное мышление. Для некоторых, нужно сказать это самое удобное, но совершенно открыто признать это вероятно не захотят. С другой стороны мы также не захотим изгнать письмо, но должны будем сказать себе: подобно тому, как положительное и отрицательное электричество означают противоположность во внешней физической природе, так и ариманическое и люциферическое означают противоположность, которая должна существовать. Это два полюса, из которых ни один не должен отсутствовать, но которые по числу и мере должны быть приведены в соотношение; тогда человек может двигаться по той средней линии, в состоянии слова. Это есть назначение слова – содержать в себе мудрость, содержать в себе познание, содержать в себе мысли и представления. Человек может, например, сказать себе: я должен развиваться в слове так, чтобы я именно через слова исправил в себе все своевольное, чисто личное тем, что я восприму в свою душу, то, что было создано в слове, в полном мудрости слове всех времен. Уважение не только к собственному мнению, не только к тому, что мы сами думаем и можем признать за верное путем нашей собственной силы, но уважение к тому, что явилось результатом культур и трудов в мудрости различных народов в историческом развитии это означает привести с одной стороны Люцифера, так сказать, в правильное отношение к слову, Не исключать уединенного мышления, но иметь также в виду, что слово принадлежит общности, и что слово нужно проследить через эпохи; чем больше мы это делаем, тем более предоставляем мы Люциферу правильное воздействие на слово. Мы тогда не подпадаем авторитету слова, но охраняем слово, несущее мудрость Земли от одной культурной эпохи к другой.

С другой стороны, человек, правильно понимающий сущность дела, не должен подпадать неподвижному авторитетному принципу, заключенному в письме; ибо заключает ли письмо самое святое или самое богохульное, он через него подпадает Ариману. Нужно уяснить себе, что для внешней материальной культуры человек должен иметь письмо и что письмо есть нечто такое, с помощью чего Ариман, сообразно своей задаче, стремится выделить мышление из потока уничтожения. Он не хочет дать ему влиться в

поток смерти, в письме мы имеем самую лучшую возможность удержать мышление на физическом плане. С полным сознанием относиться к тому, что мы в письме имеем ариманический элемент, никогда не допускать, чтобы письмо приобрело власть над человеком, короче говоря, сохранить себе слово в среднем состоянии таким образом, чтобы как бы слева и справа, со стороны мышления и письма действовали полярные противоположности Люцифера и Аримана так необходимо относиться, если хотеть стоять на твердой почве. Если мы действительно обратим на это душевный взор, если мы уясним себе, что всюду должны действовать противоположности, то мы будем стоять на твердой почве.

Когда Капезиус услышал это от Бенедикта и объял это своими душевными силами, укрепленными фрау Фелицией, то у него появилось к тому, что мог ему теперь объяснить Бенедикт, совершенно иное отношение, чем прежде, когда Бенедикт раньше уже объяснял ему люциферический и ариманический элемент. Благодаря тому, что сказки, оплодотворяющие душевные силы и инспирированные из духовного мира, оказывали все больше и больше влияния, Капезиус пришел к тому, что начал сам переживать, как его душевные силы внутренне укреплялись, усиливались. Это представлено в XIII картине «Пробуждения Душ», где душевная сила Капезия, которая подразумевается под Фирией, предстает перед ним действительно духовно осязаемо, а не только, как абстрактная душевная сила. В той же мере, в какой Фирия выростала в существо в душе Капезия, в той же мере принимал он правильным образом все больше и больше то, чего, в сущности, хотел от него Бенедикт. Прежде, когда он слушал особенно оплодотворяющий рассказ о замке, который умножился, который увеличился в числе, этот рассказ в начале не сразу подействовал, он почти сладко засыпал, и прежде он почти засыпал, особенно, когда отец Феликс говорил об атомах. Теперь же эта душа Капезия, после того, как она таким образом созрела познала, что во всем течении мирового развития заложена тройственность: люциферическое, с одной стороны, мысли, ариманическое, с другой стороны, письмо, и третье среднее состояние, чисто Божественное. Тройственность, он познал ее теперь в этом многозначащем факте развития культуры физического плана, и он мог чувствовать, как всюду следует искать эту тройственность. Теперь Капезиус отнесся к закону числа иначе, чем прежде; теперь, благодаря просыпающейся в нем Фирии, он почувствовал сущность числа в становлении мира и теперь также ясна стала ему сущность меры: что в каждой тройственности двое должны относиться друг к другу, как противоположности, и взаимно быть приведенными во взаимную гармонию. И Капезиус познал великий могучий мировой закон, о котором он знал теперь, что он каким-нибудь образом должен быть найден не только на физическом плане, но и в высших мирах. Мы еще будем обо всем этом говорить при тончайших рассуждениях о божественно-духовном мире. Он чувствовал, что он проник в такой закон, который обыкновенно в физическом мире бывает словно покрыт покровом, и что он имел в нем нечто такое, с чем он может переступить порог. И когда он переступает порог, он входит в духовный мир, где он должен оставить позади себя все, что пробуждено только физическим опытом.

Число и мера он научился чувствовать, переживать их; и теперь он также понимал, когда Бенедикт приводил другие вещи пока самые простые, чтобы вполне разъяснить ему принцип. Например Бенедикт говорил Капезию: то же самое господство тройственности, полярности или противоположности в тройственности, планомерного уравнения можно найти также и в других областях бытия. Опять-таки можно обратить внимание на одну вещь с иной точки зрения: мышление, внутреннее представление, перерабатывание в себе мировых тайн это одно. Второе есть чистое восприятие скажем, одно лишь слушание. Есть люди, которые более предрасположены к тому, чтобы все обдумывать, все, доискиваясь, перебирать в себе; другие люди мыслят

неохотно, всюду прислушиваются, принимают все на основании того, что они слышали, будь это даже авторитет явлений природы, ибо существует также догматика внешнего опыта, а именно, если допускать навязываться внешним явлениям природы. Бенедикт легко мог показать профессору Капезию: в уединенном мышлении опять-таки заключается люциферическое искушение; в чистом слушании, в чистом восприятии заключен ариманический элемент. Но можно удержать среднее состояние, так сказать, пройти между тем и другим. Можно не пребывать в абстрактном, доискивающемся мышлении, в котором человек отшельнически замыкается в своей душе, и не отдаваться только слушанию и видению того, что может воспринимать ухо и глаз. Можно делать еще нечто иное: то, что мы мыслим, сделать внутренне таким живым, таким полным сил, чтобы мы имели перед собою свою собственную мысль, и чтобы мы в нее живо углубились, как в нечто, что мы видим и слышим во вне, чтобы наша собственная мысль стала такой конкретной, как то, что мы слышим или видим. Это есть среднее состояние. В чистой мысли, лежащей в основе доискивания, лежит подход Люцифера к человеку. В чистом слушании, будь это через восприятие или через авторитет человека, лежит ариманический элемент. Если внутренне укрепить и пробудить душу, так, чтобы словно слышать или видеть свою мысль, то это есть медитирование. Медитирование есть среднее состояние. Это не есть ни мышление, ни восприятие. Это есть такое мышление, которое так живо живет в душе, как живо живет восприятие, и это есть такое восприятие, которое воспринимается не нечто внешнее, но мысли. Между люциферическим элементом мысли и ариманическим элементом восприятия протекает душевная жизнь в медитировании, как в божественно-духовном элементе, неся в себе только развитие мировых явлений.

Медитирующий человек, который так живет в своих мыслях, что они в нем оживают, как восприятия, в нем находящиеся, живет в божественном устремлении. Справа у него чистая мысль, слева ариманический элемент, чистое слушание, и он не исключает ни того, ни другого, но знает, что он живет в тройственности, что число регулирует жизнь; и он знает, что существует полярность, противоположность, противоположность двух вещей, между которыми в устремлении движется медитация. И он знает, что здесь, в медитации, люциферический и ариманический элемент должны планомерно уравновешивать друг друга.

Во всех областях узнает человек этот мировой принцип числа и меры, которые Капезиус познал под руководством Бенедикта после того, как его душа была подготовлена. Душа, которая хочет подготовиться к познаниям духовных миров, вживается постепенно таким образом, что всюду в мире, в каждой точке, которую можно достигнуть, ищет число, прежде всего число три; что она видит полные противоположности, через которые все должно раскрыться, и необходимость, чтобы противоположности уравновешивали одна другую, как полярности. Среднее состояние не может быть только простым течением вперед, но мы повсюду живем в течении так, что мы должны обращать наш душевный взор направо и налево и посередине направлять наш корабль, как нечто третье между левой и правой полярной противоположностью. Чувствуя это, Капезиус научился, благодаря Бенедикту, правильно устремиться наверх в духовные миры, переступить порог духовного мира. И также должен будет этому научиться каждый, кто захочет так проникнуть в духоведение, чтобы действительно принять истинное познание о высших мирах.

Шестая лекция

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПОНЯТИЙ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО ХОДА КУЛЬТУРЫ. ВСТРЕЧА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ В ДУХОВНОМ МИРЕ С ДРУГИМИ Я. РАЗГОВОР В ДУХЕ МЫСЛЕ-ЖИЗНЕСУЩНОСТЕЙ.

29 августа 1913 г.

Мои дорогие друзья-теософы!

В связи с тем, что было сказано вчера, необходимо сделать еще несколько примечаний. Ибо мы видели, что для того, чтобы подняться ясновидческим сознанием в духовную область в собственном смысле и чтобы соответственным образом переступить порог духовного мира, необходимо оставить позади себя все, что может быть препятствием физического мира, что также может быть предпринято обыкновенным мышлением, чувствованием и волей в физическом мире; необходимо быть готовым очутиться перед явлениями и существами с такими признаками, в которых нет ничего такого, что может быть наблюдаемо и узно в чувственном мире. Но для этого необходимо сначала укрепить душу, сначала усилить свои способности души. И эти способности, эти усиления, укрепления способности души их надо вознести, необходимо принести с собой нечто, когда переступаешь порог в духовную область. И мы указали на то, что все, что может нам дать чувственный мир, представления, чувства, которые мы обретаем в чувственном мире суть отображения чувственно-воспринимаемого. Все, что можно таким образом обрести, совершенно не может помочь в духовном мире; но то, что не есть отображение чувственного мира, что не имеет непосредственного значения для чувственного мира, но что может быть пробуждено в чувственном мире, что может быть выработано в свободном внутреннем душевном переживании, это должно быть внесено наверх, в сверхчувственные миры. И так мы указали на то, как можно усвоить себе представления о тройственности, о соотношении чисел, о планомерном совместном действии противоположностей (причем мы особенно приняли во внимание люциферический и ариманический элемент), о среднем состоянии и т.д. Такие понятия пока не имеют непосредственного значения в физическом мире. Само собой понятно, что в физическом мире можно обойтись без этих понятий. Но необходимо образовать и себе в физическом мире, если хочешь возвестись в духовные миры.

И поэтому то мы пытались, руководствуясь учением Венедикта, указать на то, как на физическом плане в развитии человеческой культуры, в тройственности мысли, слова и письма действуют люциферический, ариманический элемент и среднее состояние.

В связи с этим я хочу лишь заметить, что здесь в рассмотрение приходит многое, что, если это правильно принять во внимание, действительно может стать чрезвычайно необходимым для понимания жизни человечества, которое должен будет усвоить себе человек современности, если культура будет развиваться правильным образом. Люди увидят, что вскоре нельзя уже будет обходиться с теми понятиями, которые они составляют, исходя из тех условий, из которых нынешнее, столь любящее удобство, человечество, желало бы образовать себе понятия для понимания народов и эпох. Мы имеем среди европейских культурных народов такие, которые различны по языку, и народы, которые различны по письменам. Западные народы Европы пишут так называемыми латинскими буквами, пишут этими буквами на различных языках; но также есть европейские народы, которые пишут буквами совершенно иной формы,

И в Европе мы имеем тот факт, что к латинским буквам присоединяется так называемое обыкновенное письмо, готическое письмо, и что они существуют наряду друг с другом. Для суждения о культуре Европы это

является значительным явлением. Кажется, что эти вещи суть маленькие показатели, но не суть выявившиеся на поверхности симптомы, указывающие на глубокие первоосновы бытия. Народы, пользующиеся различными знаками письма, лишь тогда придут к правильному взаимному подниманию, когда они примут во внимание, что это понимание должно быть осуществлено постижением спиритуального элемента. Для народов, которые пишут различными письменами и, вследствие этого, имеют особые точки опоры ариманическому импульсу, недостаточно взаимопонимания при простых условиях физического плана, но обоими народами должен быть охвачен спиритуальный элемент и в этом спиритуальном элементе следует искать гармонию. Тем народам, которые пишут такими письменами, как латинские буквы, необходимо для взаимного понимания друг друга настолько далеко продвинуть вперед новый элемент, чтобы наступило взаимное понимание также и по отношению к фактам физического плана. Тот, кто понимает вещи подобные тем, о которых только что говорилось, может понять эти взаимоотношения народной европейской жизни народов. И это глубоко значительно, что в средней Европе, как бы для того, чтобы выразить странное соотношение ариманического и люциферического элемента, применяют наряду друг с другом оба вида письма. Это происходит по той простой причине, что среднее состояние может быть здесь достигнуто только с особенными трудностями, так что латинский алфавит, более подверженный ариманическому влиянию, должен явиться известной противоположностью по отношению к готическому алфавиту, более подверженному люциферическому элементу. И характерно что многие люди пишут, применяя и готический и латинский шрифт. Такое смешение с огромной значительностью указывает на то, что лежит глубоко в подосновах души, ибо оно указывает на тот полный значения факт, что такая личность должна особенным образом относиться к люциферическому и ариманическому элементу. И здесь важно то, что иногда человек, когда он пишет по-немецки, должен прилагать огромные старания, что не писать готическим шрифтом, когда он хочет писать латинскими буквами, и чтобы не писать латинским шрифтом, когда он хочет писать готическим. Будет становиться все более и более необходимым доходить до такой тонкости размышления, что бы обращать внимание на те симптомы, которые выносят на поверхность то, что действует в оккультных подосновах. Благодаря этому люди научатся усваивать себе в физически-чувственном мире такие представления, ощущения и понятия, которые затем можно благоприятно внести через порог в духовную область.

Во всяком случае, придется познакомиться с тем, какой необычайный талант, какая гениальность поверхностного суждения существует в современной культуре по отношению к тому, что выражается в мире, как духовное. Итак необходимо усвоить себе в физическом мире понятия о том, что из духовного мира сияет и излучается в физический мир. Да будет поэтому еще на одной области показано, как люциферический и ариманический элемент действуют в физическом мире. Коснемся прежде всего этого в художественной области. При этом остается вполне правильным то, на что было уже указано: во всем художественном развитии человечества действует люциферический импульс, и в художественном развитии человечества, как это я изложил, имеется в высокой мере люциферический элемент. Но к этому присоединяется еще нечто другое. Если рассматривать искусства, как они предстают перед нами в физическом мире, то прежде всего мы имеем главным образом пять таких искусств: зодчество или архитектура, пластика, живопись, музыка и поэзия. Есть искусства, которые смешивают или соединяют друг с другом различные элементы, имеющиеся в приведенных искусствах, скажем, искусство танца, которое соединяет в себе многое. Если его правильно понимать, то его можно понять из того, что является основным условием в различных

искусствах, из пяти искусств архитектурное и пластическое подвержены главным образом ариманическому импульсу, в архитектуре и пластике действуют ариманические импульсы. Здесь мы имеем дело с формами. Если хочешь дать что-нибудь в архитектуре или пластике, то необходимо вжиться в элемент формы. Этот элемент формы царит в особенности на физическом плане. Духи Формы являются здесь подлинными властителями. В их-то духовный элемент необходимо погрузиться, если хочешь познакомиться с ними, как я это выразил в образе всовывания головы в муравейник.

И каждый, кто имеет дело с пластическим элементом, должен подобным образом всунуть голову в живой элемент Духов Формы. В области физического мира Духи Формы действуют совместно с ариманическим элементом.

В подобном случае особенно видно, насколько необходимо не говорить просто внешне-поверхностным образом, что нужно остерегаться ариманического элемента. Нужно всегда иметь в виду, что здесь дело в том, что многие такие духовные Существа, как люциферические и ариманические, имеют свою определенную область, в которой они должны нормальным образом изжиться и действовать, и что злое воздействие происходит лишь оттого, что они выходят за пределы своей области. Вполне правомерную область имеют ариманические импульсы в архитектуре и пластике. Если мы, с другой стороны, возьмем музыкальный и поэтический элемент, то они явятся теми искусствами, в которых, в более узком смысле, действуют люциферические импульсы. В известном смысле поэзию и музыку можно просто назвать искусствами, подверженными воздействию Люцифера, архитектуру и пластику – подверженными воздействию Аримана. Подобно тому, как мысль известным образом протекает в уединении души и этим обособляется от общности, так и переживания музыки и поэзии имеют в себе нечто, что принадлежит внутреннему души, где мы встречаемся непосредственно с люциферическим импульсом. Если мы и в зодчестве и в архитектуре должны принимать в расчет границы народностей, ибо повсюду, где есть Ариман, воздействует и «Люцифер, итак, если зодчество управляется в известном отношении также и характером народа, то все-таки можно сказать, что в известном отношении этот народный элемент остается нейтральным. Поэзия, в существенном, связана с тем люциферическим элементом, который находит свое выражение в дифференциации народного характера. В музыке же мало обращают внимание, что и в ней есть нечто, что как бы ведет к дифференциации, больше чем в зодчестве и пластике.

Но именно в такой области опять-таки видно, что в высших мирах нельзя так удобно, как этого многие желали бы, обходиться с образованиями понятий. Это вполне правильно, когда говорят, что ариманический элемент действует в архитектуре и пластике, а люциферический больше в музыке и поэзии; однако необходимо сказать: как только мы имеем дело с понятиями, имеющими силу и в высших областях, то нельзя просто ответить, когда кто-нибудь спрашивает: кто больше действует в пластике Ариман или Люцифер? Конечно на физическом плане легко можно будет дать ответ, если кто-нибудь спросит: какого цвета *Chehorie officinalis*? Скажут: она синего цвета. Так же легко хотелось бы это сделать и относительно высших миров. Но это неверное мнение, будто и там можно получить такие прямые ответы. Но, несмотря на то, что остается в силе все, что я только что сказал, вполне правильно также и следующее: относительно зодчества можно в существенном сказать, что значительнейшие импульсы дает ему ариманический элемент. Опять же, в пластике люциферическое воздействие может быть настолько сильно, что могут существовать пластические произведения, в которых Люцифер господствует больше, чем Ариман. Несмотря на это, правильно то, что было сказано прежде, ибо в духовном мире есть не только способность к превращению, но можно сказать: все

повсюду! Каждый духовный элемент старается в сущности говоря пронизать все. Так может существовать люциферическая пластика, хотя верно и то, что на пластику действует преимущественно ариманический импульс. Итак следует сказать: в то время как поэзия будет, конечно, в существенном подпадать люциферическому влиянию, на музыку может в высокой степени действовать ариманический импульс, так что могут быть музыкальные произведения в которых есть гораздо больше ариманического чем люциферического, несмотря на то, что остается в силе, что музыка прежде всего подвержена люциферическому импульсу.

На средней линии между ариманическим в зодчестве и пластике, и люциферическим в поэзии и музыке является живопись; она является известным образом нейтральной областью, но не такой, на которой можно удобно остановиться и сказать себе: я пишу вполне свободно и ни Ариман, ни Люцифер не могут приблизиться! Но такой, что именно на этой средней линии человек подвержен возможности, что на него как раз с обеих сторон произойдет нападение Люцифера и Аримана, и что он каждую минуту должен быть настороже против них. Так что в области живописи может, в самом широком смысле, иметь место подпадение тому или другому влиянию. Средняя линия есть та, на которой нужно просто, в самом широком смысле, создать человеческой волей и человеческим действием гармоническое уравнение между полярностями, между противоположностями. Таким образом, если рассматривать эти области так, как мы это теперь сделали, мы это могли бы точно также сделать и с другими областями, то видно, что усваиваешь себе известные понятия, понятия, без которых, само собой разумеется, можно обойтись на физическом плане. Ибо если хочешь оставаться плоским и поверхностным, то каждый, конечно, может перенести на физическом плане, чтобы музыку не находить люциферической, архитектуру ариманической. Но если хочешь обходиться без этого, то нельзя здесь, на физическом плане, образовать себе понятия, представления и ощущения, которые так укрепляет душу, чтобы она благоприятным образом переступила порог духовного мира и могла подняться в подлинную область Духа; но тогда нужно оставаться здесь внизу в физически-чувственном мире. Итак, если действительно хочешь переступить порог, то необходимо усвоить себе для области духа такие понятия, ощущения и представления, которые, хотя и побуждаются физическим, но которые выходят за пределы физически-чувственной области. Если тогда с такой укрепленной душой переступить порог духовного мира, то познаешь тот мир, в котором происходит то, что было охарактеризовано как духовный разговор живых мысле-существ. Укрепленной душой вживаешься в мир, который тогда является так, что в нем имеются существа, состоящие из вещества мысли, что они в этом мире являются более живыми, более личными, более индивидуальными и гораздо более реальными, чем люди на земле. Как человек во плоти и крови реален на физическом плане, так реальны они в веществе мысли. Вживаешься в тот мир, где, в известном смысле, идет разговор мысли от существа к существу, где душа вынуждена вести разговор мысли, если она хочет иметь отношение к живым мысле-существам, находящимися в этих мирах. Я на это указал в лежащей передо мной книге*.

**Здесь доктор говорит о только что вышедшей тогда книге «Порог духовного мира» (Прим. переводчицы)*

К сказанному могут быть сделаны некоторые дополнения. Со всей ответственностью, с которой должно быть сделано нечто подобное, я старался избежать в этой книге систематического изложения и старался сказать некоторые вещи в афористической форме, могущей быть полезной даже тогда, когда уже воспринято то, что было дано в предыдущих циклах и книгах.

Как живое мысле-существо, должен найти себя человек в той духовной области, о которой можно сказать: «Здесь, в этом месте, слова суть действия

и другие действия должны следовать за ними». В то время, как в физическом мире, ты, как человек, совершаешь действие в движении своей руки, мысли, живущие в мировом слове в смысле, как это было охарактеризовано, суть непосредственные действия. Что произнесено, то сделано. Это главное в духовном мире. В разговоре Духов заключается одновременно то, что одно Существо делает другому, что существо делает по отношению к находящемуся вокруг него духовному внешнему миру. Произнесенное всюду есть действие. Таким образом необходимо самому вжиться в духовную область и тогда и находить себя, как живое мысле-существо среди других живых мысле-существ. Необходимо также вести себя, т.е. позволять словам быть поступками, как ведут себя другие мысле-существа, если будет позволено употребить такое плоское слово. Что мы там находим? Также и для нашего собственного «Я» мы уже не находим того, что мы имеем внизу в физическом, а также и в элементарном мире. Это «Я», которое человек несет через физический и элементарный мир, есть сумма переживаний, которые слагаются из впечатлений физического мира и из того, что вытекает из мышления, чувствования и воления, которые душа развивает на физическом плане. Но ни впечатления, мышление, ни чувствование, ни воление в той форме, в какой они предстают перед нами на физической плане, не имеют никакого значения для духовного мира. Поэтому в духовном мире мы находим нечто иное, для так называемого, человеческого «Я» физического плана и элементарного мира. Там перед нами находится, так сказать, то, что, хотя всегда имеется в душевных глубинах, но чего обыкновенное сознание физического плана не может видеть в самом человеке; мы находим наше второе «Я», как второе существо, в духовном мире находят свое другое «Я».

В конце этих лекций я еще укажу на то, как в заключительной главе книги «Порог духовного мира» я это сделал для того, кто хотел бы найти противоречия я покажу, как наименования, употребляемые здесь, относятся к тому, что я употреблял в моей «Теософии» и «Тайноведении», как наименования, как терминологию.

Здесь не может быть сказано: человек живет в своем физическом теле в физическом окружении. Когда он из него уходит, когда он переживает вне физического тела, он переживает в своем эфирном теле и имеет своим окружением элементарный мир. Когда он и из него уходит, он переживает в астральном теле область духа. Во время этого переживания, этого чувствования в астральном теле совершается та встреча, которая бывает в духовном мире: встреча со вторым «Я», встрече с тем вторым «Я», о котором говорит Иоганнес Томазиус в конце «Стража Порога», которое как бы в течение всего действия «Пробуждения Душ» стоит у Иоганнеса Томазиуса рядом с первым «Я» и вызывает переживания. Это второе «Я» мы должны обсудить еще принципиально. Это то, что человек познает, когда он научается чувствовать, познавать и переживать в своем астральном теле, это то, что переходит от земной жизни к земной жизни, от воплощения к воплощению. То, что переходит от земной жизни к земной жизни, это так таинственно вплетается в человеческое существо во время одной земной жизни между смертью и рождением, что физическое сознание обыкновенно не может воспринять этого второго «Я», ибо это второе «Я» находится в духовном мире, хотя оно одновременно связано с физическим существом человека. Как действует это второе «Я»? Только что было сказано, что это второе «Я» принадлежит духовному миру в области духа, что оно есть мысле-жизне-существо среди мысле-жизни-существ. У них слова суть действия, и то, что они совершают, они совершают тем, что можно назвать одним словом инспирация. Второе «Я» инспирирующее воздействует на природу человека! Что оно инспирирует? Оно инспирирует то, что мы называем нашей Кармой, нашей судьбой. И здесь мы имеем таинственный процесс: то, что мы переживаем, будь это горестное, будь это радостное, что происходит

в нашей жизни, оно инспирируется из духовного мира нашим вторым «Я». Идете ли вы по улице, переживаете ли вы что-нибудь, что вам кажется как бы случайным, это инспирировано из духовного мира нашим вторым «Я». Итак, существует нечто вроде инспирации в духовном мире, и инспирация раскрывается на физическом плане и вызывает те факты, которые суть наша судьба в малом и великом. Судьба человека инспирируется вторым «Я» из области духа. Когда ясновидческая душа входит в эту область духа, то она в области духа переживает, как откровение то, о чем можно сказать: слова суть действия. Но все, что совершается в духовном мире запечатлевается в физическом мире. Рассматриваете ли вы камень, растение или молнию: за всем стоят духовные существа и духовные явления. Какие духовные существа и явления? Инспирации, вершения разговора Духов в духовном мире. Мировое Слово действует, как вдохновитель человеческой судьбы. Это нечто глубоко значительно в духовном познании, что встречаешь свое второе «Я», перестаешь мыслить свою человеческую личность только в тех границах, в которых обыкновенно мыслишь. Свое «Я», в которое нужно включить второе «Я», распространяешь на всю свою судьбу, и лишь тогда становишься вполне человеком, когда точно так же, как считаешь своим свой палец и говоришь: он принадлежит к «Я» на физическом плане, когда точно также говоришь: это принадлежит «Я», когда я, например, получаю кровоточащую рану или когда я падаю и т.д. Ибо все это инспирируется вторым «Я». Но необходимо принять во внимание то, каким образом человек встречается с этим вторым «Я». Когда он перейдя порог вступает в область духа. Необходимо все снова и снова указать душе, что путем того, что мы изучили, наблюдали и узнали в физическом мире, а также в элементарном мире, что во всем этом нет ничего такого, что могло бы соответствовать признакам духовного мира, в котором мысли суть живые существа, итак, если войти туда только с тем, что можно узнать в физическом, а также и в элементарном мире, мы бы в области Духа очутились перед Ничто. Что же можно внести в эту область Духа? Подумаем об этом как следует. К этому душа должна привыкнуть, дабы в области духа она желала воспринимать, мыслить, чувствовать и хотеть не так, как это имеет место в физическом, а также в элементарном мире. Это она должна оставить позади себя. Но она должна помнить о том, что она узнала, мыслила, чувствовала и желала в физическом мире. Подобно тому, как мы переносим в более поздние периоды жизни воспоминания более ранних периодов, так необходимо перенести из физического плана в области Духа то, что мы укрепили, усилили в душе. И затем необходимо перенести нечто определенное. То, что необходимо перенести, можно описать следующим образом: помыслите, что в вашей обыкновенной земной жизни для вас мог бы наступить момент, когда прекратилось бы все ваше восприятие. Вы бы ничего не видели, не слышали, не могли бы мыслить, чувствовать, желать ничего нового; что весь характер жизни, который мы вели до сих пор, прекратился бы, и вы знали бы только то, о чем мы можете помнить. Вы находитесь точно в таком же положении, когда вы ясновидческим сознанием восходите в духовный мир. Там нет ничего такого, что вы бы в первый момент могли пережить как новое. Это вы понимаете только из ваших воспоминаний. Там ваше бытие заключается в том, что осталось у вас в ваших воспоминаниях. Душа переживает себя так, что она может сказать о себе: «Ты теперь только то, чем ты была; твое бытие заключается в твоём бывшем бытии».

Это есть нечто, что легко сказать при таких обстоятельствах, но видеть себя таким образом, что ты являешься для себя только воспоминанием, что ты не можешь пережить настоящего, что ты о своем бытии можешь говорить, как о бывшем бытии это есть переживание, полное значения.

Когда человек проходит через это переживание, когда ясновидящая душа пронизывает себя и им, лишь тогда начинают совершенно правильно понимать тот образ, чье имя теперь так часто произносилось Люцифера. Ибо

человеческая душа таким образом вживается в область духа, что один момент она переживает: «Ты есть только бывшее». Люцифер есть такое существо, которое среди миропорядка пришло к тому, чтобы всегда быть только таким бывшим, быть только прошлым, быть только тем, что дали пережитые эпохи Земли, что принесли душе Люцифера пережитые эпохи Земли. И в то время, как другие божественно-духовные существа, идущие правильным ходом земного развития, приговорили его к прошлому, жизнь Люцифера заключается в том, чтобы своим прошлым отвоевывать себе настоящее и будущее. Таким образом, Люцифер стоит перед ясновидящим взором, храня в своем бытии божественно-духовное первоисточников мира, неся в своей душе все великолепие мира, и приговоренный к тому, чтобы только сказать им: «они в тебе были!» И здесь начинается его вечно длящаяся борьба для того, чтобы этому прошлому отвоевать в миропорядке также и настоящее и будущее. Переживая сходство Люцифера, макрокосмическое сходство Люцифера с микрокосмической сущностью человеческой души у порога между элементарным и духовным миром, переживаешь весь глубокий трагизм этого образа Люцифера. Тогда начинаешь предчувствовать великие, мировые тайны, покоящиеся в глубоком лоне бытия, где борется не только одно существо с другим, но где находятся во взаимной борьбе эпоха с эпохой, которые становятся существами. Тогда поистине начинается то созерцание мира, когда в душу проливается глубокая серьезность и чувство глубокого достоинства, и когда чувствуешь нечто из того, что можно было бы назвать дыханием вечных необходимостей, переживаемых в мировой полночи, когда над бытием сверкая проносятся молнии, которые в сверкании освещают и образ Люцифера, но которые умирают в познании, и, умирая, слагаются в форму знаков судьбы, так что они продолжают действовать в человеческой душе, как форма внутренней, трагической кармы. У самой человеческой души, в то время, как она вживается в эти духовные миры, бывает момент, когда она есть только бывшее, когда она стоит перед «ничто», когда она является как бы точкой во вселенной и переживает себя лишь как точку.

Но эта точка становится зрителем, зрителем по отношению к чему-то иному. Здесь есть две другие вещи, к которым принадлежит как третье, человеческая душа, ставшая точкой и, собственно, ничего не имеющая в себе, подобно тому, как ничего не имеет точка. Первое, что присоединяется, это то, о чем человек помнит, что является как бы внешним миром, на который оглядываешься, о котором можно сказать: «Это твое бывшее!» Когда, в сущности ничего не зная о себе, сам человек стоит рядом с этим своим бытием, которое есть бывшее бытие, но которое он перенес с собою через порог в духовный мир, которое перенес и которому вручил живую сущность мысли, и когда у него затем является настроение душевной умиротворенности, тогда то, что он принес наверх в духовный мир, как свое бывшее бытие, начинает духовный разговор с окружающим миром живых мысле-существ. И как объективно стоящий рядом зритель, но который есть как бы точка, видишь как двое других начинают разговор... его собственное прошлое мысли с живым мысле-существом, они разговаривают друг с другом. То, что сам человек перенес наверх, сделал мыслью, развивает в мировом слове духовный разговор с духовным живым мысле-существом области духа; тогда он слышит то, о чем его собственное прошлое говорит в области духа с духовным мысле-существом области духа. Тогда человек есть прежде всего ничто; но он рождается, как такое ничто, в то время, когда он слушает собственный разговор прошлого с духовным существом области духа. И в то время, как слушаешь, наполняешься новым содержанием. Теперь научаешься познавать себя, будучи точкой и чувствуя себя как точку, в то время как слушаешь разговор между собственным прошлым и духовным жизне-существом в области духа; и чем больше воспринимаешь в себя из этого духовного разговора своего собственного бывшего бытия с будущим,

тем более становишься сам, становишься сам духо-существом. Это есть то событие, когда стоишь в духовном мире в тройственности. Один член той тройственности есть наше собственное бывшее бытие, которое мы принесли наверх в духовный мир, которое мы завоевали себе в том, как оно раскрывается, как духовное, уже в чувственном мире, и которое мы за порогом ощущаем как бывшее бытие; второй член есть все духовное окружение, а третьим членом являемся мы сами, так пребывает эта тройственность в духовном мире и через противоположность бывшего бытия и духовного жизне-существа в области духа в тройственности развивается третье, среднее, которое есть только как бы точка и, которое, благодаря слушанию духовного разговора между бывшим бытием и духовным миром, становится все полнее и полнее, становится развивающимся существом духовного мира. Так сам человек «становится» в ясновидческом сознании в духовном мире.

Это то, что я хотел попытаться описать вам в словах, которые само собой разумеется (так как они заимствованы из языка, принадлежащего к физическому плану) всегда должны оставаться односторонними. Но пытаешься, поскольку это именно возможно, словами языка физического плана охарактеризовать эти возвышенные и глубокие соотношения. Ибо единственно исключительно эти соотношения познакомят человека с его собственной сущностью, которую он как сказано подслушивает в духовном мире у двух других. Посредством таких лекций, в том виде как он были прочитаны здесь в этом цикле лекций, мы пытаемся ввести в истинную сущность человека.

Седьмая лекция

РАЗВИТИЕ ИОАННА ТОМАЗИУСА. ДВОЙНИК. ДУХ ИОАННА МЛАДШЕГО. ДРУГАЯ ФИЛИЯ, (ПРОПАСТЬ САМОСТИ).

30 августа 1913 г.

Мои дорогие друзья-теософы!

Мы говорили в течение этих лекций о восхождении ясновидческого сознания в те миры, в которых может быть найдено истинное существо человека, вполне принадлежащее сверхчувственным мирам. И мы пытались, особенно в последние дни, показать, как человеческая душа, когда она восходит через порог, прежде всего проходит через элементарный мир и затем вступает в духовный мир, как эта душа встречается с тем, что можно назвать вторым «Я» человека. Это восхождение можно было бы охарактеризовать также и следующим образом. Сначала человек живет в своем физическом теле, в физически-чувственном мире. Когда он освобождается от своего физического тела, т.е. выходит из своего физического тела, то он живет сначала в своем эфирном теле и тогда живет в элементарном мире, как в своем окружении. Как было сказано, я завтра укажу тем, которые хотели найти противоречия, как употребляемые здесь наименования относятся к наименованиям моей «Теософии». Человек освобождается также и от своего эфирного тела, он поднимается в собственно духовный мир. Он тогда является его окружением, и человек находится тогда в своем астральном теле. Итак в своем астральном теле человек переживает свое второе «Я», которое идет из инкарнации в инкарнацию и относительно которого мы могли подчеркнуть, что переживаешь его так, как будто стоишь перед двумя другими (фактами), как

некое третье. Как существо-точка стоишь перед тем, что можно назвать своим бывшим, что приносишь с собою в духовный мир как воспоминание, что, благодаря тому, что оно вознесено, само превращается в духовное; и что затем начинается разговор в той области, где мысле-жизне-существа ведут свои духовные разговоры. Там начинается такой духовный разговор, что человек, как новорожденный в духовном мире, должен подслушивать, о чем его собственное прошлое говорит с духовным окружением и через это сам он зреет и растет, как мысле-жизне-существо.

Многое можно наблюдать при этом вrostании в духовный мир. Чтобы как следует понять друг друга, возьмем мои милые друзья-теософы, прежде всего, так сказать, идеальное нормальное вживание в духовный мир, т.е. такое вживание, которое наступило бы у души, не имевшей никакого рода помех. Можно сказать: едва ли существует такая душа. Это и есть причина, почему я стремился не только в общих чертах описывать духовный путь, но также представить его драматически так, как я это сделал: ибо каждая душа исходит из определенного исходного пункта, и поэтому, в сущности, не может быть нормального идеального восхождения. Каждая душа имеет свой индивидуальный духовный путь. Это, конечно, можно показать только, если на отдельных душах, как на Марии, Иоганнесе Томазиусе, Капезии, Страдере показать, как слагается индивидуальное восхождение для этих отдельных душ. Но прежде на минуту не будем принимать этого во внимание. Помыслим как было бы, если бы восхождение души могло быть нормально идеальным, т.е. если бы были выполнены все самые идеальные условия переходящего порога, восхождения в духовные миры. Тогда человек когда он в духовном мире встретил бы свое второе «Я» мог бы это пережить не так, словно он пережил фотографию от самого себя, но смог бы пережить то, что в физически-чувственном мире и в элементарном мире является субъективным, что живет в душе в абстрактной субъективности, что является душевными силами: мышление, чувствование и воление, о чем говорится, что они находятся внутри, тогда это уже не находится внутри. Это мышление, чувствование и воление, которое имеешь в физическом мире, оно объективно предстает перед человеком, когда он встречается второе «Я» в духовном мире, объективно, а именно, как тройственность. И эту тройственность, которую встречаешь, и по отношению к которой нужно иметь в себе, сознание; эти трое это ты сам... Я пытался этих троих представить в образах Филии, Астрид и Луны. Эти образы суть совершенно реальные образы. В мире их существует столько же, сколько есть отдельных человеческих душ. Их узнаешь, если познать их однажды, подобно тому, как знаешь все зерна овса, если узнать одно зерно овса. Но необходимо уяснить себе, что то, что обыкновенно живет в человеческой душе только как теневой образ, как слабый теневой образ, предстает перед человеком, как живая тройственность, как действительно дифференцированная тройственность, тройственность, дифференцированная на три существа. Человек сам есть Филия, Астрид и Луна. Но все-таки это вполне самостоятельные мысле-жизне-существа.

И то, что тогда нужно иметь окрепшей душе, есть сознание: ты – единство этих трех существ. И нужно также иметь сознание того, что то, что называют мышлением, чувствованием и волением есть майя, а именно теневой образ, который эти трое бросают в душу. Болезненное души могло бы заключаться в том, что, или человек в духовном мире не познал бы себя, как этих трех существ, что он рассматривал бы этих трех как существ, не имеющих к нему никакого отношения, или если бы он не смог удержать единства и стал бы так считать самого себя, что одна часть души есть Луна, другая часть души Астрид, и еще одна Филия. Но увидеть это второе «Я» в его полной тройственности, это требует такого нормального, идеального хода развития души, какой едва ли может существовать у человеческой души.

Если обратить внимание на то, что может существовать, что в

действительном смысле может стать реальным, то нужно сказать: мы уже указали на то, что те образы, которые называют Ариманом и Люцифером, посылают свои импульсы в физически-чувственный мир. Мы их нашли, Аримана и Люцифера, в самых разнообразных областях физического мира; но гораздо в более интенсивной мере, гораздо сильнее приходит человеческая душа в соприкосновение с Ариманом и Люцифером, когда она вступает на путь ясновидческого познания. Когда она выходит из физического мира и пытается проникнуть в высшие миры, тогда к этой человеческой душе подкрадываются Ариман и Люцифер, тогда они пытаются многое совершить с этой душой, чтобы уяснить нечто из действий Аримана и Люцифера в этой области, пусть будет упомянуто следующее: человеческая душа есть действительно очень сложное существо и будучи таковым имеет в себе многое, что противоречит друг другу, над чем не имеешь власти, что живет в душевных глубинах. Я уже упомянул, что когда человек вступает в элементарный мир, то это происходит таким образом, что это переживание можно сравнить с образом всовывания головы в муравейник: т.е. сознание так всовывают в элементарный мир, что отдельные мысли являются особыми мысле-жизне-существами, что это приобретает самостоятельную жизнь, и человек погружает сознание в эту жизнь. Для ясновидческой души выясняется следующее: человек всегда имеет в своей душе нечто, над чем он, так сказать, не вполне властен, в чем он проявляет особые аффекты. По отношению к совершенно своеобразно связанному со внутренним, Ариман развивает особую деятельность. В человеческой душе есть такие части, которые можно известным образом выделить из целого этой человеческой души. Вследствие того, что человек не имеет полной власти над такими включениями, ими овладевает Ариман. И благодаря деятельности Аримана, которая неправомерна, которая возникает вследствие того, что Ариман преступает свою границу, сказывается та тенденция, что те части человеческого эфирного существа, а также человеческого астрального существа, которые имеют склонность отделиться от остальной душевной жизни и стать самостоятельными, позволяют оформить себя Ариману, так, что он придает им человеческий образ. В сущности говоря, со всевозможными сидящими в нас самих мыслями дело обстоит так, что они могут принять образ человеческий, если человек выступает перед этими мыслями, как мысле-жизне-существо, если затем Ариман имеет возможность сделать такую часть души человека самостоятельной, дать ей человеческую форму, и если человек вживается в элементарный мир, то он стоит перед этой ставшей самостоятельной частью своего существа, как перед своим двойником. Это всегда часть человеческой души, которой Ариман дает форму человеческого облика. Необходимо только уяснить себе, что когда вступаешь в элементарный мир, когда находишься вне своего физического тела, то там многое меняется во всех условиях. Когда находишься внутри своего физического тела, то нельзя встретить самого себя; когда же в своем эфирном теле вступаешь в элементарный мир, то можно в нем (в теле) находиться и все-таки видеть его извне, подобно тому, как видишь двойника. Это подразумевается под двойником. Говоря субстанционально, он есть в сущности большая часть самого эфирного тела. В то время, как одну часть его сохраняешь, другая часть отделяется, становится объективной; смотришь на нее, это есть часть нашего собственного существа, которой Ариман придал тот облик, который имеешь сам; ибо Ариман пытается, так сказать, все втиснуть в законы физического мира.

В физическом мире господствуют Духи Формы и они разделяют это господство с Ариманом, так что над одной частью человеческого существа Ариман вполне может произвести то, что можно обозначить как преобразование части человеческого существа в двойника.

Это есть сравнительно элементарное явление эта встреча с двойником, и

оно может наступить благодаря подсознательным впечатлениям и импульсам человеческой души, даже если человек не ясновидящий. Может произойти следующее: какой-нибудь человек может быть интриганом, может своими интригами причинить много зла людям. Однажды он выходит и затеивает какую-нибудь интригу. Он возвращается в свою квартиру, входит, может быть, в свой кабинет, на его письменном столе может быть лежат бумаги, где написаны вещи, при помощи которых он завязал интриги. И с ним может случиться, хотя он в своем верхнем сознании может быть циничен, что его подсознание будет захвачено импульсами интриг. Он входит в свой кабинет, смотрит по направлению к своему письменному столу и вдруг: он сам там сидит. Это неприятная встреча, когда через собственную дверьходишь в комнату и видишь самого себя сидящим за письменным столом, но такие вещи относятся к области того, что очень часто случается, и что очень легко может случиться именно тогда, когда имеет место такая склонность к интриге, с чем тогда встречаешься, есть, конечно, двойник, которого я опять-таки с иными задачами старался представить в «Страже Порога» и в «Пробуждении Душ». Мы знаем, что этот двойник переживаетеся Иоганнесом Томазием, и это находится в связи с особым развитием Иоганнеса Томазия, что он в тех местах, где это показано, имеет встречу с двойником, ибо благодаря странным переживаниям которые он имел, Ариман может в соответствии с формой так образовать часть его души, что эта часть души, как часть эфирного тела, субстанционально наполнена эгоистическими душевными элементами. Нечто подобное наступает именно тогда, когда созданы условия, как у Иоганнеса Томазия. Вы можете через четыре драмы несколько заглянуть в своеобразную душу этого Иоганнеса Томазия. Уже в конце «Стража Порога» указана известная точка развития в душе Иоганнеса Томазия. Такая точка развития может наступить для многих душ, ищущих путь вверх в сверхчувственные миры.

Охарактеризуем же вкратце, как в сущности обстоит дело с Иоганнесом Томазием. Если мы оглянемся назад на «Врата Посвящения», то мы имеем Иоганнеса Томазия, так сказать, переживающего высший мир. Но как он его переживает? Можно сказать: если взять только эту часть драмы, «Врата Посвящения» и рассмотреть в ней Иоганнеса Томазия что он здесь достигает в сущности не особенно многого; он не идет дальше того, что можно назвать имагинативными душевными переживаниями, со всеми их односторонностями и ошибками. Все это здесь представлено, является субъективными, имагинативными переживаниями, за исключением картин, относящихся к действию пролога и вставки перед VIII картиной. Но то, что там есть, вообще является субъективными, имагинативными переживаниями Иоганнеса Томазия. За эту ступень Иоганнес во «Вратах Посвящения» не выходит. Это достаточно очевидно и указано во «Вратах Посвящения», где совершенно ясно описано то, что во всех сценах, за исключением двух названных, Иоганнес, что довольно трудно для играющего, всегда находится на сцене. И в душе Иоганнеса все должно быть мыслимо, как имагинативное познание. Если в конце «Врат Посвящения» Иоганнес Томазиус и говорит во храме различные слова, теоретически имеющие объективную ценность, то необходимо упомянуть, что в различных Храмах многие люди говорят слова, для которых они далеко не зрелы, для которых они должны сначала созреть. Это не является руководящим, но можно понять из всего изложения: здесь имеешь дело с субъективными имагинациями Иоганнеса Томазия. Дальше идет развитие уже в «Испытании Души», где высшее восхождение вызывается тем, что Иоганнес достигает впечатления из прежних земных жизней, что есть не только Имагинация, где дело доходит до объективного мира, где имеешь дело с духовными фактами, как таковыми, существующими отдельно от души Иоганнеса Томазия. В «Испытании Души» мы выходим из субъективности Иоганнеса в объективный мир так что эти две первые драмы можно рассматривать как постепенное отделение Иоганнеса Томазия от

своего внутреннего и вступление Иоганнеса в духовный мир. Именно поэтому было так понятно ибо Иоганнес первую ступень подлинной имажинации проходит во время «Испытания Души» что там Люцифер приобретает искусительное влияние, которое представлено в конце «Испытания Души». И этим опять-таки было дано то, через что может пройти такая душа, как душа Иоганнеса Томазия, и что указывается в «Страже Порога», там, где Иоганнес поставлен в духовный объективный мир, где он, правда, еще побуждаемый работой, сначала субъективно встречается с Ариманом, от которого он воспринимает то, что он развивает эгоистического в противоположность божественному миропорядку. Но затем начинаются объективные переживания, в которых господствует Люцифер. Здесь мы совершенно не имеем дела с субъективными переживаниями, но имеем дело с изображением духовного мира, отделенным от человека, переживаемым в духовном, как внешний физический мир, переживают в физическом. Но Иоганнес Томазиус именно, так сказать, лишь тогда вступает в объективный духовный мир. Поэтому он туда еще не может принести с собою все возможности заблуждения человеческой души, прежде всего странное отношение к Теодоре. Это отношение только необходимо понимать так, как оно задумано. Можно было бы сказать: со всеми осадками низшего «Я» вступает Иоганнес в этот внешний мир. Но он стоит перед внешним миром, и если бы я хотел очень плоским выражением обозначить факт, я сказал бы: Иоганнес Томазиус оккультно влюбляется в Теодору. Итак, в отношении Иоганнеса Томазия в Теодоре некоторые импульсы физического мира вносятся наверх в высший мир. Проходя через все это, Иоганнес Томазиус приходит к тому, что указано в конце «Стража Порога»: к переживанию обыкновенного «Я», которое принадлежит к физическому миру и элементарному миру, которое несешь с собою, когда, как человек проходишь мир, и второго «Я», которое встречаешь, когда вступаешь в духовный мир. Как в IX картине на прогулке и в Храме перед Гилариусом, Иоганнес Томазиус приходит к тому, что можно назвать его внутренним чувствованием как одного, так и другого «Я». Но ясно видно, что Иоганнес Томазиус еще не вполне установил порядок в смысле гармонии между обыкновенным и вторым «Я», что он живет между обоими «Я». Если принять во внимание, что Иоганнес в конце «Стража Порога», а вместе с тем в начале «Пробуждения Душ» стоит перед нами, как душа, которая чувствует в себе совместное действие обыкновенного и второго «Я», то будет понятно, что в душе Иоганнеса Томазия есть много вещей, которые можно, так сказать, вылущить (выудить). Прежде всего Ариман вылучивает из него двойника. Но и иным образом может быть из него нечто вылущено. Я повторяю, что я описываю эти вещи не затем, чтобы дать комментарий к драмам, но затем, чтобы то, что представлено в драмах, использовать для того, чтобы представить действительные духовные соотношения и духовно существенное. Если рассматривать человеческую Карму, всю закономерность человеческой судьбы, то нужно сказать: в человеческой душе есть много выношенной, но также и невыношенной Кармы. Человек в своей истекшей земной жизни пережил многое, что должно быть уравнило: у него есть многое, что еще не уравнено, что так сказать неуравненным покоится на дне души неуравненная Карма. Каждая душа имеет такую невыношенную Карму. Иоганнес Томазиус должен довести до своего сознания особенно много такой невыношенной Кармы, в то время, когда его внутреннее существо расщепляется на обыкновенное и на второе «Я» и тогда отделяется очень многое из невыношенной Кармы. Отделяется то, что как нечто определенное, в сущности, легко и часто ощущает всякая душа, постепенно развивающаяся до ясновидения. Душа, которая делает это, рождается, т.е. через рождение вступает в физическое бытие таким образом, что, она прежде всего переживает себя с теми качествами так, как молодой человек, не всегда возможно найти так устроенные души, что можно сделать

Кришнамурти. Человек вживается в мир, как вживаются естественные дети на пользу себе и для себя, даже если они впоследствии становятся ясновидящими людьми. Тогда можно в какой-нибудь момент увидеть, что также кармически обусловлено: прозрение в духовные миры. Но именно у ясновидящей души часто бывает и это важно, что это бывает если она по настроению имеет нечто необычайно эгегическое, если может иметь нечто трагическое часто бывает, что тогда для этой ясновидящей души наступает видение своей собственной юности, как объективного существа, юности, из которой мы выросли и о которой говорят: что стало бы из этой юности, которая нам почти чужда, если бы мы не вступили в духовные, ясновидящие условия. Происходит действительно своего рода расщепление человека.

Переживаешь нечто вроде нового рождения и на юность смотришь как на чуждое существо, и в этой юности заключено очень многое о чем говорят: В этой инкарнации этого вовсе нельзя вынести; здесь сокрыто много Кармы, которая впоследствии должна быть однажды выношена или по отношению к которой нужно постараться уже теперь довести ее до выявления. В душе Иоганнеса Томазиуса много такой выношенной Кармы.

Такая невыношенная Карма, такое переживание, как когда смотришь на свою юность, как на другое существо, это есть нечто, что переживешь во внутреннем. К такому переживанию имеет доступ Люцифер; Люцифер может это выделить; он может взять себе субстанциональную часть эфирного тела и как бы одушевить его невыношенной кармой. Тогда из этого создается теневое существо под влиянием Люцифера, такое теневое существо, как оно представлено в Духе молодого Иоганнеса Томазиуса. Такое теневое существо есть действительное существо. Оно существует отделенное от Иоганнеса Томазиуса, оно имеет ужасные отправления по той причине, что оно, в сущности, противоречит общему миропорядку. То, что находится во вне, как теневое существо, должно было быть в Иоганнесе внутри. Этим вызывается то, что мы ощущаем как трагическую судьбу этого теневого существа, которое как часть эфирного тела живет во вне, в элементарном и духовном мире. И так, это есть невыношенная Карма Иоганнеса Томазиуса, превращенная Люцифером в самостоятельное теневое существо. Тот, кто переживает нечто подобное а это есть важное, полное значения переживание переживает это так, что он знает: так как он не выносил Кармы, он взял на себя своего рода космический долг, он создал существо, которое в сущности должно было быть не вне его, а в нем самом. В «Пробуждении Души» другая Филия доводит до сознания Иоганнеса Томазиуса, что он создал такое дитя души, которое во вне, в известном отношении, имеет неправильное бытие. Это есть особенность, когда вживаешься в духовные миры, что стоишь перед своей собственной сущностью, но что в духовной объективности эта собственная сущность может предстать перед нами умноженной. У Иоганнеса Томазиуса мы имеем самую разнообразную множественность. Перед ним предстает часть его существа, как двойник, теперь другая часть существа, ибо Карма вполне относится к существу человека, как Дух юного Иоганнеса Томазиуса.

Но затем перед ним предстает еще третье, ибо он не в состоянии пройти через то, через что проходит Мария. Она проходит через сравнительно нормальное развитие. В девятой картине перед ней предстают Астрид и Луна, правда, не в союзе с настоящей Фирией, но все-таки перед ней предстают два душевных образа. Это есть сравнительно близкое к нормальному развитию. Совершенно нормально было бы, если бы Мария стояла перед тремя душевными образами и все мышление, чувство и воление было бы так объективировано, что Мария ощущала бы их как единство. Но такое нормальное развитие едва или существует. И я подчеркиваю: то, что я пытался охарактеризовать, суть реальные образы, так что эти условия абсолютно реально возможны. Итак, такая душа, которой являются Астрид и Луна, при исключении Фирии, ибо то, что является

душой сознательной и душой рассудочной развито у Марии более правильным образом, нежели душа ощущающая, такая душа проходит уже в высокой степени нормальное развитие. Но у Иоганнеса Томазиуса мы имеем развитие очень сильно отступающее от нормального. Мы имеем у него, прежде всего, проявление двойника. По мере того, как Иоганнес Томазиус подвигается навстречу своему второму «Я», мы видим появление двойника и Духа юности Иоганнеса.

Это есть умноженное в числе нечто, что принадлежит ко второму «Я», или появляется потому, что появляется второе «Я», как осветитель этих внутренних условий. И вследствие того, что Иоганнес Томазиус не сразу подходит к этому второму «Я», если бы он совсем подошел, то перед ним предстали бы все три, но он должен пройти через многое, что перед ним поднимается на пути ко второму «Я», к нему приближается также и то, что стоит еще ближе к субъективности. Это другая Филия. Другая Филия это, в известном отношении, также второе «Я», но второе «Я», которое еще покоится внутри в глубинах души и не вполне выделилось; которое связано с чем-то, что здесь в физическом мире наиболее похоже на духовный мир, связано с вседвигающей любовью и что может привести человека в высшие миры, ибо оно связано с любовью. В образе другой Филии перед Иоганнесом Томазиусом предстает некое третье, на пути ко второму «Я». Если бы перед душой предстали все три душевные образа, то душа не имела бы, так сказать, никакого препятствия. Но так все существо человека может еще объективировать себя, проектировать в пространстве, проектировать во вне, как цельность. Это происходит при видении второй Филии в «Пробуждении Душ» во II картине. Я охарактеризовал вам, что по мере того, как человек вживается в элементарный мир, и известные признаки этого вживания остаются также тогда, когда человек вживается в духовный мир, человек должен усвоить себе способность к превращению, ибо там нет ни одной неподвижной, законченной формы.

Форма есть только в физическом мире. В элементарном мире есть подвижность, способность к превращению. С этим же связано то, что (так как все находится в постоянном превращении) могут произойти замены, когда предстает нечто сущностное. Все находится в постоянном превращении. Если так сказать не сразу разберешь, то смешиваешь одно с другим. Это-то и происходит с Иоганнесом Томазиусом, когда он сначала видит перед собой другую Филию и затем принимает двойника за другую Филию. Такие замены случаются необычайно легко. Необходимо уяснить себе, что нужно сначала проработаться к истинному созерцанию высших миров, и что благодаря способности к превращению именно там легко могут произойти замены. И то, каким образом проявляются эти замены, имеет необычайное значение для пути, которым идет развитие души. Вы помните: Иоганнес трижды имеет переживание; что это переживание протекает у него именно так, зависит от того, что Иоганнес Томазиус развивается известным образом; первое переживание с другой Филией, второй раз двойником, третий раз опять с другой Филией, Здесь мы имеем тройственность переживаний. В мире мы вообще имеем дело с тройственностями. Мы должны просто искать эти тройственности, ибо всегда имеются эти тройственности. Что Иоганнес Томазиус два раза имеет перед собой другую Филию, один раз только двойника, и один раз эту замену, это связано с тем, чего он достиг. Но с тем, что он есть, связано также и то, что он видит, так сказать, это дитя души дух юного Иоганнеса, который есть его творение, созданное, правда, с помощью Люцифера, но который существует там во вне в мире. Это есть нечто, что часто относится к самыми потрясающим переживаниям ясновидящего сознания, когда мы в духовном мире находим неуравненные части Кармы, превращенные Люцифером в самостоятельные теневого существа. Можно найти много таких теневых существ, которых мы, благодаря невыношенной Карме,

побуждаемые Люцифером, сами поместили в духовный мир. Эти переживания с теневыми сущностями таковы, как они именно соответствуют точке развития данной души. Предположим, что для Иоганнеса Томазия дело обстояло бы иначе. Он бы два раза подвергся замене, два раза видел бы неправильно, и один раз правильно или два раза бы видел двойника и один раз другую Филию. У Иоганнеса Томазия дело обстоит так, что он еще слишком сильно захвачен субъективностью. Мария уже настолько крепкой предстает перед объективностью что ей являются две душевные силы. Иоганнес еще должен так укрепить свою душу, чтобы то, что остается еще довольно субъективным, предстало бы перед ним:

«Дух заколдованный собственной сущностью», это становится объективным. И этими же словами укрепляет он свою душу, словами: «Дух заколдованный собственной сущности». И в то время, как всходит это заколдованное веяние (дух) его собственного существа, приближается ко второму «Я», Иоганнес предстает перед собой как двойник, как дух юного Томазия, как другая Филия. Иоганнес был бы иным, если бы он иначе пережил тройственность, если бы он, скажем, два раза подвергся бы замене или два раза мог бы пережить двойника. Если бы это имело место, Иоганнес был бы другим. Если бы дело обстояло не именно так, как это обстояло в «Пробуждении душ», то Иоганнес увидел бы в царстве теней не одного духа юного Иоганнеса, а много таких духов. Представьте себе вместо Иоганнеса Томазия такого Иоганнеса, который два раза подвергся бы замене или два раза мог бы пережить двойника; тогда должно было бы существовать много духов юного Томазия, ибо тогда должно было бы существовать много таких детей души Иоганнеса. В этих вещах мы часто касаемся грани великих душевных тайн.

Но из всего того, что я вам представил, вы видите, как сложен путь, путь ясновидческой души к истинной сущности человека; что эта человеческая душа есть сложное существо и что постепенно приближаешься к истинной сущности человека при восхождении в духовный мир, если сам становишься для себя существом-воспоминанием, бывшим, т.е. когда в человеческой душе однажды возникает сознание, ты теперь не в настоящем, пока ты также не имеешь перед собою будущего, ты то чем ты был, ты несешь свое бывшее в настоящее. Тогда дальше человек растет, и как духовное существо, таким образом, что его бывшее, то, что он внес в духовный мир, что он сам духовны переживает, что это начинает духовный разговор с окружающим миром духа. Человек растет по мере того, как он прислушивается к этому разговору собственного прошлого с мысле-жизне-существами духовного мира. Но когда человек чувствует себя таким образом перемещенным в духовный мир, в котором он находит свое второе «Я», у него всегда бывает чувство, переживание, которое приблизительно может быть выражено следующим образом: можно сказать, что человек чувствует: правда ты теперь находишься в духовном мире, ты можешь найти пребывая внутри своего астрального тела в духовном мире ты можешь найти свое второе «Я», как духовное существо. Но твое совершенно истинное существо, то, что ты в сущности есть, этого ты все-таки еще не можешь найти в этом мире. То, чьим отражением в физическом мире является твое «Я», этого ты еще не находишь, несмотря на восхождение в духовный мир. Тогда постепенно познаешь, какое значительное переживание нужно еще иметь, чтобы найти истинное «Я», истинное внутреннее существо, еще сокрытое в этом втором «Я».

Да, мои дорогие друзья, человеческое существо сложно, и лежит глубоко, глубоко внизу в душевных глубинах и, чтобы действительно придти к истинному «Я», нужно пройти через так много различных переживаний. Мы описали нечто из того, через что должен пройти человек, чтобы придти к живущему в нем истинному «Я». Для того, чтобы придти к истинному «Я», необходимо пройти еще через следующее: мы подчеркнули, как человек

проникает воспоминанием в духовный мир, как он сначала не имеет новых впечатлений, но должен дать говорить тому, чем он был, как он в качестве существа точки должен внимать духовному разговору между своим бывшим и духовным окружением; это воспоминание остается у человека. Оно остается у человека между смертью и новым рождением. То, чем человек был, имеется прежде всего именно в духовном мире. Воспоминание о чувственно-действительном бытии между рождением и смертью остается прочным и продолжает существовать в душе между смертью и новым рождением. Если же в качестве души, ставшей ясновидящей, хотят проникнуть к истинному «Я», то тогда научаются познавать, что необходимо решение, духовное действие. И об этом последнем можно сказать: оно должно быть сильным волевым решением искоренить в себе, забыть в себе то, что человек принес в духовный мир, что он принес наверх, как воспоминание о самом себе; путем волевого решения искоренить воспоминание о том, чем он был со всеми частностями. Тогда он подходит к тому, что могло тускло мерцать уже и на более ранних ступенях ясновидения и ступенях познания. Так сказать предвозвещение того, что тогда переживаешь в духовном мире, указано в III картине «Пробуждение душ», где Страдер стоит над бездной своего бытия. Он действительно в истинном облике стоит над пропастью бытия, когда через свободное внутреннее веление, через энергичный волевой акт принимает решение забыть себя. В сущности говоря, в человеческом существе все эти вещи существуют, как факт. Человек только ничего не знает об этом. Каждую ночь человек должен таким образом бессознательно погашать себя. Но это есть нечто совершенно иное с полным сознанием предать уничтожению, забвению, бездне свое Я-воспоминание, действительно на мгновение очутиться в духовном мире, над бездной бытия, перед «Ничем» как «Ничто». Это самое потрясающее переживание, которое можно иметь, и нужно подойти к этому переживанию с большим доверием. Для того, чтобы как «Ничто» подойти к бездне необходимо иметь доверие, что нам тогда из мира будет принесено навстречу истинное «Я». И это совершается, тогда знаешь, тогда знаешь, когда над бездной бытия принимаешь это забвение, тогда знаешь: угасло все, что ты до сих пор пережил; ты сам это погасил, но из мира, которого ты сам до сих пор не познал, из сверхдуховного мира, тебе идет навстречу твое истинное «Я», которое было лить только облечено вторым «Я». Лишь теперь после того, как ты совершенно погасил себя, встречаешь ты свое истинное «Я», теневой образ, майя которого есть «Я» в физическом мире. Ибо истинное «Я» человека принадлежит сверхдуховному миру, и своим истинным «Я», слабым теневым образом которого является физическое «Я», человек проникает вовнутрь сверхдуховного мира. Таким образом восхождение к сверхдуховному миру есть внутреннее переживание, переживание совершенно иного мира над бездной бытия и принятие истинного «Я» из этого сверхдуховного мира над бездной бытия. Это описание хотел я, мои дорогие друзья, вложить в вашу душу, как связующий мост между сегодняшним исследованием и завтрашним... Пусть оно, известным образом, захватит нас между сегодняшним и завтрашним днем, подобно связующему звену между сегодняшним и завтрашним исследованием, ибо в связи со словами, которые я сегодня сказал о встрече над бездной бытия, мы будем дальше говорить завтра.

восьмая лекция

ЛЮЦИФЕРИЧЕСКИЕ И АРИМАНИЧЕСКИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ. СТРАЖ ПОРОГА.

31 августа 1913 г.

Мои дорогие друзья-теософы!

При таком цикле лекций, как тот, который мы только что закончили, легко могут придти мысли, которые здесь или там указывают на то, что можно назвать культурой современности. Мы должны были во многих частностях указать, как на эту культуру современности своеобразно действуют ариманические и люциферические силы. Кто не с предвзятым ощущением и некоторым пониманием духовно-научных познаний, вживется в некоторого рода объективное рассмотрение культуры современности, тот несомненно должен будет найти хаотичность, запутанность, именно этой культуры современности. Это стало, так сказать, моей, уже годами всегда поощряемой привычкой, возможно меньше указывать на ту или другую сторону, желая лучше обратить внимание на то, что в позитивном смысле мы можем приложить к открытию высших миров. Но, хотя в существенном нельзя уклоняться от этой привычки, нужно все снова и снова подчеркнуть, что благодаря этому поистине слово выбрано не из скромности – возложенному на себя ограничению, вкрались даже в ход нашего стремления и нашей работы некоторые недоразумения. И именно с нашей точки зрения нам было бы необходимо двоякое: во-первых, объективно верное понимание того, что эволюция, развитие послеантлантического мира, с некоторой понятной необходимостью, вызвало в дальнейших кругах хаотичность, запутанность, а частью низшее, подчиненное, современной культуры человечества; итак, одной только критики недостаточно, но нужно понимание. С другой стороны, необходимо с ясными открытыми глазами противопоставить себя этой запутанности и хаотичности современной жизни духа, поскольку стоишь на точке зрения, раскрываемой духоведением. Ибо приходится все снова и снова переживать, что вполне благожелательные и благонадежные из наших друзей приходят с утверждением, что там или здесь опять проявляется нечто совершенно теософическое, и что затем приходится убеждаться какого низшего качества эти так называемые теософические вещи. Как сказано, я не хочу отклоняться от обычной привычки, но все-таки я хотел бы, как бы для примера в конце нашего цикла лекций указать по крайней мере на отдельное особенно резкое явление. В настоящее время особенный успех имеют те люди, которые проявляют себя в мире так, что имея в виду некоторую ученость, собственно же не имеют ни о чем никакого понятия. И того, кто не привык применять способности различать такие выдаваемые за ученые вещи, могут иногда очень легко ввести в заблуждение. Это есть нечто, что постепенно должно было бы исчезнуть именно в наших кругах. Мы должны были бы усвоить себе объективную, ясную способность делать различие. Благодаря этому, мы бы вернее, чем это было до сих пор, поняли бы отношение к нашему собственному движению, как мы его желаем, тем более низших течений и лиц.

Мои дорогие друзья-теософы, часто проявляются такие течения, и не для того, чтобы критиковать или чтобы приводить нечто, связанное с противниками нашей работы, желал бы я это упомянуть, но как сказано, для того, чтобы «объективно охарактеризовать». Так, например, в одном берлинском издательстве появилось издание «Химического брака» Христиана Розенкрейца и другие произведения Христиана Розенкрейца. Само собой разумеется, что многие из наших друзей или вообще люди, интересующиеся оккультными течениями, легко обратятся к такому новому изданию произведения, которые обыкновенно всегда трудно бывало достать. И именно к «Химическому браку» Христиана Розенкрейца появляется предисловие, которое в смысле грубой учености я предпочитаю воздержаться от более точного обозначения, действительно превосходит все, что вообще можно себе представить. Я в противоположность «Я» хочу только из этого предисловия, из страницы, обозначенной римской цифрой II, прочесть вам несколько строк. «Если приблизиться к тайным наукам с критическим и точным запасом знания (это слова, которые сами по себе уже

многих соблазняют), то вскоре станет видно, что именно отсюда можно прийти в соприкосновение с обоими названными полюсами (я не хочу говорить о полюсах, приводимых данным автором, ибо все это является только... я предпочитаю воздержаться от более точного обозначения), К этому особенно хорошо подходит ново-формулированное понятие – алломатика, под водительством которого легко можно стать господином над всеми трудностями, идущими с обеих сторон. (Алломатика это нечто такое, что многим особенно импонирует). Алломатика есть учение, наука и философия о другом, произведенная от греческого «Аллос» другой ничтожество, несуществование «Я», все исходит из не-Я... короче, из другого, и с такой ученостью идет это дальше. Мои дорогие друзья, эта ученость, с которой люди подготавливаются к «Химическому браку» Христиана Розенкрейца, я, право, говорю это не из пристрастия, а на основании объективной логики, совершенно подобна тому, если бы вместо ксенологии или алломатики захотеть обосновать грушелогия или грушематику; ибо точно с такой же логикой, как этот чудак сводит мир к «Я» и «не-Я», можно мир свести к груше и ко всему, что не есть эта груша, а именно другое вне этой груши. И можно употребить точно те же слова и понятия, чтобы весь мир объяснить из груши и не-груши. В смысле этого господина, из мира и его явлений ничего не будет упущено, если, вместо того, чтобы объяснять его из «Я» и другого, объяснять его из грушелогии и грушематики, из учения о груше и о другом, вне груши. И это выдает себя за ученую работу, это применяет также различные сравнения из эмбриологии, чтобы быть в состоянии выставить себя, как ученую работу; это говорит приблизительно в том же тоне, что и многие из наших, так называемых, трудов, к которым относятся как к чему-то серьезному, и которые как сказано сказано не из пристрастия, а именно с чувством полного братства, серьезно принимаются нашими друзьями, словно это есть нечто, в то время как это вытекает только из низменности нашего времени. И это именно означает недостаточную способность к различению того, что имеет внутреннюю ценность, и того, что стоит на такой ступени литературы, как такая вещь. Поэтому можно с полной объективностью сказать: если такой человек является одним из тех, которые распространили или повторяют глупую басню о иезуитах, то можно также составить себе понятие о значении противников, которые в последнее время со всех сторон выступили против нас. Дело заключается главным образом в том, чтобы обрести правильное отношение к тому, что в настоящее время из всех углов мира именно на оккультной почве осмеливается выступить, и что многими принимается, как равнозначущее с имеющим честные намерения глубоким духоведением. Дело в том, чтобы обрести правильное ощущение по отношению к многим из этих господ, если хочешь быть честным по отношению к духоведению. И это ощущение заключается в том, что лучше всего их игнорировать, вместо того, чтобы носиться с ним, поддерживать их во всем, что они создают; в сущности, следовало бы им посоветовать, чтобы в то время, когда они занимаются подобными писаниями, они приносили бы пользу человечеству, занимаясь чем-нибудь другим, например, выпиливанием. Это принесло бы человечеству гораздо больше пользы, нежели подобный вздор. Необходимо, чтобы мы на подобные вещи смотрели с, полной объективностью, и чтобы мы привыкли действительно правильным образом оценивать культуру современности с этими ее составными частями. Если у нас будут правильные мысли и ощущения по отношению к этим вещам, и к соответствующим личностям, то мы исправимся. Но мы должны уяснить себе одно: что (правда с другой стороны) все эти явления современности объяснимы, ибо мы видели, что в развитие культуры человечества вступают ариманические и люциферические силы.

Точно так же, как в импульсах, действующих в развитии человечества мы на это часто указывали меняется все от эпохи к эпохе, так меняются и

ариманические и люциферические влияния. Наша эпоха есть, известным образом, некий род обратного повторения египетско-халдейского промежутка времени; но так как это есть обратное повторение, то в наше время люциферические и ариманические силы играют во внешней культуре в общем также иную роль, чем в древнем египетско-халдейском периоде. В египетско-халдейскую эпоху человеческая душа могла взглянуть на то, что совершается и могла известным образом сказать: с одной стороны приходят ариманические, с другой стороны люциферические влияния. Во время египетской культуры это можно было еще очень хорошо внешне различать. В греко-латинскую культурную эпоху было уже то, что хотелось бы сказать непосредственно перед человеческой душой встречались Люцифер и Ариман, и здесь они уравнивались. Кто может глубже вникнуть в собственно основную сущность греко-латинской культуры, тот сможет наблюдать это уравнивание между Люцифером и Ариманом. В наше время это опять изменилось.

Теперь во внешнем мире Люцифер с Ариманом заключают, известным образом, друг с другом союз, связывают в узел свои импульсы во внешнем мире еще раньше, чем эти импульсы приближаются к человеческой душе, так что мы имеем внутри нашего культурного развития клубок, узел, тогда как в древние времена мы имели отдельные нити ариманических и люциферических импульсов. Теперь человеку стало особенно трудно распутать этот узел, разобраться в этом клубке. Всюду внутри нашего культурного движения мы имеем пестро переплетенные друг с другом ариманические и люциферические нити, и мы приобретаем здравый взгляд на наши культурные отношения не ранее, чем уясним себе, что многих агитационных течений, даже во многих абстрактных идеях и внешних начинаниях, которые предпринимаются в настоящее время и для будущего, действуют запутанные нити ариманических и люциферических импульсов. Бдительность по отношению к этим нитям, бдительность по отношению к тому, что есть люциферического и ариманического в пестром сплетении это то, на что необходимо обращать внимание. И в настоящее время никто не в состоянии совершенно разобраться в этом люциферическом и ариманическом элементе, кроме того, кто пытается идти путем духовного познания, снабдить душу ясновидческими силами так, чтобы то, что человек есть, но чего обычным сознанием он не может узнать, как свое существо, действительно раскрылось бы, и стало предметом истинного духоведения. И при этом важно то, что явствует из изложения, которое было дано, что как только вступаешь в высшие миры, необходимо известным образом переступить порог; что поскольку ты – земной человек и сделал свою душу ясновидческой, ты должен переходить через этот порог в ту и в другую сторону и должен уметь верно держать себя, как в духовном мире по ту сторону порога, так и в физическом мире по эту сторону порога. И в наших лекциях и в нашем цикле драм было повторно указано на одно важное переживание, на переживание порога, на так называемую встречу со Стражем Порога.

Вполне возможно и это также уже было упомянуто подняться вверх в духовные миры, многое пережить в духовных жилах, не пройдя через это, с одной стороны потрясающее, но с другой стороны в высшей степени значительное и важное переживание со Стражем Порога. Но для ясного объективного созерцания духовных миров бесконечно важно пережить однажды эту встречу со Стражем Порога. В моей книге «Порог духовного мира» я указал на все, что с этим связано, поскольку это возможно сделать в книге, трактующей об этих вещах в афористической форме. Многое прибавил я во время лекций. Я хотел бы здесь, ибо, если бы я должен был подробно охарактеризовать встречу со Стражем Порога, мне пришлось бы прочесть длинный цикл лекций, я хотел бы здесь прибавить еще только некоторые подробности для характеристики этого Стража Порога, я хотел

бы обратить внимание на то, что человек, когда он оставляет свое физическое тело, в котором он имеет своим окружение физический мир, вступает затем в элементарный мир; и затем, когда его окружением является этот элементарный мир, он живет как он в физическом мире живет в физическом теле в эфирном теле. Когда он затем ясновидчески выходит из эфирного тела, он живет в астральном теле и имеет своим окружением духовный мир, И мы обратим внимание на то, что человек может также выйти и из своего астрального тела, и пребывать в своем истинном «Я». Тогда он имеет своим окружением сверхдуховный мир. Вступая в этот сверхдуховный мир, человек приходит под конец к тому, что всегда имеет он в своих душевных глубинах, к своему истинному «Я», в то время, как он уже в духовном мире приходит к тому, каким образом в нем раскрывается истинное «Я», к другому «Я» а именно окутанным мысле-жизне-существом. Все мы, живущие в физическом плане, имеем в себе это другое «Я», только обыкновенное осознание не может ничего знать о том, что сущность этого другого «Я» и этого истинного «Я» переживаешь лишь тогда, когда поднимаешься вверх в духовный и сверхдуховный мир. Но, в сущности, все мы всегда несем в себе, как нашего истинного спутника, это истинное «Я». Но это истинное «Я», которое встречаешь у порога духовного мира, это истинное «Я» существует в особом виде, хотелось бы сказать, в особом наряде. У порога духовного мира это истинное «Я» может облечься во все то, что является нашими слабостями, нашими недостатками, во все то, что склоняет нас к тому, чтобы всем нашим существом оставаться привязанным к физически-чувственному миру, или по крайней мере к элементарному миру.

Итак, мы встречаем наше собственное истинное «Я» у порога духовных миров. Абстрактная теософия весьма легко может сказать: Это мы сами, это другое «Я», это истинное «Я». По отношению к действительности эти слова о том, что это мы сами, не имеют большого значения. Правда, мы все проходим через духовные миры, как наше другое «Я», но мы весьма отличаемся от него. Когда с нашим сознанием мы пребываем в физическом мире, то наше другое «Я» действительно является совершенно иным, чуждым нам существом, с которым мы встречаемся действительно гораздо более чуждыми, нежели с другим человеком земного мира. И это другое «Я», это истинное «Я» облекается в наши слабости, во все то, что мы должны оставить и чего не хотим оставить, ибо мы, сообразно привычке, как физически-чувственные люди, привязаны к этому, когда мы хотим переступить порог. Итак, собственно у порога духовного мира мы встречаем духовное существо, которое отличается ото всех других духовных существ, которые мы можем встретить в сверхчувственных мирах. Все другие существа являются как бы более или менее с оболочками, которые все-таки более соответствуют их собственному бытию, нежели это имеет место с оболочками Стража Порога. Он облекается в то, что пробуждает в нас не только заботы и печаль, но часто ужас и отвращение, он облекается в наши слабости, в то, о чем мы можем сказать: мы содрогаемся, боясь не отделить себя от него, или же: мы не только краснеем, мы почти умираем от стыда, когда мы должны смотреть на то, что мы есть и во что облекается Страж Порога. Итак, эта встреча с самим собою, но в действительности, все-таки встреча с другим существом.

Но не так легко пройти мимо Стража Порога. Можно сказать: в отношении верного, правильного видения духовных миров вообще легко достигнуть видения духовных миров. Собственно особенно в наше теперешнее время не так уже особенно трудно получать какие-нибудь сведения из духовного мира, но так вступить в духовный мир, чтобы узреть его в его истине, это именно делает необходимым то, что если кому-нибудь и суждено лишь позднее иметь встречу со Стражем Порога, все-таки нужно хорошенько подготовиться для того, чтобы когда будет можно через нее

пройти, пережить встречу правильным образом. Большинство людей, или по крайней мере, многие доходят, так сказать, до Стража Порога. Но всегда бывает важно сознательно придти к Стражу Порога. Бессознательно стоим мы перед ним каждую ночь. И этот Страж Порога, не давая себя увидеть, собственно является очень большим благодетелем; ибо люди не вынесли бы его. То, что мы по существу бессознательно переживаем каждую ночь, собственно, значит: иметь встречу со Стражем Порога. Обыкновенно люди доходят как раз до той границы, где, так сказать, стоит Стаж Порога. Но в такой момент с душами происходит нечто очень странное, а именно, можно сказать душа переживает это в сумеречном состоянии между сознательностью и бессознательностью, она не допускает, что бы это вполне достигло сознания. Душа склонна к тому, чтобы на границе видеть самое себя, какова она есть, как она со своими слабостями и недостатками привязана к физическому миру, но душа не может этого перенести, и еще до того, что все происходящее может дойти до сознания, душа ужасом, который она испытывает, так сказать, оглушает свое сознание; и такие моменты, когда душа оглушает свое сознание, это лучшие точки для нападения ариманических существ. Мы, действительно, приходим к Стражу Порога, когда с совершенно особой крепостью и силой развивается, например, наше самочувствие. Это самоощущение должны мы укрепить, когда мы хотим вжиться в духовный мир. С укреплением этого самочувствия, укрепляются также все склонности и привычки, все слабости и предрассудки, которые во внешнем мире обыкновенно сдерживаются в своих границах воспитанием, привычкой, внешней культурой. У порога духовного мира изнутри сильно выявляются люциферические импульсы, и когда человеческая душа имеет тенденцию оглушить себя, Люцифер тотчас же соединяется с Ариманом и тогда последствием является то, что человеку закрывается доступ в духовный мир. Когда человек своей здоровой душой ищет познание духоведения, и не живет с болезненной жаждой духовных переживаний, то не может случиться, чтобы у этой границы произошло что-нибудь особенно плохое. Когда наблюдается все то, что можно наблюдать в настоящем истинном духоведении, то происходит только то, что для стремящейся души Люцифер и Ариман, известным образом, уравнивают друг друга у порога духовного мира и человек своей душой (не) входит в духовный мир. Но когда имеется особенная жажда вступить в духовный мир, то доходит до того, что действительно наступает то, что можно назвать: человек лакомится духовным миром. И то, чем он полакомился, Ариман сгущает, и тогда в сознание человека стремится проникнуть нечто, что все-таки не может войти. Человек переживает тогда то, чем он полакомился в духовном мире в сгущенном состоянии, когда оно предстает перед ним так, что оно совершенно имеет вид образцом физических впечатлений; словом, у него бывают галлюцинации, иллюзии, он думает, что он стоит перед духовным миром, ибо он проник до Стража Порога, но не прошел мимо, а был отброшен своей жаждой полакомиться в духовном мире. И то, чем он там полакомился, сгущается в то, что может содержать вполне истинные образы духовного мира, но что не содержит самого важного, того, благодаря чему душа может получить ясное воззрение на истину и ценность того, что она видит.

Для правильного прохождения мимо Стража Порога весьма необходимо, чтобы человек соответственным образом развивал самопознание, действительное, подлинное самопознание, искреннее самопознание. Не желать подняться в духовные миры, когда в инкарнации Карма делает это возможным для человека, это является нарушением долга по отношению к ходу развития. Думая, что можешь ошибаться, сказать себе: «Я не хочу войти в духовные миры» это совершенно неверно. Мы должны так интенсивно стремиться войти в духовные миры, как только мы можем. Но с другой стороны, мы должны уяснить себе, что мы не должны бояться того,

чего человек более всего и охотнее всего склонен бояться: действительного, истинного самопознания. В этом отношении можно встретиться со многим. Собственно, человеку в жизни ничто так не трудно, как действительное самопознание. Много причудливого, странного можно здесь встретить. Можно встретить людей, которые в своем верхнем сознании беспрестанно подчеркивают, что они то, или другое делают с совершенным самоотвержением, что они абсолютно и совершенно ничего не хотят для себя. Если понимать такие души, то часто указывается, что они, правда, уверяют себя, что это так, но что они в своем нижнем сознании совершенные эгоисты, и, собственно, хотят только того, что как раз подходит из «Я». О, может также случиться, что являются люди, которые, скажем, исходя из своего верхнего сознания, произносят речи, говорят слова, пишут книги, так что на сравнительно кратких страницах от 18-ти и до 25-ти раз встречаются слова, «любовь», «терпимость» и т.п., хотя в действительных фактах души ничего этого нет. Легче всего ошибиться по отношению к самому себе, если все снова не стоять не страже основательного, честного самопознания, которое применяешь. Но это самопознание трудно, трудно, если развивать его непосредственно. Говорят, даже уже случалось, что люди настолько замыкаются перед самопознанием, что они скорее, чем признаться, чем они являются в настоящее время, скорее признают, что они были обезьянами во время лунного развития, скорее это, чем сознаться, чем они, собственно, являются в настоящее время. Так велико может быть ослепление по отношению к долгу истинного, подлинного самопознания человека. Это было бы хорошим упражнением для многих, стремящихся к духовной области, если бы они в жизни время от времени все снова и снова делали, например, следующее: если бы они говорили себе: я обращаю свою мысль назад на последние три-четыре недели или лучше месяцы и вызову перед глазами важные факты, когда я многое сделал. Я постараюсь совершенно систематично отрешиться от всего, что может быть постигло меня несправедливо; я постараюсь выключить все то, что я обыкновенно так часто говорю в извинение того, что со мной случилось что виноват другой. Я постараюсь никогда не думать о том, что мог бы быть виноват кто-нибудь другой, кроме меня. Если поразмыслить, как склонны люди делать ежечасно другого, а не самих себя ответственными за то, что им не подходит, то будет понятно, как хорош такой обзор жизни, где даже тогда, когда с нами поступили несправедливо, мы сознательно выключаем мысль об этой несправедливости и не допускаем подняться критике, что другой мог бы быть не прав. Пусть попробуют такое упражнение и тогда увидят, что внутренне достигается совершенно иное отношение к духовному миру. Такие вещи меняют много в действительном состоянии, в действительном настроении человеческой души. Насколько трудно, если искать путь к ясновидящей душе, совершенно не подвергаясь опасности, вступить в высшие миры, показывает то, что, когда нужно всунуть голову в муравейник, необходимо не раствориться. Необходимо укрепленное, усиленное самочувствие, такое самочувствие, которого совсем не следует развивать в физическом мире, если не хочешь быть завятым эгоистом. Если хочешь утвердить себя в высших мирах, если хочешь там почувствовать, пережить себя, то необходимо вступить туда с укрепленным самочувствием. Но необходимо также иметь способность, когда опять возвращаешься сюда в чувственный мир, исключить это самочувствие для того, чтобы не быть здесь совершенным эгоистом. Итак, там в иных мирах необходимо укрепленное самочувствие. Это вполне может быть утверждением, что для того» чтобы жить в высших мирах духовностей, человеку необходимо укрепленное самочувствие; но к этому необходимо присоединить, так сказать, полярно-противоположное тому утверждению, которое было только что сделано: познание, что правда, там в духовном необходимо найти укрепленное самочувствие, но что в физическом мире дух изживается особым образом в

том, что в физическом мире в самом обширном смысле называют любовью, способность к любви, способность к сочувствию, состраданию и сорадованию.

Кто ясновидчески вживается в высшие силы знает, что верно то, что говорит Мария в «Пробуждении Душ», что, собственно обыкновенное, чувственное сознание, которое человек имеет на физическом плане, по отношению к переживанию и чувствованию в высших мирах, является родом сна, и что вступление в высшие миры есть пробуждение. Вполне правильно и верно то, что в физическом мире люди спят по отношению к переживанию высших миров, и что они только не чувствуют сна, ибо они всегда спят. Итак, если то, что переживает ясновидческая душа, когда она переступает порог духовного мира, является в духовных мирах пробуждением (в укрепленном самочувствии), то, с другой стороны, пробуждение «Я» заключается в любви в физическом мире, в той любви, которая в одной из первых лекций была охарактеризована так, что я должен был сказать: любовь, существующая ради качеств и признаков возлюбленного, это та любовь, которая ограждена от люциферических и ариманических влияний, это та любовь, которая в физически-чувственном мире действительно может стоять под влиянием добрых преуспевающих сил бытия. Как дело обстоит с любовью, выявляется особенно в опытах ясновидческого сознания. То, что развивают, как эгоизм в физическом мире, когда это вносят вверх, в духовные миры тогда это выявляется для ясновидящего так, что ничто так не мешает, ничто так действительно не горько и грустно переживать, как то, что вносят вверх, как последствия отсутствия любви и недостатка чувств, которые развивают в физическом мире. Когда человек, благодаря ясновидческой душе, поднимается в духовный мир, он чувствует, что ему очень мешает все то, что он развил в физически-чувственном мире, как отсутствие любви, как себялюбие. Ибо, когда переступаешь порог духовного мира, то выясняется все то, что вносишь туда не только, как открытый, но и как скрытый, бушующий в глубине души эгоизм, который бывает у людей. И в то время, как они предаются мечтанию, будто они бескорыстны, может быть, тот, кто обнаруживает внешний эгоизм и спокойно признается, что он хочет иметь то или иное, он может быть гораздо менее эгоистичен, нежели те, которые из теософических абстракций обнаруживают известное эгоистическое бескорыстие в своем верхнем сознании, в особенности, когда они об этом бескорыстии объявляют в различных, часто, часто повторяемых словах о любви и терпимости. То, что таким образом человек вносит вверх, в высшие миры, как отсутствие любви, как недостаток сочувствия, это превращается в некрасивые, часто в ужасные образы, которые он переживает, когда вступает в духовные миры. Они, действительно весьма мешают, весьма препятствуют душе.

И затем наступает один из тех моментов, который весьма значителен, на который следует обратить внимание, когда говорится о познаниях и переживаниях высших миров. Это еще было бы самым лучшим, если бы человек, как только он вступил в высшие миры и очутился в сфере отвратительного, отважно и смело посмотрел бы на это и спокойно признался бы: да, ты вносишь так много отвратительного эгоизма в высшие миры... это было бы еще самым лучшим, смело и совершенно свободно противопоставить себе этот эгоизм. Но человеческая душа обыкновенно имеет стремление еще прежде, чем все это отвратительное вполне дойдет до сознания, отделаться от него, так сказать, отметать направо и налево, как делают кони, и отстранять эти неприятности. В тот момент, когда человек отстраняет то, что является последствиями эгоизма, Люциферу и Ариману легко разделаться с человеческой душой; тогда они в своем союзе весьма легко могут увести человеческую душу в свое особое царство, где они затем могут показать ей всевозможные духовные миры, которые человек тогда принимает за истинные, подлинные, обоснованные в миропорядке, миры.

Можно сказать: необходимо развитие истинной, подлинной любви, серьезного и честного сочувствия, ибо они являются в то же время хорошей подготовкой для души, желающей ясновидчески вжиться вверх в духовные миры. С тем, что это слово не совсем маловажно, мои дорогие друзья, согласится тот, кто немного поразмыслит о трудности, с которой достигаются истинное сочувствие и истинная способность к любви.

Этим охарактеризовали мы часть того, что стоит в связи с преступлением через порог в духовные миры. Когда описывается это отношение человека к духовным мирам, то необходимо знать, что действительное, истинное познание человеческого существа может быть достигнуто только с помощью этих описаний; что только с помощью их можно знать, что такое, собственно, поистине человек; и что также благодаря этому можно стать в отношении к тому, что естественным образом, хотя и несколько измененным, ставит человека пред высшие, пред духовные миры, а именно в то время, что человек переживает между смертью и новым рождением. И здесь я должен несколькими словами указать на то, что я изложил также и в последней главе книги «Порог духовного мира». Мы знаем из прежних изложений в «Теософии» и «Тайноведении», что человек, когда проходит через врата смерти, слагает свое физическое тело, что затем он некоторое время, которое, может быть, продолжается всего несколько дней, имеет свое эфирное тело. Затем он слагает и его. Можно сказать: когда человек сложил это свое эфирное тело, он по преимуществу в своем астральном теле. Итак, душа вместе с астральным телом продельывает род дальнейшего странствия; судьба человека зависит от того мира, в который перенесено это эфирное тело, и это элементарный мир. И в этом элементарном мире господствует как мы имели возможность изложить – способность к превращению. Все находится в непрестанном превращении.

Итак, без присутствия человеческой души, эфирное тело предается элементарному миру, и отделенное от человеческой души проходит в элементарном мире через свои преобразующиеся судьбы. В те годы, которые продолжаются для одного дольше, для другого короче, человек живет в астральном теле и он живет в том, что с точки зрения ясновидящего познания может быть названо элементарным миром. Но существует совершенно определенное стремление души, в последующее время после смерти. В физическом мире человек, собственно, не предрасположен к тому, чтобы беспрестанно смотреть на свою печень, селезенку, желудок; он этого не может; он не смотрит вовнутрь своего тела. Это не является привычкой человека на физическом плане обращать взор вовнутрь, в собственное тело, но люди видят окружающий мир. Совершенно обратное имеет место, когда человек переступил врата смерти, и живет во времени, которое в моей «Теософии» называется Миром Душ. Там душа имеет естественное стремление, главным образом направлять взор на судьбы собственного эфирного тела. Те превращения, через которые проходит эфирное тело в элементарном мире, это как бы в течение всего периода Кама-Локи является окружающим миром, внешним миром души. В это время видно, как элементарный мир принимает в себя наше эфирное тело. Если ты был здесь в физическом плане добрым малым, то видно, как это качество доброго малого согласуется с законами элементарного мира; если ты был плохим, то видно, как твое собственное эфирное тело, принимающее участие в плохости, мало согласуется с законами элементарного мира, как всюду это эфирное тело, которое ты уже сложил, но на которое ты направляешь свое внимание, как его всюду отклоняют. Переживания Кама-Локи заключаются в том, что ты видишь чем ты был по преобразующейся судьбе эфирного тела.

Именно и не следует обвинять теософию, если она говорит, что

Аристотель, а также и еще другие, учили и многому другому. Они, например, учили, что это вообще продолжается целую вечность, это озирание назад на свою собственную судьбу, так что на земле ты можешь прожить жизнь, длившуюся 80-90 лет, а затем должен целую вечность озираться на собственное эфирное тело. Истина, которой учит теософия, следующая: это озирание на эфирное тело и его судьбы, которые человек вызвал тем, чем он был, продолжается один, два, три десятка лет. Этот окружающий мир составляют превращения в элементарном мире главным образом таких существ, которые однородны с собственным эфирным телом человека, главным образом, с эфирным телом самого человека. Если хочешь наглядно описать то, то получится совершенно то, что я описал в моей «Теософии», как прохождение души через Мир Душ.

Если вообще хочешь как следует описать духовные миры, то не должно столь педантичным образом неподвижно держаться понятий, как это может быть полезным для физического, но необходимо уяснить себе, что весь окружающий мир во время Кама-Локи зависит от настроения души; зависит от того, что то, что нужно описывать, как элементарный мир, изменяется в мире души, благодаря тому, что в этом элементарном мире видна, главным образом, растворяющаяся эфирность. Эту растворяющуюся эфирность можно описывать постепенно, как она описана в моей «Теософии».

Затем приходит время, когда нечто как бы наступает во время между смертью и новым рождением, что известным образом должно быть искусственно вызвано путем ясновидческого сознания. Итак, человек, после того как он сложил с себя свое эфирное тело, живет в своем астральном теле; но наступает также время, когда это остальное тело отделяется от истинного «Я», в котором человек продолжает жить потом. Но это отделение имеет странный вид. Это отделение происходит не так, как, например, отделили бы от себя змеиную кожу, но это остальное тело, выделяющееся во все стороны, становится все большим и большим и вычленяется во всю сферу. При этом оно становится все тоньше и тоньше, и как бы всасывается всем окружающим миром. Вначале стоишь, так сказать, по отношению к собственному духовному окружающему миру, в середине. Со всех сторон выделяется астральное тело и всюду всасывается, так что окружающий мир, который имеешь вокруг себя после смерти, когда астральное тело выделилось, состоит из духовного мира и из того, что здесь всасывается из собственного астрального мира. Там видишь как уходит собственное астральное тело. При этом оно, разумеется, становится все менее отчетливым, ибо оно становится все больше и больше, чувствуешь себя также внутри в этом астральном теле и все-таки опять-таки отделенным от него. Необыкновенно трудно описывать эти вещи. Помыслите, чтобы иметь образ, что вы имеете целое множество комаров, состоящее из многих комаров; оно является черным шаром, если вы видите его издали. Когда отдельные комары удаляются во все стороны, то вскоре вы более его не увидите. Так обстоит с астральным телом, когда оно всасывается всей мировой сферой, оно становится все менее отчетливым; видно, как оно рассеивается в мире, пока не потеряется. С этим астральным телом теряется то, что всегда существует после того, как проходишь врата смерти, то что можно назвать своим прошедшим бытием, связанность с тем, что пережил на физической земле, внутри физического тела и эфирного тела. Как бы видно, как наше собственное существо теряется в духовном мире. Это подобно тому, что нужно искусственно искать для нахождения своего истинного «Я» в духовном мире. Это потрясающее, значительное впечатление, которое можно иметь, если идти путем ясновидческого сознания, наступает естественно таким образом, как это только что было описано, и истинное забвение наступает тем раньше, чем меньше оказывается после смерти душа усиленной и укрепленной. Самоотверженные, не эгоистические души, которые часто в чувственной

жизни считаются слабыми, являются как раз сильными душами после смерти: они могут долго смотреть вослед тому, что воспоминанием вогнало их в духовный мир из физического бытия. Так называемые сильно эгоистичные люди оказываются слабыми в духовном мире, у которых очень быстро исчезает собственная астральность, когда она там, во вне, сферически постепенно растворяется в духовном мире.

И затем действительно наступает момент, когда исчезает все, о чем можно вспомнить. Затем оно опять возвращается, но теперь в измененном виде. Человеку снова приносится обратно все, что известно; оно опять собирается, ко так, что является, каковым оно должно стать вследствие того, что теперь ушло, дабы верная жизнь построилась сообразно Карме в смысле старых земных жизней. Тогда из бесконечности по направлению к средоточию опять-таки продвигается то, что должно явиться результатом, что опять-таки должно вернуться из забвения в наше сознание, дабы мы, сообразно Карме, построили новую жизнь. Итак, приблизительно в середине между смертью и новым рождением существует род забвения, одно лишь переживание себя в истинном «Я».

В настоящее время большая часть людей науки подготовлена еще только так, что они это забвение переживают, как некоего рода духовный сон души, но те, что подготовлены к этому, переживают именно в этот момент забвения, перехода от воспоминания о прошедших земных жизнях к подготовке будущих, переживают то, что в «Пробуждении душ» названо мировой полночью, когда можно углубиться в необходимости бытия. Так что этот образ мировой полночи действительно связан с глубочайшими тайнами человеческого бытия. Итак, мы можем сказать: то, что есть в человеке таинственного, что есть его истинное существо, в чем также он живет между смертью и новым рождением, и чего никогда не может узнать обыкновенное сознание, это раскрывается ясновидческой душе. И это переживание поглощение нашей собственной астральности окружающим духовным миром, который мы на этот раз описали с точки зрения ясновидческого сознания, это можно описать постепенно, точно так же, как это описано в моей «Теософии», и в «Тайноведении», как собственно Страна Духов. То, что переживает душа, когда естественным путем наступает то, что искусственно наступает, благодаря переживаниям, описанным для ясновидческого сознания, это именно может быть описано так, как это сделано в «Теософии», Вот согласованность тех выражений, которые здесь употреблены для этих отношений с теми, что употреблены в «Теософии» и «Тайноведении».

И таким образом мы можем затем сказать, мы попытались, как в этом цикле лекций, так и в цикле драм, указать на сущность мира и на то что участвует в этой сущности мира, на существо человека. Раз перед нами прошли такие мысли, то может быть нужно будет прибавить, что необходимо несколько продолжить собственной душой такие пути, как они были намечены в этом цикле лекций. Ибо вы увидите, если вы попытаетесь все глубже и глубже проникнуть опять-таки в «Пробуждения Душ», что вам раскроется много из тайн бытия, что вы скажете: эти вещи существуют действительно для откровения и раскрытия этих тайн.

Я, например, обращаю ваше внимание на следующее: попытайтесь медитативно пережить дальше то, что я сказал об Аримане, как господине смерти в мире, тем, что изображено в «Пробуждении Душ». Это ясно изображено, начиная с III картины «Пробуждение Душ», но уже намечено в тех словах, которые говорит Страдер Начальнику бюро: «Случится то, что и должно случиться», в которых начальник бюро слышит нечто вроде шепота духовного мира, чем начинается его духовное ученичество; более или менее в намеках представлено это здесь, но начиная с III картины мы видим, как постепенно все яснее и яснее приближаются настроения, силы, подготавливающие смерть Страдера. Нельзя будет понять, почему в

решающей IV картине появляется Теодора и говорит, что она хочет сделать для Страдера в Стране Духов, если не испытать неясного чувства которое правильно в этом месте, заставляющего нас чего-то ожидать. Неверно ощутят то, что говорит Бенедикт в той же картине, как умаление своего видения, если не ощутить, как в это видение вступают силы приближающейся смерти Страдера. Неверно ощутят в простой, но многозначительной, IX картине, где Бенедикт со Страдерой говорят друг с другом, если образное видение Страдера с предчувствием, что то, что он применил для укрепления души, подчас губительно обращается против его собственной души, если и здесь не понять этого и в связи со словами Бенедикта, опять-таки говорящего об умалении его зрения... так, чтобы предчувствовать приближение чего-то неопределенного. Настроение приближающейся смерти Страдера, пролито на все развитие также и других действующих лиц драмы, начиная с III картины. И если вы это сопоставите с тем, что было изложено об Аримане, как о господине смерти, вы достигнете все более и более глубоких познаний, связанных с духовными тайнами; особенно, если вы примете во внимание какую роль играет Ариман в настроении драмы, находящийся под влиянием импульса смерти Страдера.

И опять-таки можно будет верно понять последнюю встречу, многозначительно задуманную, между Бенедиктом и Страдером в конце, и затем последние слова монолога Бенедикта, если как следует обратить внимание на правомерное и неправомерное вторжение Аримана в мир Душ и Слово мировых царств. Эти вещи действительно задуманы не так, чтобы только дать им пройти мимо души, но чтобы в них вдаваться все глубже и глубже. Не для того, чтобы критиковать, но только для того, чтобы представить объективные факты, следует это сказать, что все-таки во многих симптомах выявилось, что появившиеся за последние три-четыре года книги и циклы все-таки прочитывались, собственно, не так, как они могли бы быть прочитаны так, чтобы дойти до всего, что имеется в виду и сказано, более или менее даже ясно сказано. Это, правда, говорится здесь не в смысле упрека. Я очень далек от этого; но это говорится потому, что как бы именно благодаря всему, почти ежегодно в конце мюнхенского цикла в душе могут выступить также мысли; мысли, напоминающие о том, что наше теософическое или антропософическое движение совершенно вставлено в настоящее. Необходимо подумать о том, каково правильное внесение этого движения в настоящее, в эту хаотическую сутолоку культуры современности. Лишь тогда можно будет развить ясные, бдительные мысли об этом внесении, если прежде всего обратить внимание на одно. На то, что наша культура наверное опустеет засохнет, если не получит того обновления, которое приходит из источников серьезного и подлинного оккультизма. Но, с другой стороны, именно такой цикл лекций, который, с одной стороны, может быть дал нам познать необходимость обращения к теософии, к духоведению, дает нам почувствовать нечто иное, сможет дать почувствовать каждой отдельной душе, то, что можно было бы обозначить как чувство ответственности.

Многое из того, что связано, мои милые друзья, с чувствованием этой ответственности и с всматриванием в то, как это наше столь необходимое и неотложное движение, выявляется с теневыми сторонами и с ошибками, многое из этого запечатлевается глубоко в подосновы души, и тогда переживаешь многое при виде того, каким наше движение должно быть и каким оно, разумеется, в настоящее время, может быть, что действительно едва может быть высказано в словах, что также предпочтительнее всего не высказывает тот, кто вполне ощутил и несет это в своей душе, ибо, если так ощутить ее, эта ответственность тяготеет иногда на душах и если так ощутить ее, то представляется в очень печальном свете, если со всех сторон в настоящее время всплывают оккультизмы и существует итак мало этого чувства ответственности. И если действительно ради хода развития

человечества хотелось бы, с одной стороны, смотреть на расцвет теософической мудрости, как на самое прекрасное, на самое великое, что может пережить настоящее и ближайшее будущее, то можно было бы также, с другой стороны, приветствовать как самое великолепное, самое прекрасное, часто самое удовлетворительное, если бы пришло и другое: если бы было видно, как потоки чувства ответственности пробуждаются в каждой отдельной душе, охваченной нашим духоведением. И еще больше хотелось бы ценить это появление чувства ответственности.

Это наше движение считали бы особенно счастливым, если бы в его истечениях можно было бы в то время всюду, подобно прекрасному эхо, узреть это чувство ответственности. Многие из тех, кто ощущает это чувство ответственности, могли бы словно легче нести его, если бы многократные могли бы они слышать такое эхо в чувстве ответственности. Но и здесь есть много вещей, по отношению к которым, мои милые друзья, должно предаться надеждам на будущее, ожиданию будущего, по отношению к которым должно жить в вере и уповании, что правое и верное охватит человеческую душу своей собственной ценностью, что действительно случится то, что собственно должно случиться. Расставаясь после этого цикла лекций, можно это очень сильно ощутить; ибо теперь хотелось бы, в сущности, вложить в каждую отдельную душу нечто из того, что могло бы пробудиться и засветиться, как теплота к нашему делу, но также и как чувство ответственности по отношению к нашему делу; и это было бы самым прекрасным впечатлением нашего теософического, нашего духоведческого стремления, если бы все мы могли чувствовать, как нас соединяет, подобно прекраснейшим узам, когда мы пространственно вместе соединяет в подлинной, истинной общности духа, имеющаяся во всех душах однородная теплота к нашему делу, в любви отдаче себя нашему делу и, в то же время, в чувстве ответственности по отношению к нашему делу.

Итак, пусть и в этот раз это будет сказано вашим душам, как прощальный привет на то время, когда мы снова рассеемся, после того как мы пространственно некоторое время были вместе: пусть истина духовной жизни все более и более подтвердится на наших душах, и раскроется тем, что потом, когда пространственно мы не будем вместе, чтобы мы все-таки были вместе, благодаря тому, что в нас живет истинная теплота, могущая воссиять в наших душах из искреннего, полного любви переживания нашей истины, связанного с подлинным, честным чувством ответственности или, по крайней мере, со стремлением к этому чувству ответственности по отношению к нашему святому и столь необходимому для мира делу. Если мы чувствуем так, мои милые друзья, то мы всегда одинаково вместе в духе. Можем ли мы, соединенные нашей Кармой быть пространственно вместе, или же наша Карма на время пространственно рассеивает нас к нашим делам и жизненным трудам, мы все-таки, наверное, вместе если мы вместе в теплоте и чувстве ответственности наших душ. Если же мы вместе, мы можем возлагать надежду и упование на наше дело и иметь к нему доверие; ибо оно тогда так вживается в культуру, в духовное развитие человечества, как оно должно вжиться; так вживается, чтобы мы действительно это наше дело могли ощутить как шепот, идущий из духовного мира, и с теплотой, изливающейся во все наши души. Случится то, чему надлежит случиться и также что должно случиться.

И попытаемся стать способными к этой нашей духовной общности, тем, чтобы поскольку дело в нас, через нас случилось бы то, чему надлежит случиться, что должно случиться.